

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 3(38) 2020

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 3(38) 2020

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» включен в перечень ведущих научных изданий, в котором публикуются результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия;

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsybalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;
Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора.....	8
<i>К 125-летию со дня рождения С.А. Есенина</i>	
Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Крылатое слово С.А. Есенина в русском языковом пространстве.....	10
Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина.....	17
Соколова М.Г. Эволюция тропов «тополь/клен – металлы» в русской поэзии XIX–XX веков и идиостиле С.А. Есенина.....	27
<i>Лингвистика</i>	
Заварзина Г.А., Тишина Е.В. Экспрессивные синтаксические конструкции в текстах ключевых выступлений президента Российской Федерации В.В. Путина.....	35
<i>Методика преподавания языков</i>	
Краснюк И.Н., Барышникова У.Н., Волкова С.Б. Игровые упражнения как эффективный метод обучения иностранных слушателей подготовительного отделения на примере общегуманитарных дисциплин (из опыта работы преподавателей БГУ).....	44
Шехватова А.Н. Оценка качества тестов по русскому языку для иностранных студентов в СДО Moodle.....	55
<i>Аспекты изучения художественного текста</i>	
Давыдова А.В., Меньшикова И.А. Образ леса в малой прозе Ю. Галкина.....	61
Абузова Н.Ю. Колористический аспект пейзажа в стихотворениях Ф.И. Тютчева.....	67
Расторгуева М.Б., Савицкайте Е.Р., Полевая Г.Н. К вопросу об употреблении имен собственных в произведениях современной прозы (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин»).....	79
<i>Лингвокультурология</i>	
Паршина О.Д. Прецедентный феномен «прирастать провинцией»: к постановке вопроса.....	87
Кушнир К.И. Стихия огня в лирике В.А. Солоухина: лингвокультурологический аспект.....	97

Межкультурная коммуникация

Суворова Н.В., Квашнина Д.С. О связи некоторых славянских названий месяцев с календарными праздниками	103
---	-----

Концептология

Ковалева Л.В., Коростылева Н.Н. Концепт и способы его реализации в языке: современный методологический подход.....	112
--	-----

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Полонский А.В., Глушкова В.Г. Журнал «Нива» в контексте культуры Серебряного века.....	118
--	-----

Язык СМИ

Илмаз-Леденева Т.О. Типы индивидуальных аккаунтов в дискурсе СМИ.....	129
---	-----

События, обзоры, рецензии

Лысова О.Ю., Немич Н.Н. Динамические процессы в лексике, фразеологии и грамматике-2020 (итоги методологического семинара научной школы профессора, доктора филологических наук Е.П. Иванян).....	139
--	-----

Правила оформления статей.....	145
--------------------------------	-----

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor	8
<i>On the 125th anniversary of S.A. Yesenin</i>	
Koltsova L.M., Churikov S.A. S.A. Yesenin's popular expressions in Russian language.....	10
Klimkova L.A. Biblionyms in the Lyrics of S.A. Esenin.....	17
Sokolova M.G. Evolution of tropes «POPLAR / MAPLE – METALS» in Russian poetry of the XIX-XX centuries and in the idiosstyle of S.A. Yesenin.....	27
<i>Linguistics</i>	
Zavarzina G.A., Tishina E.V. Expressive syntactic structures in the texts of key speeches of the president of Russian Federation V.V. Putin.....	35
<i>Methods of teaching languages</i>	
Krasnyuk I.N., Baryshnikova U.N., Volkova S.B. Playing exercises as an effective method of teaching foreign listeners preparatory branches on the basis of learning humanitarian disciplines (from the experience of the Baikal State University).....	44
Shekhvatova A.N. Quality assessment of tests in Russian language for foreign students in LMS MOODLE.....	55
<i>Literary text: aspects of study</i>	
Davydova A.V., Menshikova I.A. The image of forest in Yu. Galkin's small prose.....	61
Abuzova N.Yu. Coloristic aspect of the landscape in F.I. Tyutchev's poems.....	67
Rastorgueva M.B., Savickaite E.R., Polevaya G.N. On the use of proper names in works of modern prose (on the example of the novel by D. Rubina «Zheltukhin»).....	79
<i>Language and culture studies</i>	
Parshina O.D. The precedent phenomenon «the growth up due to a province»: the issue posing	87
Kushnir K.I. The element of fire in V.A. Soloukhin's verse: linguo-cultural aspect.....	97

Intercultural communication

Suvorova N.V., Kvashnina D.S. To the issue of connection of some Slavic names of months with calendar holidays..... 103

Concept studies

Kovaleva L.V., Korostyleva N.N. The concept and the ways of its language realization: modern methodology..... 112

Journalism in historical and theoretical aspect

Polonskiy A.V., Glushkova V.G. The magazine «NIVA» in the context of Silver age culture 118

Language of mass media

Ilmaz-Ledeneva T.O. Types of personal accounts in social networking..... 129

Events and reviews

Lysova O.Yu., Nemich N.N. Dynamic processes in lexic, phraseology and grammar – 2020 (results of the methodological seminar of professor, doctor of Philological sciences E.P. Ivanyan’s scientific school)..... 139

Layout of the articles..... 145

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей тридцать восьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: *I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII - «Язык СМИ», IX - «События, обзоры, рецензии».* Отдельно представлен раздел «К 125-летию со дня рождения С.А. Есенина».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 16 научных работ.

В раздел «К 125-летию со дня рождения С.А. Есенина» входят работы, посвященные исследованию различных аспектов творчества великого поэта (Кольцова Л.М., Чуриков С.А., Климова Л.А., Соколова М.Г.).

Раздел «Лингвистика» включает работу, посвященную экспрессивному синтаксису в выступлениях В.В. Путина (Заварзина Е.А., Тишина Г.В.).

Раздел «Методика преподавания языков» представлен работами, связанными с игровым компонентом на уроках РКИ (Краснюк И.Н., Барышникова У.Н., Волкова С.Б.) и использованием платформы MOODLE для тестирования иностранных учащихся (Шехватова А.Н.).

Раздел «Аспекты изучения художественного текста» включает статьи, рассматривающие такие аспекты художественных текстов, как образность, колористика, использование личных имен (Давыдова А.В., Меньшикова И.А., Абузова Н.Ю., Расторгуева М.Б. и др.).

Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу прецедентного феномена «прирастать провинцией» (Паршина О.Д.) и лингвокультурологического аспекта репрезентации стихии огня в поэзии В.А. Солоухина (Кушнир К.И.).

Раздел «Межкультурная коммуникация» включает работу, исследующую связь названий месяцев и календарных праздников в славянских языках (Суворова Н.В., Квашнина Д.С.).

Раздел «Концептология» посвящен описанию современного методологического подхода в исследовании концептов и их реализации (Ковалева Л.В., Коростылева Н.Н.).

В раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» входит работа, посвященная исследованию журнала «Нива» в контексте культуры Серебряного века (Полонский А.В., Глушкова В.Г.).

Раздел «Язык СМИ» представлен работой, описывающей различные типы персональных аккаунтов в социальных медиа (Илмаз-Леденева Т.О.).

Заключает выпуск раздел «События, обзоры, рецензии», в котором рассказывается о методологическом семинаре профессора Е.П. Иванян.

Содержащиеся в выпуске 3(38) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С.А. ЕСЕНИНА ON THE 125TH ANNIVERSARY OF S.A. YESENIN

УДК 811.161.1'42

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка
Кольцова Л.М.
Россия, г. Воронеж, тел. +79110517091
e-mail: kolzowa@mail.ru*

*Voronezh State University
The chair of Russian language
Doctor of Philology, the head of the chair
Koltsova L.M.
Russia, Voronezh, tel. +79009441389
e-mail: kolzowa@mail.ru*

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Чуриков С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79204498200
e-mail: churikovsa@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of Russian language
PhD, associate professor
Churikov S.A.
Russia, Voronezh, tel. +79204498200
e-mail: churikovsa@yandex.ru*

Л.М. Кольцова, С.А. Чуриков

КРЫЛАТОЕ СЛОВО С.А. ЕСЕНИНА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье, посвященной 125-летию юбилею великого русского поэта Сергея Александровича Есенина, рассматриваются цитаты и крылатые выражения поэта, широко распространенные в русском дискурсе XX и XXI веков. Собранный авторами материал доказательно свидетельствует о том, что «крылатика» С.А. Есенина в разнообразных и многочисленных интертекстовых словарях современного русского языка зафиксирована далеко не в полном объеме и описана весьма недостаточно. В некоторых современных словарях крылатых слов и выражений обнаружены недостоверные сведения о есенинской «крылатике». Этим определяется необходимость создания «Словаря цитат и крылатых выражений С.А. Есенина», который займет свое законное и достойное место в числе лексикографических описаний крылатых выражений и цитат, вошедших в современное русское языковое пространство из поэтического мира классической литературы. Авторы описывают состав и особенности функционирования крылатых единиц С.А. Есенина в различных текстовых позициях принимающего текста, указывают наиболее частотные и значимые для современной русской речи есенинские строки. Их описание дано на широком языковом материале, извлеченном из текстов разной стилистической и жанровой принадлежности с помощью информационно-поисковых систем (в том числе «Национального корпуса русского языка»). Проведенное исследование убедительно подтверждает высокую востребованность художественного слова С.А. Есенина, воплотившего в себе подлинно народный образ мысли, его обычаи, верования и чувствования, а также свойственные русскому народу воззрения на природу и человека. Полученные данные позволяют уверенно говорить о том, что С.А. Есенин входит в круг самых цитируемых русских поэтов XX и XXI веков.

Ключевые слова: С.А. Есенин, поэтический язык, крылатые выражения, цитаты, текстовые позиции.

L.M. Koltsova, S.A. Churikov

S.A. YESENIN'S POPULAR EXPRESSIONS IN RUSSIAN LANGUAGE

The article devoted to the 125th anniversary of great Russian poet S.A. Yesenin sites quotations and popular expressions of the poet which are widely spread in Russian discourse of the 20th and 21st centuries. The material collected

by the authors demonstrates clearly that Yesenin's quotations in various intertextual dictionaries of Russian language are not recorded and described completely. In several modern dictionaries of popular expressions the authors found some wrong information about Yesenin's quotations. This fact proves the necessity of compilation of "Vocabulary of S.A. Yesenin's quotations and popular expressions" which will be included in the list of lexicographical descriptions of quotations and popular expressions that came to Russian language from classical poetry. The authors describe the structure and functioning of Yesenin's popular expressions in different textual positions of the adapting text, point at his most frequent quotations which are important for modern Russian speech. This description is based on wide language material taken from the texts of different styles and genres with the help of information searching systems (including "The national corps of Russian language"). The presented research proves high interest to Yesenin's artistic word which embodies national way of thinking, Russian traditions, beliefs and feelings as well as Russian national view on nature and people. The results testify the fact that S.A. Yesenin is one of the most quoted Russian poets of the 20th and 21st centuries.

Key words: S.A. Yesenin, poetic language, popular expressions, quotations, textual positions.

125-летие со дня рождения Сергея Александровича Есенина, вне всякого сомнения, – литературный праздник для всей нашей необъятной страны. Город Воронеж, где С.А. Есенин никогда не был, также чтит память о великом поэте, связанном с Воронежским краем незримыми, но очень прочными золотыми нитями.

С.А. Есенин считал своим «старшим литературным братом» А.В. Кольцова, такого же поистине народного поэта. В университете Шанявского, где поэт приобщался к широкому филологическому и историческому знанию, его преподавателем был профессор И.Н. Бороздин, который в 1950-е годы работал в Воронежском государственном университете и хранил в своей библиотеке два сборника стихотворений С.А. Есенина («Исповедь Хулигана» и «Трерядица») с трогательными посвящениями уважаемому профессору. А его супруга, известный филолог, профессор П.А. Бороздина многим поколениям студентов передавала свое глубокое и тонкое понимание связи творчества С.А. Есенина с поэзией Востока и подчеркивала его достойное место в многонациональной и многоцветной культуре нашей Родины в ее недавнем общем прошлом и настоящем. Таким образом, Воронежский университет очень тесно связан с творчеством С.А. Есенина работами литературоведов и лингвистов, историков и психологов, которые на протяжении многих лет обращаются к загадке творческого гения всенародно любимого поэта. К его наследию обращались такие известные воронежские ученые, как А.М. Абрамов, С.Г. Лазутин, П.А. Бороздина, В.М. Акаткин, С.И. Доброва, Е.А. Правда и многие другие. Курсовые и дипломные работы, доклады и сообщения студентов на конференциях разного уровня неизменно привлекают к себе внимание, когда в них речь идет о есенинских стихах, не теряющих со временем своей свежести, созвучия эпохе, остроты и глубины чувства. Так, недавно подготовленная на кафедре русского языка филологического факультета ВГУ магистерская диссертация М.К. Гончаровой, посвященная крылатому слову С.А. Есенина, стала подготовительным этапом к составлению «Словаря цитат и крылатых выражений С.А. Есенина» в рамках масштабного лексикографического описания «крылатики» русских поэтов, осуществляемого на кафедре русского языка Воронежского государственного университета (см. [1], [2], [3])

Поэта в Воронеже величают «бесконечной легендой» (именно так называлась проведенная в 2020 году в столице Черноземья выставка, посвященная юбилею поэта «Есенин. Бесконечная легенда»). Два музея С.А. Есенина, памятник поэту, улица и сквер, названные его именем – это знак любви и уважения человеку, написавшему стихи, вошедшие во все хрестоматии, учебники русской литературы, сборники крылатых слов и афоризмов, речь политиков, журналистов и пр. К самым часто цитируемым строкам, по нашим наблюдениям, относится всем известное четверостишие:

*Но и тогда, когда по всей планете
Пройдет вражда племен, исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать все существом в поэте
Шестую часть Земли, с названьем кратким «Русь».*

Место и роль поэта в национальной и мировой культуре как раз и определяется, на наш взгляд, глубиной и степенью вхождения в языковое пространство созданных им образов, крылатых слов и выражений. К крылатым единицам мы, следуя принципу, предложенному В.М. Мокиенко и К.С. Сидоренко (см. [4, с. 5]), включаем слова или сверхсловные единицы, принадлежащие автору и получившие распространение за рамками его произведений. При этом в число таких единиц не включается использование поэтических строк в биографических, литературоведческих и других работах, которые посвящены творчеству поэта; в иллюстративных зонах словарных статей толковых и иных словарей; в качестве иллюстративных примеров каких-либо лингвистических или литературоведческих явлений в монографиях по филологии, учебных пособиях и т. д.

С учетом этих условий и ограничений в современном языковом пространстве нам удалось выявить более 150 единиц, восходящих к произведениям С.А. Есенина, которые с полным основанием могут считаться крылатыми. Наиболее частотными из них являются: *И страна березового ситца* («Не жалею, не зову, не плачу...»); *Шестая часть земли, С названьем кратким «Русь»* («Русь уходящая»); *Здрав штаны, бежать за комсомолом* («Русь уходящая»); *Гой ты, Русь, моя родная, // Хаты – в ризах образа...* (Гой ты, Русь, моя родная); *Лицом к лицу Лица не увидать. Большое видится на расстояньи* (Письмо к женщине); *Вы помните, Вы всё, конечно, помните* (Письмо к женщине); *Не жалею, не зову, не плачу (Не жалею, не зову, не плачу)*; *Жизнь моя... Иль ты приснилась мне?* (Не жалею, не зову, не плачу); *В этой жизни умирать не ново, / Но и жить, конечно, не новей* («До свиданья, друг мой, до свиданья...»); *Еще закон не отвердел* («Ленин»); *Куда несет нас рок событий?* («Письмо к женщине»); *Так мало пройдено дорог, // Так много сделано ошибок* («Мне грустно на тебя смотреть...»); *Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок* (Мне грустно на тебя смотреть...); *Ах! какая смешная потеря! // Много в жизни смешных потерь* (Мне осталась одна забава...); *И зверье, как братьев наших меньших [Никогда не бил по голове]* («Мы теперь уходим понемногу...»); *Белая береза // Под моим окном* (Береза); *Отговорила роща золотая / Березовым, веселым языком* (Отговорила роща золотая).

В целом выявленные крылатые единицы С.А. Есенина восходят к 72 его произведениям. Самыми «крылатоёмкими» из них стали такие стихотворения, как «Не жалею, не зову, не плачу» (1921); «Письмо к женщине» (1924); «Ленин» (1924); «Русь советская» (1924).

К наиболее известным и часто используемым строкам из этих стихотворений относятся следующие: *Не жалею, не зову, не плачу*; *Все пройдет как с белых яблонь дым*; *Страна березового ситца*; *Лицом к лицу Лица не увидать. Большое видится на расстояньи*; *Куда несет нас рок событий. Остался в прошлом я одной ногою*; *Отдам всю душу Октябрю и маю, Но только лиры милой не отдам. Еще закон не отвердел*; *Страна шумит, как непогода*; *Хлестнула дерзко за предел, Нас отравившая свобода*; *Того, кто спас нас, больше нет*.

Обратимся к примерам употребления интересующих нас крылатых единиц (большинство этих примеров взято нами из Национального корпуса русского языка [5]).

Вот как по-новому актуально звучат есенинские строки в речи Ю.М. Полякова:

Любые новшества нужно тщательно дозировать, подобно ядам, входящим в состав лекарств. Помните у Есенина: «Хлестнула дерзко, за предел нас отравившая свобода...»? Свобода, конечно, хорошее слово, но часто национальные катастрофы начинаются с того, что люди из хороших слов делают фетиши. Не надо, к примеру, превращать слово "демократия" в заклинание (Ю.М. Поляков: птица-тройка летит в будущее // Труд-7, 2001.12.27).

А так вводит в свою статью крылатые слова поэта известный математик Г.Г. Малинецкий:

*Блеск и нищета «эффективных менеджеров»
Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстояньи. /С.А. Есенин/*

(Г.Г. Малинецкий. Инженеры, никто, кроме вас! // «Знание-сила», 2012).

Всемирно известный хирург Н.М. Амосов в своей биографической книге «Голоса времен» есенинской строкой описывает свои воспоминания:

– *Все очень хорошо, муж – студент, любит, имеем комнатку в общежитии... Вот так: «Все прошло, как с белых яблонь дым...» Нет, не сразу, года два еще болело, другие девушки не нравились... Было у меня с ней еще две встречи* (Н.М. Амосов. Голоса времен (1999)).

Журналисты образное определение России С.А. Есениным используют в своих публицистических статьях, например: *...едут к нам целыми семьями. Чем же их так прельщает "страна березового ситца", почему российские власти столь спокойно относятся к этому?* (Ивойлова И. Проходный двор // Труд-7, 2003.08.05).

Важным качеством крылатых выражений С.А. Есенина остается их использование в абсолютно сильных текстовых позициях: заглавия, эпиграфа, абсолютного начала и абсолютного конца. Так, в позиции заголовка, который является вершиной текстовой иерархии и аккумулирует в себе и эксплицитный, и имплицитный смыслы текста, представлены более двух десятков крылатых выражений С.А. Есенина. Самым распространённым «есенинским» заглавием в художественных произведениях является *«Не жалею, не зову, не плачу»*. Так называет один из своих романов известный автор детективных произведений В.Г. Колычев. Лирическая строка поэта в общем литературном контексте создает контрапункт жесткому и даже жестокому содержанию произведения. Внимательный читатель на уровне подсознания ощущает несовместимость глубокого чувства и жизни человеческой души с криминальным миром. Таким образом, даже произведение массовой литературы соприкасается с главными гуманистическими смыслами отечественной культуры.

Народный писатель Казахстана И.П. Щеголихин заглавием своего автобиографического романа сразу подключает себя и читателя к тому внутреннему миру, в который так глубоко проникает взгляд истинного художника, поэта, творца.

В позиции заголовка встречаем и многие другие есенинские строки:

«Жизнь моя иль ты приснилась мне» – название повести С. Фетисовой.

«Никогда я не был на Босфоре» – название романа Т. Устиновой.

«Страна березового ситца» – название стихотворения А.В. Гаврюшкина.

«Клен ты мой опавший» – название либретто киносценария Э. Севела.

При этом чаще всего есенинские строки в современной письменной речи встречаются в заголовках публицистических текстов:

«Здрав штаны, бежать за комсомолом» – название статьи И. Начаровой, в которой рассказывается о театре МДТ и начале театрального сезона («Известия», 2007.09.20).

«Лицом к лицу лица не увидать» – название статьи А. Назарикова, в которой дается оценка сегодняшней ситуации с проектом «Евразийский союз» (<http://viperson.ru/articles/aleksandr-nazarikov-litsom-k-litsu-litsa-ne-uidat-bolshoe-viditsya-narasstoyanii>).

Не менее важное значение имеет использование есенинского крылатого слова в **позиции эпиграфа**, поскольку выводит на поверхность не только основной смысл текста, определяет авторскую позицию, но и выражает дух произведения, сопряженный с образным строем и особым есенинским восприятием мира.

Например, Н.Ф. Щербак в своей повести «Роман с филфаком» в качестве эпиграфа использует всем известное есенинское *«Не жалею, не зову, не плачу»* (Н. Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010).

М. Базанков в своей книге «Покуда кто-то ждет меня..., или Диверсант» выводит в эпиграф строки из поэмы «Анна Снегина»: – *«Сергей! Вы такой нехороший...»* (М. Базанков. Покуда кто-то ждет меня..., или Диверсант космический // «Наш современник», 2003.08.15).

Одна из глав в мемуарах о В.С. Высоцком Давида Карапетяна начинается со слов **«Проведите, проведите меня к нему, Я хочу видеть этого человека»** (Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000-2002).

В. Кабаков для своей статьи «Логика смерти» в качестве эпитафии берет слова из предсмертного стихотворения Сергея Есенина: **«В этой жизни умирать не ново / Но и жить, конечно не новей...»** [«Христианская газета», 2013.01.15]

Неисчислимо количество использований крылатых выражений С.А. Есенина в позиции эпитафии в текстах, размещенных на сайтах и порталах в интернет-пространстве («Стихи.ру», «Проза.ру», «Литлайф», «45-я параллель» и др.)

В современных поэтических произведениях крылатая есенинская строка нередко занимает позицию абсолютного начала и абсолютного конца текста. Мысль С.А. Есенина, облеченная в эстетически совершенную форму, становится либо посылом к собственному образному воплощению волнующего современного автора факта, события или состояния, либо итогом поэтических раздумий. Так, например, обращается к строке С.А. Есенина в своем программном стихотворении А. Вертинский:

До свиданья, друг мой, до свиданья,

Мне так трудно жить среди людей:

Каждый шаг мой стерегут страданья.

В этой жизни счастья нет нигде.

Или современный автор Т. Владимировна начинает свое стихотворение с трагических слов С.А. Есенина, широко разошедшихся, разбежавшихся, разлетевшихся в разнообразных вариациях по всему поэтическому пространству XX и XXI вв.:

«В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей», -

На прощанье брошенное слово

В суету тоскливо-серых дней

(URL: <http://pishi-cudonew.stihiru.site/2015/09/28/8617>).

В позиции абсолютного конца текста используется есенинские строки, ставшие афоризмами и утратившие авторство: **«Мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть»**; **«Так мало пройдено дорог // Так много сделано ошибок»**; **«Нас отравившая свобода»**; **«Любил он родину и землю, // Как любит пьяница кабак»**.

Опора на теорию позиций [6, с. 28-38] при анализе функционирования поэтического слова С.А. Есенина дает возможность объективно и адекватно оценить меру и степень вхождения в языковое пространство и жизни в нем каждой конкретной крылатой единицы.

Особого внимания заслуживают средства, способы и приемы преобразования канонических вариантов крылатых выражений в «чужом» тексте, поскольку такой анализ позволяет проникнуть в глубинные тайны поэтического мышления, в особенности мировосприятия, где один художник использует мысль другого как опору, а другой автор – для создания антитезы, сознательного столкновения непримиримых мировоззренческих позиций, как это делает Маяковский в стихотворении «Сергею Есенину»:

В этой жизни

помереть

не трудно.

Сделать жизнь

значительно трудней.

[В. В. Маяковский. Сергею Есенину (1926)]

Все собранные исследователями есенинского языка сведения должны найти свое место в «Словаре цитат и крылатых выражений С.А. Есенина», концепция которого достаточно хо-

рошо отработана и реализована в словарях «Крылатое слово А.В. Кольцова» [1] и «Крылатое слово И.С. Никитина [3], подготовленные на кафедре русского языка Воронежского государственного университета. Это важно еще и потому, что духовная связь С.А. Есенина с Воронежским краем, с нашей родной землей обнаруживается в близости его творчества с жизнью и поэзией А.В. Кольцова. Эта удивительная близость заключается не только в общих мотивах, замечательной лиричности, живой народной многоцветной и многозвучной речи, дорогой и понятной каждому русскому человеку, но и в сходстве их высоких идеалов, дум и мечтаний. Может быть, только этим двум поэтам удалось заговорить истинно народным языком в его самой возвышенной песенной форме, в его гениальной простоте. К творчеству С.А. Есенина в полной мере приложимы слова В.Г. Белинского, сказанные им о поэзии А.В. Кольцова: *«Он не для фразы, не для красного словца, не воображением, не мечтою, а душою, сердцем, кровью любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в натуре русского селянина <...> Он носил в себе все элементы русского духа, в особенности страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и вместо того, чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размашистое упоение, а если уже пасть, то спокойно, с полным сознанием своего падения, не прибегая к ложным утешениям, не ища спасения в том, чего не нужно было ему в его лучшие дни. <...> Кольцов знал и любил крестьянский быт так, как он есть на самом деле, не украшая и не поэтизируя его. Поэзию этого быта нашел он в самом этом быте, а не в риторике, не в пиитике, не в мечте, даже не в фантазии своей, которая давала ему только образы для выражения уже данного ему действительностию содержания. И потому в его песни смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченные бороды, и старые онучи – и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии»* [7, с. 85-86]. Точно также в поэтический мир С.А. Есенина, а затем в образный строй русского языка вошли «край задумчивый и нежный», «страна березового ситца», «голубая Русь», «малиновое поле и синь, упавшая в реку», «озерная тоска», «хаты - в ризах образа», «белых яблонь дым», «скирды солнца в водах лонных», «холщовый сарафан березки», «клен заледенелый», «костер рябины красной» и многое другое. И совершенно естественно, что русский язык открыл свои объятия и поэтическому слову А.В. Кольцова, и поэтическому слову С.А. Есенина, наделив их крылатостью и бессмертием. Глубоко символично и то, что дата рождения А.В. Кольцова - **3 октября** (по старому стилю), а С.А. Есенина – **3 октября** (по новому стилю).

И крылатое слово С.А. Есенина, великого русского народного Поэта, который «сердцем никогда не лгал», дано человеку на все времена для того, чтобы исцелять страдания, глубоко понимать и чувствовать «нежность грустную русской души».

Библиографический список

1. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Крылатое слово А.В. Кольцова. Опыт словаря. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. 182 с.
2. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Поэтическое слово А.В. Кольцова в русской речи. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. 156 с.
3. Кольцова Л.М., Чуриков С.А., Винтер М.В. Крылатое слово И.С. Никитина. Опыт словаря. Воронеж: ИД ВГУ, 2019. 152 с.
4. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
5. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения – 20.07.2020).
6. Кольцова Л.М. Пунктуация художественного текста: теория, практика, интерпретация. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. 228 с.

7. Белинский В.Г. О жизни и сочинениях Кольцова // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 9 т. Т. VIII. М., 1982. С. 78–120.

References

1. Koltsova L.M., Churikov S.A. Popular expressions of A.V. Koltsov. Vocabulary experiment. 2nd edition. Voronezh, 2012. 182 p.
2. Koltsova L.M., Churikov S.A. A.V. Koltsov's poetic word in Russian speech. Voronezh, 2013. 156 p.
3. Koltsova L.M., Churikov S.A., Winter M.V. Popular expressions of I.S. Nikitin. Vocabulary experiment. Voronezh, 2019. 152 p.
4. Mokienko V.M., Sidorenko K.P. The vocabulary of Pushkin's popular expressions. St.-Petersburg, 1999. 752 p.
5. The national corps of Russian language. URL: www.ruscorpora.ru (date of application – 20.07.2020).
6. Koltsova L.M. Punctuation in artistic text: theory, practice, interpretation. Voronezh, 2012. 228 p.
7. Belinsky V.G. About life and works of Koltsov // Belinsky V.G. Completed works in 9 vol. Vol. 8. Moscow, 1982. P. 78–120.

УДК 811.161.1

*Арзамасский филиал
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и литературы
Климкова Л.А.
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас,
тел. 8-910-392-16-98
e-mail: dialekt_arz@mail.ru*

*National research Nizhny Novgorod
State University named after N.I. Lobachevsky
Arzamas branch
The chair of Russian language and literature
PhD in Philology, full professor,
Klimkova L.A.
Russia, Nizhny Novgorod region, Arzamas
tel. 8-910-392-16-98
e-mail: dialekt_arz@mail.ru*

Л.А. Климкова

БИБЛИОНИМЫ В ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА

Статья посвящена одному из компонентов художественного текста – библиони́му (заглавию), рассмотрению его в научно-теоретическом и научно-практическом планах на материале библионимического пространства в творчестве С.А. Есенина, с использованием ряда методов – описательно-аналитического, лингво-когнитивного, лингво-стилистического, структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного, собственно лингвистического в соответствии с различными уровнями языка, что и составило цель и задачи статьи. При описании речевого материала автор исходит из теоретических положений о специфике художественного текста через перечисление его признаков-категорий, сильных позиций-доминант текста, вскрывая суть библионима как синкретичного знака текста – одного из разрядов проприальных имен, который обладает всеми онимическими и собственными, дифференциальными признаками-категориями и функциями – внутритекстовыми: начальной, прогнозирующей, номинативно (тема)-рема-тематической (через категорию проспекции); предикации, рема-тематической (через категорию ретроспекции), интригующей, посреднической, а также внетекстовыми: интертекстуальной, представительской, ориентирующей. Показана смысловая, функциональная, статусная нагруженность, семантическая, лексическая, структурно-деривационная, грамматическая неоднородность, типология анализируемых единиц. Теоретические положения о библионимии спроецированы на анализ стихотворения поэта «Лебёдушка» и его названия как компонента текста. В результате анализа названий лирических произведений поэта и его конкретного стихотворения, в том числе исходя из ассоциативности, фоновых знаний читателя, автор приходит к утверждению положения о синкретизме библионима, о его сопряжении с текстом, их эксплицитного и имплицитного (разной глубины) смыслов, наполнения библионима символическим значением также этнического диапазона; комплекс же, система всех библионимов отражает концептуальность творчества поэта.

Ключевые слова: библионим(ы), сильная позиция текста, категория, многофункциональность, неоднородность, типология библионимов, библионим-строка, ретроспекция, концептуальность, символический смысл.

L.A. Klimkova

BIBLIONYMS IN THE LYRICS OF S.A. ESENIN

The article is devoted to one of the components of the artistic text – biblionym (title) and its consideration in scientific (theoretical and practical) plans on the material of biblionymic space in the works of S.A. Esenin. The author uses a number of methods such as descriptive-and-analytical, linguo-cognitive, linguo-stilistic, structural and semantic, comparative and linguistic ones in accordance with different levels of the article. All these made up the purpose of the article. Describing the speech material, the author relies on the theoretical statements connected with the specific features of the artistic text through the enumeration of its characteristics and categories, strong position of the dominant of the text, revealing the essence of the biblionym as a syncretic sign of the text. It is one of the ranks of the proprietary names, which possesses all onemic and own, differential char-

acteristics and categories and intratextual functions: initial, predictive, topical and comment (through the category of prospection); predication, comment and topical (through the category of retroreflection), intriguing, mediating ones, as well as out-of-text ones (intertextual, representative, guiding). Meaning, functional, status loading, semantic, lexical, structural-derivation, grammatical multidimensionality and typology of analyzed units are shown. Theoretical statements on biblionymy are projected on the analysis of the poet's poem "Lady Swan" and its name as a component of the text. As a result of the analysis of the titles of the poet's lyrical works and his specific poem, including the associativity and background knowledge of the reader, the author comes to the conclusion about the syncretism of the biblionym, its connection with the text, their explicit and implicit (of different depth) meanings, filling the biblionym with the symbolic meaning of the ethnic range as well. The complex system of all biblionyms reflects the conceptuality of the poet's creativity.

Key words: biblionym(s), strong position of text, category, multifunctionality, multidimensionality, typology of biblionyms, biblionym-line, retroreflection, conceptuality, symbolic meaning.

Художественный текст как речевой феномен обладает своими типологическими признаками – семантическими, структурными, функциональными, и категориями, в числе которых связность, целостность, завершенность, членимость, концептуальность, абсолютная антропоцентричность, информативность, модальность, хронотопичность, интертекстуальность и другие, выявленные, перечисленные, рассмотренные многими исследователями (ср., например: [1; с. 70-79; 2; с. 55-64; 3; с. 22-86]).

Будучи специфическим системным образованием, художественный текст содержит элементы, призванные актуализировать его важнейшие смыслы, смысловые доминанты – так называемые сильные позиции: заглавие, эпиграф, посвящение, начало и конец текста, имя собственное, ключевые слова и некоторые другие. Первое место из них и номинально, и по значимости занимает *заглавие*, или *заголовок*, или более терминологично – *библионим* (слово включает корни греческих слов *biblion* «книга» и *онума* «имя»), то есть название произведения (следует при этом отличать данный термин от другого – *библеизм*, используемого для обозначения элемента из текста Библии: от основы формы мн.ч. греческого слова *biblia* + суффикс *-изм*).

Библионим – один из видов имен собственных как индивидуальных наименований элементов действительности, обладает всеми их дифференциальными признаками, ср.: «имя собственное – слово (эквивалент слова), которое называет объект (реалию), выделяя его из ряда ему подобных, индивидуализируя и идентифицируя его и тем самым отграничивая от других объектов того же ряда» [4; с. 59], следовательно, выполняет номинативно-выделительно-дифференцирующую, индивидуализирующую, идентифицирующую функции. Конкретизируя суть библионима как онимического типа по названным дифференциаторам, отмечаем: библионим *называет* соответствующее конкретное произведение, *выделяя* его из ряда других произведений, *отграничивая*, *отличая* его тем самым от других, *индивидуализируя* его, *соотнося* только с данным произведением. Этому соответствуют названные выше функции.

Изучению библионимов посвящены работы многих авторов (открытый перечень их см.: [5; с. 187]). Многообразием отличаются толкования (в том числе метафорические) сути этого компонента текста и его функций, например, многократно тиражированное в отсылках: «Заглавие – это компрессированное, нераскрытое содержание текста. <...> Название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [6; с. 133].

Помимо интегральных онимических признаков и функций библионим имеет специфические, дифференциальные признаки, функции, что обусловлено его особым статусом в текстовом пространстве.

Библионим – это знак-предварение текста, не только структурно-композиционное, но и содержательное, смысловое. Ср.: «Приступая к чтению книги, читатель интересуется содержанием, а в заглавии видит намёк на это содержание или даже сжатое выражение его... Значит, название книги есть всегда нечто большее, чем название (А.М. Пешковский). По-другому говоря, заглавие выполняет номинативно-тематическую, тема-рематическую функции, после прочтения текста на них наслаивается функция предикации, рема-тематическая. Начальная функция является и свое-

образной прогнозирующей: на базе фоновых знаний, ассоциаций читателя в его сознании заглавие как намек на содержание семантически развертывается в том или ином направлении (категория проспекции). Здесь проявляется и интригующая функция (своего рода рекламная), поскольку цель заголовка – заинтересовать читателя и сподвигнуть его на прочтение произведения, а затем на его возвращение снова к нему, к заголовку (ретроспекция), – так проявляется своеобразная посредническая функция библионима: читатель – заглавие – текст – читатель – заглавие. Эти и некоторые другие функции заглавия являются внутритекстовыми. Однако своеобразие заглавия состоит в том, что оно может употребляться и вне данного текста, входя в тексты другого рода – справочного характера (справочники, каталоги, перечни, указатели, оглавления и под.), а также в научно-исследовательские работы (например, о творчестве писателя, поэта), библиографические обзоры, публицистические материалы и т.д. Это внетекстовая, интертекстуальная функция [см. об этом: 3; с. 93]. Здесь, при отчуждении библионима от своего текста, можно говорить и о его своеобразной представительской функции, ориентирующей: он представляет произведение во множестве других, ориентируя читателя в этом множестве.

Таким образом, библиониму свойственны многофункциональность, «сжатое выражение», «свёртка» содержания – смысловая ёмкость, кумулятивность, поскольку он вбирает всё содержание текста, не только фактуальное, но и концептуальное и подтекстовое (импликацию), которое выявляется читателем ретроспективно, через возвращение к библиониму после прочтения текста. Так создается его смысловой синкретизм, взаимопроникновение смыслов в текстовом пространстве, концептуальность, превращение библионима в знак концепта произведения. Таковы, например, названия «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Чайка» А.П. Чехова [см. о них, в частности: 7; с. 21, 33-36] и многие другие.

Проявляется и статусный синкретизм библионима: его собственная сильная позиция – первый знак текста (см. об этом выше), причем подчеркнута сильная, на нее наслаивается сильная позиция имени собственного (библионим – имя собственное), усиленная включением в свой состав другого онима (если таковой есть в заглавии), а также сильная позиция ключевого слова текста – особенно при наличии, а тем более при повторении в самом тексте слова, давшего жизнь библиониму. Таким образом, в нем происходит совмещение минимум трех сильных позиций. И здесь совершенно права В.А. Кухаренко, признав: «Сколько бы ни было сказано и написано о заголовке, исчерпать эту тему полностью, наверное, невозможно – столь велика его роль в тексте. Множество его функций объясняется тем, что он выступает актуализатором практически всех текстовых категорий» [1; с. 90].

Семантическая, функциональная многослойность, многозадачность заглавия создает и для автора произведения трудности в поиске, иногда мучительном, адекватного названия для своего труда. Здесь в высшей степени показательно образное признание А.П. Чехова в одном из его писем: «Рассказ я пришлю, но сказать, как он будет называться, я не могу. Назвать его теперь так же трудно, как определить цвет курицы, которая вылупится из яйца, которое еще не снесено» [см.: 8; с. 64; 9; с. 19; ср. также чеховский библионим «Без заглавия»: 10; с. 51].

Смысловая, функциональная, статусная нагруженность библионимов как компонентов текста предполагает также их структурно-деривационную неоднородность и в целом – разветвленную типологию в соответствии с разнообразием параметров рассмотрения, классификационных признаков [ср. например: 9; с. 16-20]. Показательно в этом плане семантическое, информативное пространство библионимии в лирике С.А. Есенина.

1. Основной массив в нем составляют тематические заглавия, то есть те, в которых автор обозначает главную тему (проблему) произведения; здесь можно выявить ряд разновидностей единиц:

– названия, в которых обозначен предмет как субъект/объект, вокруг которого по отношению к которому сосредоточено действие, описание: «Русь» (1914), «Октоих» (1917), «Сорокоуст» (1920), «Звёзды» (1911), «Узоры» (1914), «Город» (1915), «Слёзы» (1912), «Капли» (1912), «Девичник» (1915), «Поминки» (1915), «Мечта» (1916), «Думы» (1912) и др. Сюда же входят те

единицы, что обозначают тот или иной предмет с признаком-характеристикой: «Пропавший месяц» (1917), «Мой путь» (1925), «Кобыльи корабли» (1919), «Иорданская голубица» (1918), «Мои мечты» (1912), «Деревенская избёнка» (1912), «Страна негодяев» (1925), «Русь бесприютная» (1924), «Русь уходящая» (1924) и др.;

– пласт почти такого же объёма составляют заглавия, обозначающие лицо – по ведущей черте его характера, по поведению, занятию, профессии, возрасту, социальному положению и т.д.: «Калики» (1910), «Хулиган» (1919), «Сукин сын» (1924), «Товарищ» (1917), «Отчарь» (1917), «Пантократор» (1919), «Кузнец» (1914), «Ямщик» (1914), «Королева» (1914-1915), «Удалец» (1915), «Побирушка» (1915), «Старухи» (1915), «Плясунья» (1915), «Колдунья» (1915), «Дед» (1915), «Разбойник» (1915), «Исус-младенец» (1916), «Папиросники» (1923), «Пастух» (1913-1914) и др.;

– к этому виду единиц примыкают персонифицированные библионимы: «Марфа Посадница» (1914), «Микола» (1913), «Ус» (1914), «Инония» (1918), «Ленин» (1924), «Пугачёв» (1921), «Анна Снегина» (1925), «Егорий» (1914) и др.;

– заметны библионимы-наименования природных реалий – животных, растений, метеорологических явлений: «Корова» (1915), «Лисица» (1916), «Табун» (1915), «Береза» (1913), «Черемуха» (1915), «Цветы» (1924), «Пороша» (1914), «Метель» (1924) и др.;

– есть заголовки-обозначения абстрактных понятий, отвлеченных действий, состояний: «Голубень» (1917), «Чары» (1915), «Молотьба» (1915), «Думы» (1912), «Пришествие» (1917), «Преображение» (1917), «Возвращение на родину» (1924), «Певущий зов» (1917), «Звуки печали» (1912), «В ожидании зимы» (1913-1914) и др.;

– гораздо менее представлены заглавия – риторические вопросы и восклицания: «Что это такое?» (1914), «Отойди от окна» (1912), «С добрым утром!» (1914), «О Родина!» (1917) и др.

2. Также значительный объем имеет группа библионимов, называющих жанр произведения: «Подражание песне» (1910), «Далекая веселая песня» (1912), «Молитва матери» (1914), «Сиротка (Русская сказка)» (1914), «Песнь о собаке» (1915), «Сонет» (1915), «Бабушкины сказки» (1915), «Стансы о любви» (1916), «Кантата» (1918) «Песнь о хлебе» (1921), «Письмо матери» (1924), «Песня» (1925), «Исповедь хулигана» (1920), «Баллада о двадцать шести» (1924), «Письмо к женщине» (1924), «Письмо от матери» (1924), «Ответ» (1924), «Стансы» (1924), «Письмо деду» (1924), «Письмо к сестре» (1925), «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (1925), «Песнь о Евпатии Коловрате» (1912), «Песнь о великом походе» (1924), «Поэма о 36» (1924), «Песня старика разбойника» (1911-1912) и др.

3. Есть заголовки хронотопического характера, обозначающие:

– пространственные реалии: «В хате» (1914), «На Кавказе» (1924), «У могилы» (1913), «Греция» (1915), «Бельгия» (1914), «Польша» (1915), «Батум» (1924) и др.;

– временные понятия: «Осень» (1914), «Весна» (1924), «Зима» (1911-1912), «Восход солнца» (1911-1912), «Вьюга на 26 апреля 1912» (1912), «Ноябрь» (1916), «Весенний вечер» (1912), «1 Мая» (1925), «В эту ночь» (1913) и др.

4. Выделяются заглавия-посвящения: «Пушкину» (1924), «Рюрику Ивневу» (1915), «Памяти Брюсова» (1924), «Поэтам Грузии» (1924), «Льву Повицкому» (1924), «И.Д. Рудинскому» (1911), «На память Мише Мурашову» (1916), «Брату человеку» (1912) и др.

5. В есенинской библионимии представлены как разряд единицы-символы, типа «Богатырский посвист» (1914), «Удалец» (1915), «Лебёдушка» (1914-1915), «Черный человек» (1925) и др., хотя по большому счету символический смысл, импликатура выводится во всех или почти во всех заглавиях, особенно тематических и хронотопических.

Как уже явствует из приведенных выше примеров, библионимы у Есенина разнообразны и в структурном отношении, представляя собой субстантивы (в разных падежных формах, чаще же в форме им. пад.) или субстантивные словосочетания с согласованием (при препозиции или постпозиции атрибута) или с управлением. Ср: «Осень» (1914), «Хулиган» (1919), «Товарищ»

(1917), «В хате» (1914), «На Кавказе» (1924), «Письмо деду» (1924), «Возвращение на родину» (1924), «Песнь о собаке» (1915), «Письмо к сестре» (1925), «Баллада о двадцати шести» (1924), «Капитан земли» (1925), «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» (1925), «Мой путь» (1925), «Персидские мотивы» (1924), «Русь советская» (1924), «Больные думы» (1912), «Бабушкины сказки» (1915), «Деревенская избёнка» (1912) и др. Редки у Есенина библионимы в форме предложений: «Что прошло – не вернуть» (1911-1912), «Уйти бы...» (1913), «Как должна рекомендоваться Марина» (1924) и др.

В плане деривации есенинские библионимы представляют собой результат онимизации – образования путем перехода (переноса) слов-апеллятивов в той или иной форме или субстантивных словосочетаний в другой лексико-грамматический разряд – в онимию. В случае же словосочетаний с согласованием возможно проявление и синтагматического способа, атрибуции – распространение определяемого компонента прилагательным-атрибутом: Русь + советская = «Русь советская».

Существуют и библионимы как результат трансонимизации – превращения в библионимы онимов же, но других разрядов – антропонимов, топонимов, а также библионимов: «Пугачёв» (1921), «Анна Снегина» (1915), «Микола» (1914), «Егорий» (1914), «Бельгия» (1914), «Польша» (1915), «Греция» (1918), «Инония» (1918), «Заря Востока» (1924, газета) и др.

Поэтические произведения С.А. Есенина (не только Есенина, но и его в том числе) отличаются в целом в плане наличия/отсутствия заглавия как отдельного, отдельно оформленного компонента. В этом случае можно говорить о наличествующих, выраженных, своего рода *материальных* библионимах и отсутствующих, невыраженных, или *нематериальных*, или *нулевых*, как их иногда называют [ср.: 3; с. 99-100].

При этом в стихотворениях без заглавия роль дифференциатора, отделителя выполняет графическое средство, графический знак – так называемые «три звездочки», а роль идентификатора (соотнесения с конкретным текстом) – первая строка как аналог библионима, которая предстаёт функционально обогащенной: в ней совмещаются две сильные текстовые позиции – начало текста и заглавие. Кстати, и в оглавлении (книги, сборника и т.д.), в письменном представлении, перечне библионимов в творчестве поэта заглавие-строка выделяется графически: заканчивается многоточием, независимо от знака препинания в самом тексте, и заключается в кавычки.

Библионим-строка в отличие от собственно библионима является более объемным не только структурно, но и содержательно, в нем актуализируется номинативный аспект на фоне предикации, определеннее план предварения, несколько по-иному предстает интригующая функция, поскольку читатель уже получает некую информацию для её развертывания, для проспекции. При этом объем информации зависит от синтаксической структуры первой строки.

В есенинской поэзии доминируют, причем со значительным перевесом, именно «нулевые» библионимы, библионимы-строки. В структурно-синтаксическом отношении они многообразны, представляют собой предложения разной структуры:

– двусоставные полные: «Выткался на озере алый свет зари...» (1910), «Зашумели над затонном тростники...» (1914), «Твой глас незримый, как дым в избе...» (1916), «Песни, песни, о чем вы кричите?...» (1917-1918), «Теперь любовь моя не та...» (1918), «Я усталым таким еще не был...» (1923), «Вечер черные брови насопил...» (1923), «Я странник убогий...» (1915), «По лесу леший кричит на сову...» (1916), «Заря над полем – как красный тын...» (1917), «Грубым дается радость...» (1922), «Скупались звезды в невидимом бреде...» (1916) и др.;

– двусоставные, усеченные путем устранения второстепенных членов – всех или части их: «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» (1921), «Устал я жить в чужом краю...» (1916), «Заметает пурга...» (1918), «Я помню, любимая, помню...» (1925) и др.;

– двусоставные с усечением однородных членов: «Я покинул родимый дом...» (1918), «Месяц рогом облако бодает...» (1916), «Свищет ветер под крутым забором...» (1917), «Пушистый звон и руга...» (1918), «Неуютная жидкая лунность...» (1925) и др.;

– двусоставные, усеченные до второстепенных членов: «За горами, за желтыми долами...» (1916), «Под венком лесной ромашки...» (1911), «По селу тропинкой кривенькой...» (1914), «О товарищах весёлых...» (1916), «В лунном кружеве украдкой...» (1915), «На небесном синем блюде...» (1913-1914), «Без шапки, с лыковой котомкой...» (1916) и др.;

– двусоставные с усеченной грамматической основой: «Опять раскинулся узорно...» (1916), «Дымом половодье...» (1901), «Тучи с ожерёба» (1916), «Все живое особой метой...» (1922), «Занеслися залетною пташкой...» (1915) и др.;

– двусоставные неполные эллиптические: «У крыльца в худой логушке деготь...» (1915) и др.;

– односоставные разных типов: «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» (1914), «Ночь и поле, и крик петухов...» (1917), «Несказанное, синее, нежное...» (1925), «Хорошо под осеннюю свежесть...» (1918), «Каждый труд благослови, удача!..» (1925), «Глупое сердце, не бейся!..» (1925), «Море голосов воробьиных...» (1925), «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925), «Прощай, родная пуща...» (1916) и др.;

– односоставные, усеченные за счет второстепенных членов: «Пойду в скуфье смиренным иноком...» (1914), «Не бродить, не мять в кустах багряных...» (1916), «Отвори мне, страж заоблачный...» (1918), «Не стану никакую...» (1918) и др.;

– односоставные, усеченные за счет однородных членов: «О Русь, взмахни крылами...» (1917), «Дорогая, сядем рядом...» (1923), «Гори, звезда моя, не падай...» (1925), «Тебе одной плету венок...» (1915) и др.;

– односоставные, усеченные до второстепенных членов: «К тёплому свету, на отчий порог...» (1917) и др.;

– первая строка-обращение: «Ветры, ветры, о снежные ветры...» (1919), «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (1925), «Сторона ль моя, сторонка...» (1914), «Край ты мой заброшенный...» (1914), «Черная, потом пропахшая выть!..» (1914), «Колокольчик среброзвонный...» (1916) и др.;

– сложносочиненные, усеченные до одной части: «Сохнет стаявшая глина...» (1914), «Не напрасно дули ветры...» (1917), «Душа грустит о небесах...» (1919), «Мне грустно на тебя смотреть...» (1923), «В Хороссане есть такие двери...» (1916), «Гаснут красные крылья заката...» (1916), «Даль подернулась туманом...» (1916), «Не от холода рябинушка дрожит...» (1917) и др.;

– до двух частей: «Задымился вечер, дремлет кот на брус...» (1912), «Хороша была Танюша, краше не было в селе...» (1911) и др.;

– сложноподчиненные с усеченной частью: «В том краю, где желтая крапива...» (1915), «Там, где вечно дремлет тайна...» (1916), «Ты запой мне ту песню, что прежде...» (1925), «Ты сказала, что Саади...» (1924) и др.;

– бессоюзные, усеченные до одной части: «Туча кружево в роще связала...» (1915), «Сыплет черёмуха снегом...» (1910), «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921), «Чую радуницу божью...» (1914) и др.;

– союзные или бессоюзные минимальной структуры: «О верю, верю, счастье есть!..» (1917), «Листья падают, листья падают...» (1925) и др.;

– сложное предложение усложненного типа, усеченное до минимума частей: «Видно, так заведено навеки...» (1925), «Вот такой, какой есть...» (1919) и др.;

– до одной части: «Не видать за туманною далью...» (1912), «Заглушила засуха засевок...» (1914) и др.;

– сложные предложения усложненного типа: «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...» (1925) и др.;

– сочетание нескольких самостоятельных предложений: «Не ругайтесь! Такое дело!..» (1922), «Сыпь, гармоника. Скука...Скука...» (1922), «Синий май. Заревая теплынь...» (1925), «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» (1925), «Вижу сон. Дорога черная...» (1925), «Над окошком

месяц. Под окошком ветер...» (1925), «Голубая кофта. Синие глаза...» (1925), «Мелколесье. Степь и дали...» (1925), «Тихий ветер. Вечер сине-хмурый...» (1925), «Какая ночь! Я не могу...» (1925) и др.;

– сочетание нескольких предложений, причем второе или последнее усеченное: «Вот уж вечер. Роса...» (1910), «Поёт зима – аукает...» (1910), «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914), «Да! Теперь решено. Без возврата...» (1922), «Пой же, пой. Равнина дорогая...» (1925), «Грустно... Душевные муки...» (1913), «Издатель славный! В этой книге...» (1924), «Я иду долиной. На затылке кепи...» (1925), «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» и др.

В некоторых случаях библиони́мы у Есенина по-особому синкретичны: к однословной единице в скобках дается первая строка произведения, которая является, по сути дела, дополнительным знаком разграничения стихотворений при тезоименности. Таковы: Ночь («Усталый день склонился к ночи...»), Ночь (Тихо дремлет река...), Поэт («Он бледен. Мыслит страшный путь...»), Поэт («Тот поэт, врагов кто грубит...») и некот. др.

Проиллюстрируем осмысление одного из есенинских библионимов как фрагмент анализа текста. Для этого возьмём стихотворение «Лебедушка» (1914-1915) [см.: 11, IV; с. 70-74].

Заголовок его тематический, отражающий тематическую направленность произведения, имеет в высшей степени интригующий характер, что определяется его семантической неопределенностью, диффузностью, отсылающей к полисеманту в омонеме: *лебедушка*: 1. Народно-поэт. ласк. к *лебёдка*¹; *лебёдка*¹ «1. Самка лебедя», 2. (обычно в обращении). Народно-поэт. ласковое название молодой женщины, девушки» [см.: 12, II; с. 167].

По (про) чтении текста в библиониме диффузность значения устраняется и он для читателя наполняется конкретным содержанием: *лебедушка* – «птица, самка лебедя» (и вне обращения). Об этом свидетельствует уже самое начало текста, вводящее читателя в пространство описываемого природного и событийного мира:

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.

Позади ватагой стройною
Подвигались лебежатушки,
И дробилась гладь зеркальная
На колечки изумрудные.

Далее перед читателем предстаёт трогательная картина жизни лебедушки со своими детками-лебежатушками на фоне прекрасной, умиротворяющей русской природы:

И гуляли детки малые
По раздолью по широкому,
А лебёдка белоснежная,
Не спуская глаз, дозорила.

Внезапно в эту картину-жизнь врывается враждебная сила – коршун и у озера разыгрывается драма-трагедия: спасая своих детушек, погибает лебедушка:

А орёл когтями острыми
Раздирал ей тело нежное,
И летели перья белые,
Словно брызги, во все стороны.

Но остались живы её детушки, см. заключительные строки, финал:

Колыхалось тихо озеро,
Камыши, склонясь, шептались,
А под кочками зелёными
Хоронились лебежатушки.

Сам облик слова-библионима, его диминутивность, определяет, задаёт не только тематическую перспекцию, но и жанровое решение, коннотативную окрашенность, высокой степени эмоциональность текста, созданного в фольклорном ключе, а также выбор и использование языковых средств. В числе их:

– диминутивы, во многих случаях усиленные коннотативными определениями, частотность их: само слово *лебёдушка* (ключевое, в тексте употреблено 5 раз), *красна зорюшка, с солнышком, зоренька, лебешатушки* (употреблено 6 раз), *колечки* (изумрудные), *головки* (нежные), *лебёдка* (белоснежная), (малых) *детушек, детки, с ручейками, траву-муравушку, росинки*; и даже змея свилась не в кольцо, а в *колечко*;

– многочисленные колоративы, предающие многоцветье мира природы: *красна* (зорюшка), (огоньки-лучи) *багровые*, (роса) *жемчужная*, (блёстки) *алые*, (над озером) *серебряным*, (из) *темных* (зарослей), (на колечки) *изумрудные*, (лентой) *темной*, (лебедь) *белая*, (у побережья) *зелёного*, (на луг) *пестреющий*, (росинки) *серебристые*, (цветы) *лазорева*, (лебёдка) *белоснежная*, (от солнца) *золотистого*, (туча) *черная*, (у леса) *темного, седое* (облако), (крылья) *белые*, (под кочками) *зелеными*;

– определения, выраженные усеченными (стяженными) формами прилагательных: *красна* (зорюшка), (цветы) *лазорева*;

– традиционные определения: *лебедь белая, трава шелковая, степь далёкая, гладь зеркальную*, (из глаз) *родимой матери, слёзы горькие, малых детушек* и др.;

– прилагательные-композиции: (в покрывала) *златотканые, белоснежная* (лебёдушка), (с ручейками) *тихозвонными*, (гости) *чуждедальние*;

– составные единицы: *огоньки-лучи, траву-муравушку, бегали-резвилисья*;

– возвратные глаголы с постфиксом *-ся* и после гласных звуков: *шепталися, осыпалися, скрывалася, бегали-резвилисья, грелася, притаилася, встрепенулася, собралися, впилися, схоронилися*;

– деепричастие на *-ючи*: *поджидаяючи*;

– фольклорные обороты-формулы (с повтором единиц – знаменательных слов, предлогов, союзов, частиц *ли, как и* и др.): «*Из-за леса, леса темного <...>*», «*Уж из тех ли темных зарослей <...>*», «*И от той ли тихой заводи <...>*», «*Посередь того ли озера <...>*», «*Как и стала звать лебёдушка <...>*», «*И гуляли детки малые По раздолью по широкому <...>*», «*Пролетал ли коршун роцею, Иль змея ползла равниною <...>*», «*Хоронились лебешатушки Под крыло ли материнское <...>*»;

– количественный перевес глагольных форм несовершенного вида для обозначения длительных, постоянных или повторяющихся действий, глаголы же совершенного вида употреблены в форме прошедшего времени с перфектным значением, то есть со значением совпадения результата выполненного действия в прошлом с длительными или повторяющимися действиями; все это способствует передаче не только длительности или повторяемости действий, но и их вневременности;

– использование народно-поэтических слов (*лебёдушка, лебёдка, трогательное лебешатушки*), разговорных (*чують* «ощущать, чувствовать», *хорониться* «укрываться где-либо от кого-либо, находя себе тайное убежище; прятаться»), диалектных (*дозорить* «наблюдать за чем-либо, присматривать, ухаживать». Арх. Волог. Урал. [13; с.94]) и др.;

– доминирование постпозиции определений в субстантивно-атрибутивных словосочетаниях, сочинения как вида синтаксической связи единиц текста.

Все перечисленное создает, определяет народный строй речи, отражает русскую картину мира. В этом же русле находится доминирование лексики природы – рельефа: *озеро, заводь, затон, побережье, ручейки, раздолье, равнина, пригорок, расщелина, земля, степь, кочки, флоры: лес, сосны, камыши, заросли, трава, лилии, цветы, роцца; фауны: лебёдушка, лебёдка, лебедь, лебешатушки, коршун, змея, орел, метеорологии: зоренька, зорюшка, радуга, лучи, солнышко, роса,*

росинки, день, гроза, солнце, облако, туча, молнии, небо. Поименованы реалии природы и метафорически: *сетки хвойные* (лапы сосен), *гладь зеркальная* (озеро), *головки нежные* (цветы), *волны пряные* (аромат цветов).

И в целом в тексте предстаёт олицетворенный, одухотворенный мир родной природы, мир родного края – Родины.

После прочтения текста мысль читателя поднимается от восприятия буквального изображения, буквально нарисованной картины, конкретных действий, состояний, признаков, конкретной ситуации к обобщению, к пониманию идеи текста. Последнее (выше приведенное) четверостишие – это не просто заключительный эпизод разыгравшейся в природе драмы-трагедии, не просто художественная передача факта спасения лебедят ценой жизни их матери. Оно, как и все стихотворение, наполняется для читателя глубинным смыслом – идеей утверждения силы материнской любви, преданности, самопожертвования ради спасения детей, а значит, во имя будущего, во имя торжества жизни на Земле. Читатель приходит к осознанию вневременности этой идеи. Ср.: «В народной поэзии *лебедь* – птица, сопряженная с мифологическими значениями целомудрия, гордого одиночества, любви и преданности» [14; с. 188]. Фольклор же отражает и хранит нашу родовую, генетическую память.

Библионим, соотнесенный с текстом по принципу ретроспекции, получает глубоко символическое звучание этнического диапазона. Это символ жертвенности, самопожертвования, подвига как исконной черты русского человека, русского характера – русскости.

Временная ассоциативность, в частности через акцентирование содержащегося в стихотворении противопоставления *лебедушка, лебежатушки – кориун (орел), змея*, приводит (может привести) читателя к дальнейшему размышлению и умозаключению о судьбе нашей страны и народа в разные периоды, о современном их положении, состоянии. Так создаётся сопряжение библионима и текста, их эксплицитного и имплицитного (разной глубины) смыслов.

Совокупность же, комплекс всех библионимов (любой оформленности) произведений С.А. Есенина (в том числе их лексическая наполняемость) отражает концептуальность его творчества – гимн родной природе во всех ее проявлениях, всему живущему на нашей прекрасной земле, гимн родному краю, Родине, утверждение неизбывной любви к ней.

Библиографический список

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебное пособие. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
2. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2000. 534 с.
3. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2009. 560 с.
4. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
5. Костина К.В., Климкова Л.А. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой ученый. 2015. № 22.1. С. 187-191.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
7. Гетман Л.И. Художественный текст как объект лингвостилистического исследования: материалы к специальному и факультативному курсам. Нежин: НГПИ, 1993. 104 с.
8. Матвеев Б.И. Первое слово автора, обращенное к читателю // Русский язык в школе. 1996. № 2. С. 63-71.
9. Вахтель Н.М. Структура и функции чеховских заголовков // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 31. Воронеж: Истоки, 2012. С. 16-20.

10. Климкова Л.А. Рассказ А.П. Чехова «Без заглавия»: штрихи к анализу // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 31. Воронеж: Истоки, 2012. С. 44-53.
11. Есенин С.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1977-1980.
12. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. М.: Рус.яз, 1981-1984.
13. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 8. Л.: Наука, ЛО, 1972. 369 с.
14. Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. 383 с.

References

1. Kukharencov V.A. Interpretation of the text: a course book. Moscow, 1988. 192 p.
2. Babenko L.G., Vasiliev I.E., Kazarin Y.V. Linguistic analysis of artistic text. Yekaterinburg: Urals University, 2000. 534 p.
3. Lukin V.A. Artistic text: Basic points of linguistic theory. Analytical minimum. 2nd edition. Moscow, 2009. 560 p.
4. Klimkova L.A. Nizhny Novgorod microtoponymy in language picture of the world. Arzamas State Pedagogical University, 2007. 394 p.
5. Kostina K.V., Klimkova L.A. Biblionyms in V.P. Krapivin's works: semantics and typology // Young scientist. 2015. Vol. 22.1. P. 187-191.
6. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow, 1981. 140 p.
7. Getman L.I. Artistic text as an object of linguo-stylistic research: materials for special and additional courses. Nezhin State Pedagogical University, 1993. 104 p.
8. Matveev B.I. The first word of the author addressed to the reader // Russian language at school. 1996. Vol. 2. P. 63-71.
9. Vakhtel N.M. Structures and functions of Chekhov's titles // Materials on Russian and Slavonic linguistics. Iss. 31. Voronezh, 2012. P. 16-20.
10. Klimkova L.A. A.P. Chekhov's story "Without a title": additions to the analysis // Materials on Russian and Slavonic linguistics. Iss. 31. Voronezh, 2012. P. 44-53.
11. Esenin S.A. Completed works in 6 vol. Moscow, 1977-1980.
12. The dictionary of Russian language // Ed. by A.P. Evgenieva. In 4 vol. Moscow, 1981-1984.
13. The dictionary of Russian dialects. Iss. 8. Leningrad, 1972. 369 p.
14. Shuklin V.V. Russian mythological dictionary. Yekaterinburg, 2001. 383 с.

УДК 81'373.7:801.631.5

Тольяттинский государственный университет
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка, литературы
и лингвокриминалистики
Соколова М.Г.
Россия, г. Тольятти,
e-mail: msok71@mail.ru

Togliatti State University,
Department of Russian language, literature
and linguistic criminalistics Ph.D.
(Pedagogy), Associate Professor
Sokolova M.G.
Russia, Togliatti
e-mail: msok71@mail.ru

М.Г. Соколова

ЭВОЛЮЦИЯ ТРОПОВ «ТОПОЛЬ / КЛЁН – МЕТАЛЛЫ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XX ВЕКОВ И ИДИОСТИЛЕ С.А. ЕСЕНИНА

В статье рассматриваются образные парадигмы тропов *тополь / клён – металлы* с точки зрения соотношения общепозитических и индивидуально-авторских особенностей функционирования в русской поэзии XIX–XX веков и идиостиле С.А. Есенина. Исследование выполнено в рамках системно-функционального подхода, предполагающего систематизацию соответствующих тропов как компонентов образных полей и в то же время как носителей эстетической функциональной нагрузки в поэтических контекстах. Установлен состав образов сравнения, формирующих микрополе *тополь / клён – металлы* на основе родо-видовых отношений: 1) *тополь / клён – золото*, 2) *тополь / клён – серебро*, 3) *клён – медь*, 4) *тополь – жессть*, 5) *клён – железо*, 6) *тополь – металл*. Охарактеризованы способы эволюции традиционных образов сравнения: 1) словообразовательные и синонимические замещения опорных слов тропов; 2) детализирующий контекст; 3) соединение образов сравнения различных тематических сфер («Предмет» / «Виды энергии», «Человек», «Вода», «Звук», «Еда», «Предметы гардероба», «Геометрический предмет»). Выявлены средства лексического и структурного варьирования общепозитических образов сравнения *дерево – серебро / золото, листья – медь*, а также их индивидуализации в русском поэтическом языке. Установлены индивидуально-авторские образные ассоциации *тополь – жессть, тополь – металл, клён – железо*. Описана индивидуально-авторская эволюция тропов *дерево – золото, листья – медь* в идиостиле С.А. Есенина в контексте персонифицированных образов *я-дерево, дерево – детеныш животного*, обусловленных народно-поэтическим образным параллелизмом и мифопоэтикой. Определена функциональная нагрузка обозначенных тропов, связанная с передачей перцептивных признаков, отражающих специфику формируемого образа-понятия: ‘серебряный’, ‘жёлтый’, ‘красный’, ‘блестеть’. Доказано, что образные ассоциации *клён – металлы* в русской поэзии преимущественно выступают в качестве локальных примеров осенней поры, в то время как тропы *тополь – металлы* репрезентируют блеск и сияние листвы на солнце.

Ключевые слова: русская поэзия, С. А. Есенин, дендронимы, эволюция тропов, образная парадигма, образное поле, перцептивный признак, поэтическая формула.

M.G. Sokolova

EVOLUTION OF TROPES «POPLAR / MAPLE – METALS» IN RUSSIAN POETRY OF THE XIX-XX CENTURIES AND IN THE IDIOSTYLE OF S. A. YESENIN

The article considers the figurative paradigms of the *poplar / maple – metals* tropes from the point of view of the correlation of general poetic and individual author's features of functioning in Russian poetry of the XIX-XX centuries and in the idiosyle of S. A. Yesenin. The research was carried out within the framework of a system-functional approach, which assumed the systematization of relevant tropes as components of image fields and at the same time as carriers of aesthetic functional load in poetic contexts. The composition of comparison images that form the paradigm of *poplar / maple – metals* on the basis of genus-species relations is established: 1) *poplar / maple – gold*, 2) *poplar / maple – silver*, 3) *maple – copper*, 4) *poplar – tin plate*, 5) *maple – iron*, 6) *poplar – metal*. The ways of evolution of traditional images of comparison are described: 1) word-forming and synonymous substitutions of reference words of

tropes; 2) detailing context; 3) connecting images of comparison of various thematic spheres ("Subject" / "Types of energy", "Person", "Water", "Sound", "Food", "Wardrobe items", "Geometric object"). The author reveals the means of lexical and structural variation of general poetic images of comparison of wood – *silver / gold, leaves – copper*, as well as their individualization in the Russian poetic language. Individual author's figurative associations *poplar-tin, poplar-metal, maple-iron* are established. The author describes the individual author's evolution of the *tree – gold, leaves – copper* tropes in S. A. Yesenin's idiostyle in the context of personified images of the *i am a tree, tree-baby animal*, caused by folk-poetic figurative parallelism and mythopoetics. The functional load of the designated tropes is determined, due to the transfer of perceptual features that reflect the specifics of the formed image-concept: 'silver', 'yellow', 'red', 'shine'. It is proved that the figurative associations of *maple-metals* in Russian poetry mainly act as local signs of the autumn season, while the tropes of *poplar – metals* represent the brilliance and radiance of foliage in the sun.

Key words: Russian poetry, S. A. Yesenin, dendronyms, the evolution of tropes, figurative paradigm, figurative field, perceptual characteristic, poetic formula.

Проблема эволюции поэтического языка как динамически развивающейся системы, обозначенная в работах В.В. Виноградова [1; 2], является одним из актуальных направлений исследований в современной лингвистике. В настоящее время выявлены общие процессы эволюции поэтического языка XX века и их экстралингвистические и лингвистические источники [3; 4; 5]; описана внутренняя эволюция определенных авторских идиостилей [6; 7; 8]; представлены основы анализа эволюции образных гнезд и отдельных образных обозначений в русской поэзии XIX–XX веков [9; 10; 11; 12]; предложена модель диахронического описания номинаций *ветер, огонь, снежная вьюга* в контексте всех экспрессивных поэтических употреблений [13; 14; 15]; охарактеризована роль инвариантных образных средств (образных парадигм и поэтических формул) в эволюции русского поэтического языка [16; 17]. Вместе с тем названная проблема требует дальнейшего всестороннего изучения по причине нерегулярности применения диахронического подхода в практике анализе художественного текста в силу сложности его реализации [5].

Предметом рассмотрения в данной статье являются образные парадигмы тропов *тополь / клён – металлы* в русской поэзии XIX–XX веков с точки зрения соотношения общепоэтических и индивидуально-авторских особенностей организации образных полей данных дендронимов. Диахронический аспект исследования в предлагаемой работе сочетается с системно-функциональным подходом, в соответствии с которым указанные тропы рассматриваются в качестве компонентов образных полей, в то же время как носители эстетической функциональной нагрузки в поэтических контекстах. Как показал собранный материал, образы сравнения, номинирующие различные виды металлов, имеют огромный тропеический потенциал при характеристике дендронимов в русской поэзии, который остается малоисследованным в лингвистических источниках, что обуславливает новизну настоящей работы.

Цель статьи – выявить способы эволюции тропов «тополь / клён – металлы» в русской поэзии XIX–XX веков и идиостиле С.А. Есенина. Реализация поставленной цели предполагала решение следующих задач, определяемых в соответствии с принципами анализа эволюции тропов Н. А. Кожевниковой [10]: 1) установление состава образов сравнения, представляющих парадигму «тополь / клён – металлы», а также способов ее пополнения новыми компонентами; 2) характеристика приемов лексического и формального варьирования имеющих в русском поэтическом языке образов сравнения; 3) квалификация средств индивидуализации традиционных образов сравнения.

Материал для исследования – 68 поэтических фрагментов, репрезентирующих компаративные тропы с компонентом дендронимом *тополь* и *клён* в качестве предмета сравнения и наименованиями металлов как образами сравнения. Анализируемый материал отбирался из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [18].

Как показал анализ системной организации образных средств поэтического языка, предпринятый в рамках комплексного системно-функционального исследования дендрони-

мов в русской поэзии [19; 20], тропы *тополь / клён – металлы* формируют образную парадигму из 6 образов сравнения, выделяемых на основе родо-видовых отношений: *золото, серебро, медь, жесть, железо, металл*. Названная образная парадигма представляет собой микрополе в составе образных полей «тополь / клён – предмет».

В свою очередь структура микрополя *тополь / клён – металлы* включает совокупность частных парадигм производных образов сравнения, отражающих лексическое и формальное варьирование представленного инварианта:

1) **тополь / клён – золото**: *золотой клён / тополь (листья, кружева, убор, облаченье, одежда, ручонки, ветки, сыть, звёзды, уши, ножки, тени, кайма); нежно-золотые клёны; в сиянье золотится; позолота клёна; озолотить лист; золото тополей / клёнов; золотистый (шевелюра, вата, ветки, зыбь); золотеюще-лучистый сафьян; золоченые рамы и т. п.;*

2) **тополь / клён – серебро**: *тополь серебрится, серебристый тополь, серебряный, серебряющийся, серебристый, голубовато-серебристый, серебряный наряд (листья, нервы, дрожь тополя, сиянье); осребренный тополь / клён; блещет, горит, сыплет серебром; в серебре тополя; засеребрится тополь; посеребрённый клён и др.;*

3) **клён – медь**: *льется листьев медь; словно медь; медные листья;*

4) **тополь – жесть**: *тополя жесть; сделанный из жести;*

5) **клён – железо**: *железный клён;*

6) **тополь – металл**: *будто из металла.*

Способы варьирования образного инварианта представляют собой направления количественной и качественной эволюции тропов *тополь / клён – металлы*:

1) словообразовательные и синонимические замещения опорных слов тропов: *золото → золотой → золотистый, (золотеть) → золотеющий; золото → (золотить) → золоченый, золотиться, (озолотить) → озолоченный, (золотить) → (позолотить) → позолота; злато → (златой) → златистый; злато → (златить) → (позлатить) → позлащать; серебро → серебряный, серебристый → голубовато-серебристый; (серебро) → серебристый; (серебрить) → серебриться; (осеребрить) → осребренный; (посеребрить) → посеребрённый; медь → медный.*

В результате указанных замещений происходит структурное видоизменение существующих общепоэтических формул *дерево – серебро / золото, листья – медь*:

– глагольная метафора: *Смотрел, как в небе серебрится тополь* (Д. С. Мережковский. Старинные октавы, 1895–1899);

– метафорический эпитет: *В клёнах зыбью золотистой / Блеск мигал, играя с тенью* (К. М. Фофанов. Всё то же, 1889); *Вход скрыл серебрающийся тополь* (А. А. Ахматова. Маскарад в парке, 1910);

– субстантивная метафора: *Я знала, невиданная земля, что вечер в Диканьке волшебен и ласков, что чуден твой Днепр, в серебре тополя* (О. Ф. Берггольц. Украина, 1954);

– сравнение: *В желтых клёнах флигеля, / Слово в золоченых рамах* (Б. Л. Пастернак. Золотая осень, 1956) и др.;

– конструкции отождествления: *Листья клёна – золотые кружева* (Муни (С. В. Киссин). «Веет грустью ласковой, осенней...», 1907);

2) соединение в одном контексте образов сравнения различных тематических сфер как проявление индивидуально-авторской специфики употребления устойчивых образных соответствий:

– «Человек» и «Предмет»: *Незабудки торопливо бегут около коней. / Гордый клён склонил голову. / Звёзды плачут, и рвутся к ней их золотые ручонки* (А. М. Добролюбов. Похоронный марш, 4, 1893–1895); *Глядит печаль огромными глазами / На золото осенних тополей* (Г. В. Иванов. «Глядит печаль огромными глазами...», 1920); *Закрывается тополь взъерошенный / Серебристой изнанкой листа* (Н. А. Заболоцкий. Сентябрь, 1957);

– «Предмет» и «Виды энергии»: *Как листья тополей в сияньи серебристом, / Мерцают прошлое, погибшее давно* (А. Н. Апухтин. «Она была твоя!» – шептал мне вечер мая...», 1883); *Но то, что сердце заставляет биться, / Напоминает отчий дом: / Места, где клён в сиянье золотится / На сельском кладбище пустом* (И. В. Чиннов. «Кто повидал сокровища земные...», 1976);

– «Предмет» и «Вода»: *Клёнов медь стекала горяча* (В. А. Луговской. Уфа, 1952); *в шкуре плеса тополь серебристый* (И. Ф. Жданов. «Пойдем туда дорогой колеистой...», 1978–1991);

– «Предмет» и «Звук»: *Гул дантовский в тебе я слышу, тополь, когда ты серебришься пред грозой* (В. В. Набоков. «В часы трудов счастливых и угрюмых...», 1923);

– «Предметы гардероба» и «Природный предмет»: *О ты, чей луч в полях чуть брызнул с небосклона, / Все слезы осушил и в золотой убор / Одел умерший лист обветренного клёна* (Н. М. Минский. Гимн солнцу, 1909);

– «Еда» и «Природный предмет»: *Вассалы осени, и ясени и клёны, / К ее стопам несли листвы златую сыть* (Б. К. Лившиц. Стансы, 1934);

– «Геометрический предмет» и «Природный предмет»: *Золотые звезды с сучьев клёна на асфальте ковриком легли* (М. Визи. Город, 1949);

3) трансформация устойчивых тропов *золотые листья, золотой тополь / клён* с помощью детализирующего контекста: *Мой старый клён с могучею листвою, / Еще ты густ, и зелен, и тенист, / А между тем чуть видной желтизною / Уже слегка озолочен твой лист* (К. К. Случевский. Из природы. Осенний мотив, 1890); *Незабудки торопливо бегут / Уж нежно-золотые клёны / Сияют в зеркале воды* (С. М. Соловьев. А. К. Виноградову, 1911); *Золотыми скудеет листьями / Отходящий в дремоту клён* (С. В. Шервинский. На бульваре, 1921–1984).

По нашему мнению, наиболее ярко индивидуально-авторская специфика освоения общепозитических формул *дерево – золото, листья – медь* проявляется в идиостиле С. А. Есенина. Отражением данной спецификации является включение указанных образных соответствий в метафорическое развертывание следующих авторских ассоциаций:

1) *я-дерево* – персонифицированный образ самого лирического героя, в контексте которого уподобление *клён – медь* как примета увядания дерева получает авторскую коннотацию ‘скоротечность жизни’: *Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с клёнов листьев медь... / Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процветать и умереть* (С. А. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу...», 1921);

2) *дерево – детеныш животного*; окказиональная модель словообразования «обозначение животного → уменьшительно-ласкательный суффикс → диминутив» использован поэтом дважды (в объеме отобранного материала) – *клён* → *кленёночек*, *верба* → *вербенята*. Обратимся ко второму зооморфному образу, при развертывании которого использованы наименования металлов: *Как скелеты тощих журавлей, / Стоят оципаные вербы, / Плавя рёбер медь. / Уж золотые яйца листьев на земле / Им деревянным брюхом не согреть, / Не выведи птенцов – зелёных вербенят* (С. А. Есенин. Пугачев, 1921).

Кроме того, следует отметить, что образы сравнения *золото, медь* активно и последовательно включаются поэтом в состав антропоморфных метафор, характеризующих разнообразные дендронимы: *Черемуха душистая / С весною расцвела / И ветки золотистые, / Что кудри, завилы* (С. А. Есенин. Черемуха, 1915); *Трава поблекшая в расстеленные полы / Сбирает медь с обветренных ракут* (С. А. Есенин. Голубень, 1916); *Чтобы вскипела месь / Золотую пургой акаций* (С. А. Есенин. Пугачев, 1921); *яблоне тоже больно / Терять своих листьев медь* (С. А. Есенин. «Заря окликает другую...», 1925).

Источником рассмотренной индивидуально-авторской эволюции тропов *дерево – золото, листья – медь* в поэзии С. А. Есенина является не только народно-поэтический образный

параллелизм, но и мифопоэтическая образность, отражающая не просто подобие мира и человека, а «генетическое сродство» этих двух ипостасей творения, принадлежащих «единому демиургу» [21; с. 439].

Как показал анализируемый материал, образы сравнения *тополь – серебро* и *клён – золото* являются ядерными в структуре образных полей «тополь / клён – предмет», что определяется их повторяемостью в поэтических произведениях разных авторов XIX–XX веков и функциональной нагрузкой. По нашему мнению, названные образы сравнения имеют денотативную обусловленность и передают дифференциальные перцептивные признаки, выделяющие тополь и клён из числа других деревьев.

Так, образное соответствие *тополь – серебро* отмечается у 23 авторов (в то время как *тополь – золото* используется менее частотно – у восьми авторов). Уподобление листьев тополя серебру вызвано их характерной окраской: внешняя сторона листа глянцевиная зеленая, внутренняя – серебристая. Постоянный трепет и переливы листьев на ветру создают впечатление серебристого блеска.

Образ сравнения *клён – золото воспроизводится* у 23 авторов (соответствие *клён – серебро* относится к числу малоупотребительных: по отношению к данному дендрониму наблюдается у трех авторов). Данная ассоциация актуализирует отличительные цветовые признаки листьев клёна во время осеннего листопада – *золотой осени*: ‘жёлтый’, ‘красный’. Следует отметить, что тропы *тополь – золото* являются не только локальной приметой осенней поры, но и репрезентацией блеска и сияния листьев тополя на солнце.

Индивидуально-авторские образные ассоциации выражают тропеические обозначения *тополь – жесть*, *тополь – металл*, *клён – железо*: *А над домом / Так серебрится тополь, так ярка / Листва вверху – как будто из металла* (И. А. Бунин. Сенокос, 1909); *во мглу, где под железным клёном я ждал, где, завернув с угла, сквозные янтари со стоном текли в сырые зеркала* (В. В. Набоков. «Я помню в плюшевой оправе...», 1923); *Напрасно тополь, сделанный из жести, о чем-то ропщет, трудно трепещца* (Г. С. Семенов. «Встает все позже солнце. Все ленивей...», 1946–1961).

Таким образом, проведенный анализ эволюции образной ассоциации «тополь / клён – металлы» показал, что данная ассоциация состоит из 6 рядов производных образов сравнения, выделяемых на основе родо-видовых отношений: 1) *тополь / клён – золото*, 2) *тополь / клён – серебро*, 3) *клён – медь*, 4) *тополь – жесть*, 5) *клён – железо*, 6) *тополь – металл*.

Способы количественной и качественной эволюции обозначенных тропов заключаются в следующих трансформациях: 1) словообразовательные и синонимические замещения опорных слов тропов; 2) детализирующий контекст; 3) соединение образов сравнения различных тематических сфер. Результатом обозначенных способов эволюции тропов с компонентом дендронимом является лексическое и структурное варьирование общепозэтических образов сравнения *дерево – серебро / золото*, *листья – медь* и возникновение индивидуально-авторских образных ассоциаций *тополь – жесть*, *тополь – металл*, *клён – железо*.

В соотношении с общепозэтической традицией ярко выделяется индивидуально-авторская эволюция тропов *дерево – золото*, *листья – медь* в идиостиле С. А. Есенина, связанная с включением данных ассоциативных соответствий в контекст персонифицированных образов *я-дерево*, *дерево – детеныш животного*, обусловленных народно-поэтическим образным параллелизмом и мифопоэтикой.

Функциональная нагрузка выявленных образов сравнения в поэтических контекстах связана с передачей перцептивных признаков, отражающих специфику формируемого образа-понятия соответствующих деревьев: ‘серебряный’, ‘жёлтый’, ‘красный’, ‘блестеть’.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М. : Высшая школа, 1981. 320 с.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. 255 с.
3. Бакина М. А., Некрасова Е. А. Эволюция поэтической речи XIX–XX вв.: Перифраза. Сравнение. М. : Наука, 1986. 191 с.
4. Иванова Н. Н. Поэтический язык XIX–XX вв. Лексикографический аспект изучения // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В. П. Григорьева. М. : Наука, 1990. С. 46–56.
5. Ковтунова И. И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В. П. Григорьева. М. : Наука, 1990. С. 7–27.
6. Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М. : Наука, 1969. 387 с.
7. Павлова Л. В. Парадигмы 1907 года: «Ярь» С. Городецкого и «Эрос» Вяч. Иванова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Смоленск, 1994. 20 с.
8. Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического идиолекта. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 594 с.
9. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М. : Наука, 1986. 251 с.
10. Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века: образные средства поэтического языка и их трансформация / отв. ред. Е. А. Некрасова. М. : Наука, 1995. С. 6–69.
11. Некрасова Е. А. Сравнения общеязыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественных идиолектов // Лингвистика и поэтика : сборник статей / отв. ред. В. П. Григорьев. М. : Наука, 1979. С. 225.
12. Петрова З. Ю. Образные обозначения эмоций в языке русской поэзии XX в. // Очерки истории языка русской поэзии XX века: образные средства поэтического языка и их трансформация / отв. ред. Е. А. Некрасова. М. : Наука, 1995. С. 79–106.
13. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М. : Наука, 1979. 343 с.
14. Загоровская О. В. Семантическая структура экспрессемы «снежная вьюга» в поэзии А. Блока: опыт компонентного анализа // Вопросы филологии и методики исследования: сборник статей / отв. ред. С. Г. Лазутин. Воронеж : [б. и.], 1975. С. 91–200.
15. Стернин И. А. Экспрессивное употребление слов тематической группы «Огонь» в лирике А. Блока // Экспрессивность лексики и фразеологии : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск : НГУ, 1983. С. 78–83.
16. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та; Омск : Омский госуниверситет, 1999. 268 с.
17. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 2004. 527 с.
18. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://guscorpora.ru> (дата обращения: 04.08.2020). Все примеры приводятся по данному источнику.
19. Соколова М. Г. Полевая структура образной парадигмы «тополь – предмет» в русской поэзии XVIII–XIX веков // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018. Междунар. науч. конференция. М. : ИИУ МГОУ, 2018. С. 240–244.

20. Соколова М. Г. Дендроним клён как отражение образной поэтической картины мира С. А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 124–131
21. Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

References

1. Vinogradov V. V. Problems of Russian stylistics. Moscow : Higher school, 1981. 320 p. (In Russ.).
2. Vinogradov V. V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. Moscow : Academy of Sciences of the USSR publ., 1963. 255 p. (In Russ.).
3. Bakina M. A., Nekrasova E. A. Evolution of poetic speech of the XIX–XX centuries: Periphrasis. Comparison. Moscow : Nauka, 1986. 191 p. (In Russ.).
4. Ivanova N. N. Poetic language of the XIX–XX centuries. Lexicographic aspect of the study // Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiostyle: General questions. Sound organization of the text / ed. by V. P. Grigoriev. Moscow : Nauka, 1990. Pp. 46–56. (In Russ.).
5. Kovtunova I. I. Some trends in the evolution of poetic language in the XX century // Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiostyle: General questions. Sound organization of the text / ed. V. P. Grigoriev. Moscow : Nauka, 1990. Pp. 7–27. (In Russ.).
6. Grigorieva A. D., Ivanova N. N. Pushkin's Poetic phraseology. Moscow : Nauka, 1969. 387 p. (In Russ.).
7. Pavlova L. V. Paradigms of 1907: "Yar" S. Gorodetsky and "Eros" V. Ivanova: author. of the dissertation for the degree of cand. of of philological sciences. Smolensk, 1994. 20 p. (In Russ.).
8. Revzina O. G. Bezmernaya Tsvetaeva: experience of system description of poetic idiolect. Moscow : Marina Tsvetaeva House-Museum, 2009. 594 p. (In Russ.).
9. Kozhevnikova N. A. Word usage in Russian poetry of the beginning of the XX century. Moscow : Nauka, 1986. 251 p. (In Russ.).
10. Kozhevnikova N. A. Evolution of tropes // Essays on the history of the language of Russian poetry of the twentieth century: figurative means of poetic language and their transformation / ed. by E. A. Nekrasova. Moscow : Nauka, 1995, Pp. 6–69. (In Russ.).
11. Nekrasova E. A. Comparisons of the General language type in the aspect of comparative analysis of artistic idiolects // Linguistics and poetics: collection of articles / ed. V. P. Grigoriev. Moscow : Nauka, 1979. P. 225. (In Russ.).
12. Petrova Z. Yu. Figurative designations of emotions in the language of Russian poetry of the XX century // Russian Russian poetry of the XX century: essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century: figurative means of poetic language and their transformation / ed. by E. A. Nekrasova. Moscow : Nauka, 1995. Pp. 79–106. (In Russ.).
13. Grigor'ev V. P. Poetics of the word: on the material of Russian Soviet poetry. Moscow : Nauka, 1979. 343 p. (In Russ.).
14. Zagorovskaya O. V. Semantic structure of the expresseme "snow blizzard" in the poetry of A. Blok: experience of component analysis // Questions of Philology and research methods: collection of articles / ed. by S. G. Lazutin. Voronezh, 1975. Pp. 91–200. (In Russ.).
15. Sternin I. A. Expressive use of words of the thematic group "Fire" in the lyrics of A. Blok // Expressivity of vocabulary and phraseology: Intercollegiate collection of scientific works / ed. by K. A. Timofeev. Novosibirsk : NSU publ., 1983. Pp. 78–83. (In Russ.).

16. Kuzmina N. A. Intertext and its role in the processes of poetic language evolution: monograph. Yekaterinburg : Ural University; Omsk : Omsk state University publ., 1999. 268 p. (In Russ.).

17. Pavlovich N. V. Language of images. Paradigm images in Russian poetry of the language. Moscow : Azbukovnik, 2004. 527 p. (In Russ.).

18. National corpus of the Russian language. Available at: [http:// ruscorpora.ru](http://ruscorpora.ru) (accessed 03.01.2020).

19. Sokolova M. G. Field structure of figurative paradigm «poplar – subject» in Russian poetry of XVIII–XIX centuries // The Rational and emotional in Russian – 2018: proceedings of the International scientific conference (Moscow, 23–24 November 2018) / Executive editor N. B. Samsonov. Moscow : MRSU publ., 2018. P. 240–244. (In Russ.).

20. Sokolova M. G. Dendronym *maple* as a reflection of the poetic imagery of the world view of S. A. Yesenin // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. No. 1 (36). Pp. 124–131. (In Russ.).

21. Toporov V. N. World tree: universal sign complexes. Moscow : Handwritten monuments of Ancient Russia, 2010. Vol. 1. 448 p. (In Russ.).

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК811.161

*Воронежский государственный педагогический университет
доктор филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
русского языка, современной русской
и зарубежной литературы
Заварзина Г.А.
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 2644417
e-mail: zga1311@mail.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of the Russian language, modern
Russian and foreign literature
Doctor of Philology, associate professor,
the head of the chair
Zavarzina G.A.
Russia, Voronezh, tel. (473) 2644417
e-mail: zga1311@mail.ru*

*Воронежский государственный педагогический университет
студент 4 курса
гуманитарного факультета
Тишина Е.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(952)1018734
e-mail: tishina.zhenya@bk.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The department of liberal arts
The 4th year student
Tishina E.V.
Russia, Voronezh, tel. 8(952)1018734
e-mail: tishina.zhenya@bk.ru*

Г.А. Заварзина, Е.В. Тишина

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ КЛЮЧЕВЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА

В настоящей статье затронуты актуальные для современного политического дискурса проблемы речевой экспрессивности, связанные с описанием синтаксических средств и способов общей экспликации эмоций. Материалом для исследования послужили печатные тексты ключевых выступлений президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, среди которых особое место занимают Мюнхенская, Крымская и Сочинская речи, а также речь, произнесенная президентом РФ на 70-й Генассамблее ООН в Нью-Йорке. Приведена классификация наиболее ярких экспрессивных синтаксических конструкций, представленных в текстах выступлений президента В.В. Путина, проанализированы типологические особенности и отмечено их функциональное назначение. Особенно интересными являются конструкции, начинающиеся со слов «так называемый», которые, как правило, относятся к вводным метаязыковым оборотам и закавычиваются, что свидетельствует об их употреблении в необычном (переносном) или ироническом значении. Отмечено, что элементы экспрессивного синтаксиса в речи президента сочетаются с лексическими средствами выразительности и могут быть квалифицированно описаны только в приложении к текстовой синтагматике и особенностям дискурса. Установлено, что экспрессивные синтаксические средства обеспечивают смысловую связность и структурную спаянность элементов современного политического текста, способствуют акцентуализации коммуникативно значимой информации, формируют правильное восприятие реалий, понятий и явлений окружающей действительности, а также выполняют прагматическую функцию, демонстрируя обусловленную авторской субъективной модальностью экспрессивность политической речи. Высокий уровень владения средствами экспрессивного синтаксиса свидетельствует об умениях президента реализовывать творческий подход к языковым фактам и отражает высокий уровень его речевого мастерства.

Ключевые слова: политический дискурс, экспрессивность, экспрессивные синтаксические конструкции,

парцелляция, сегментированные конструкции, лексический повтор, риторические конструкции, вопросно-ответные конструкции.

G.A. Zavarzina, E.V. Tishina

EXPRESSIVE SYNTACTIC STRUCTURES IN THE TEXTS OF KEY SPEECHES OF THE PRESIDENT OF RUSSIAN FEDERATION V.V. PUTIN

This article is devoted to the issues of speech expressivity which are relevant for modern political discourse. The research is based on the printed texts of key speeches of V.V. Putin, among which Munich, Crimean and Sochi speeches take a special place, as well as the speech delivered by the President of the Russian Federation at the 70th UN General Assembly in New York. The classification of expressive syntactic constructions is presented, typological features are analyzed and their functional purpose is noted. The most interesting ones are introductory structures with the expression 'so called' which are taken into quotation marks, which indicates their usage in figurative or ironical meaning. It is marked that expressive syntactic structures in the President's speech are combined with lexical expressive means and can be completely described only in application to textual syntagmatics and discourse specificity. It is established that expressive syntactic means provide semantic coherence and structural cohesion of the elements of a political text, and also perform a pragmatic function, demonstrating the expressiveness of political speech due to the author's subjective modality. The President's high skills in usage of expressive syntactic structures demonstrate his creative approach to language factors and high level of his speech abilities.

Key words: political discourse, expressiveness, expressive syntactic structures, parcellation, segmented structures, reiteration, rhetorical structures, question-and-answer structures.

Известно, что для выражения экспрессивности, под которой в традиционной лингвистике понимают свойство речи, заключающееся в ее выразительности [1, с. 14; 2, с.74], в реализации установки на контрастность, необычность, нестандартность [3, с. 24; 4, с. 36 – 66], в русском разговорном языке и в письменной речи существуют определённые средства. Экспрессивность как особая выразительность речи может быть реализована на разных языковых уровнях: фонетическом (через звукоподражания, интонацию, ассонанс и аллитерацию), морфемном (за счет суффиксов субъективной оценки, которые придают словесным знакам специфический оттенок значения), лексическом (посредством слов, имеющих помимо своего предметно-логического значения оценочный компонент), морфологическом (благодаря междометиям и усилительным частицам) и синтаксическом (посредством специализированных синтаксических средств).

Важность изучения явлений экспрессивного синтаксиса, позволяющих акцентировать внимание на семантических оттенках высказывания, усилить авторскую позицию и подчеркнуть те или иные ее стороны, отмечали многие лингвисты.

По мнению ряда исследователей, синтаксические конструкции наиболее приспособлены для отражения и фиксации эмоций, что происходит в случае утраты каноничности синтаксического знака [5, с. 80-86; 6]. В.В. Виноградов в круг важных исследований по стилистическому синтаксису включал «проблему экспрессивных – выразительных, изобразительных - оттенков, присущих той или иной конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций» [7]. О.В. Александрова отмечает значимость исследования синтаксических явлений эмоционально-экспрессивной, которые позволяют обнаружить выразительные возможности средств русского языка [8, с. 7 – 8].

Анализ научной литературы позволил нам сделать вывод о том, что в настоящее время не существует единой классификации неоднородных экспрессивных синтаксических конструкций.

Так, О.А. Кострова предлагает три уровня разграничения экспрессивных конструкций, на каждом из которых реализуются конкретные синтактико-стилистические процессы. На поверхностно-синтаксическом уровне, выделяются так называемые «автономные экспрес-

сивные средства» (сегментированные элементы: размер предложения, эллиптические конструкции, парцелляты), на абстрактно-семантическом уровне конструкция подвергается метафоризации и перемещению (экспрессивное словорасположение), на идеализированно-прагматическом уровне происходит метасимволизация синтаксической конструкции (повторы, вставные конструкции, импликация) [9, с. 40–43].

А.П. Сковородников выделяет особые типизированные конструкции, обусловленные стилевыми, жанровыми или композиционными особенностями текста (напр., экспрессивные пунктуационные приемы, а также явления синтаксической неполноты, антиэллипсиса (полные конструкции), усечения, позиционно-лексического повтора, парцелляции и нек. др.) [10, с. 17-18].

Наиболее развернутой, на наш взгляд, можно считать классификацию, представленную в работах В.П. Москвина, Г.Н. Акимовой и др., которые относят к средствам создания экспрессии на уровне синтаксиса следующие явления: 1) парцеллированные конструкции; 2) сегментированные конструкции; 3) лексический повтор с синтаксическим распространением; 4) вводные элементы и вставные конструкции; 5) вопросно-ответные конструкции в монологической речи; 6) риторические фигуры; 7) ряды однородных членов; 8) градацию и др. [11; 12, с.90]. Безусловно, данная парадигма экспрессивных синтаксических конструкций не является полной и не претендует на свою завершенность.

Как показало настоящее исследование, проведенное на материале печатных текстов ключевых выступлений В.В. Путина (см.: Мюнхенская речь, произнесенная российским президентом на конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года и посвященная сложным вопросам мировой политики новейшей эпохи [13]; Крымская речь, произнесенная 18 марта 2014 года и связанная с принятием республики Крым в состав Российской Федерации [16]; Сочинская, или Валдайская, речь, произнесенная президентом на итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года [15]; Нью-Йоркская речь, произнесенная президентом В.В. Путиным на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 года [14]), российский президент активно использует в своей речи экспрессивные синтаксические конструкции. Мы перечислим и охарактеризуем наиболее частотные явления экспрессивного синтаксиса в политических текстах новейшего периода.

1. Парцеллированные и сегментированные конструкции, в которых содержание высказывания представлено в интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы

В парцеллированных конструкциях базовая часть высказывания и парцеллы разделяются точкой. В базовой части конструкции, имеющей присоединяющее значение и включающей лексически и грамматически завершенное структурное ядро высказывания, как правило, содержится основная мысль, а парцеллы, являющийся ремой в аспекте актуального членения предложения, содержит добавления в виде пояснения, обобщения, оценки или детализации, уточнения информации.

Ср.: «...вырабатываемые...подходы стали преподноситься как мнение всего мирового сообщества. *Но это не так*»; «...в адрес ООН раздаётся...немало критики. *Якобы она демонстрирует* недостаточную эффективность»; «...в последнее время наш...честный и прямой подход используется как предлог.... *Как будто у тех*, кто говорит об этом, нет вообще никаких амбиций». В данных примерах парцелляция создает намеренную паузу, способствующую усилению экспрессии следуемой далее мысли.

Ср. также: «...обеспечить себе больше голосов при различных политических процессах. Нужно было поднять процентное соотношение». Как видно, парцелляция в данном контексте используется для того, чтобы вызвать у слушателя/ читателя определенное отношение к сообщаемой информации, поскольку именно в парцелляты выносятся точка зрения говорящего/ пишущего, и чем парцелляты заметнее, тем выше коммуникативный успех. Россий-

ский президент при помощи парцелляции выделяет значимую информацию из общего текста, чтобы заострить на ней внимание.

В сегментированных конструкциях первая часть, выраженная именем существительным в им. падеже или инфинитивом (с зависимыми словами или без них), называет весьма значимое и актуальное для автора текста понятие, а во второй части содержится важное высказывание о нем, как правило, содержащее оценочное суждение: «*Что им двигало – стремление заручиться поддержкой украинской номенклатуры или загладить свою вину... – пусть с этим разбираются историки*»; «*Крым – это наше достояние.... И эта стратегическая территория должна находиться под сильным, устойчивым суверенитетом*».

Сегментированные конструкции, природа которых раскрывается в аспекте актуального членения отрезка речи, ориентированы на выполнение специального коммуникативного задания: актуализации темы высказывания и противопоставления ее реме. Ср.: «*Уважаемые представители Республики Крым и Севастополя – они здесь, среди нас...*»; «*Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас*»; «*...Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России. Эта убежденность... была непоколебимой*»; «*...чувство унижения и двойные стандарты. Это результат двухвекового доминирования Запада*».

Активное использование сегментированных конструкций присоединительного характера, поддерживающих логическую связность текста и облегчающих семантико-функциональную нагрузку на предложение, обусловлено устной формой президентских выступлений: «*Крым – это исконно русская земля... Да, всё это мы хорошо понимали...*»; «*...у нас очень много... проблем. В том числе проблем, связанных с бедностью*». Очевидно, что присоединяемая информация имеет значение уточнения ранее сказанного и обладает особой семантической и психологической значимостью.

Как видно, синтаксически зависимые от первого сегмента отрезки текста в данном случае приобретают большую выразительность, становятся эмоционально-экспрессивно насыщенными и чрезвычайно убедительными. Подобные конструкции встречаются, как правило, в текстах с большим глубинным содержанием и создают структурированность и более точное восприятие заложенной в них информации.

2. Лексический повтор (ср.: *все государства, вся мировая экономика; «один центр власти, один центр силы...»*; «*...рассматривать все...все, все аспекты безопасности*»; «*...до 26 процентов добычи нефти в России ...до 26 процентов добычи нефти в России...*»; «*...диалог всегда возможен. Диалог возможен...*» и др.), в том числе с синтаксическим распространением, формирующий фигуру синтаксического параллелизма и способствующий усилению выразительности речи, а также выполняющий функцию текстообразования или актуализации тех или иных элементов речи [17, с. 63]: «*Вместо урегулирования конфликтов – эскалация. Вместо суверенных, устойчивых государств – растущее пространство хаоса. Вместо демократии – поддержка весьма сомнительной публики*». Ощущая необходимость достучаться до сердца каждого слушателя, президент усиливает воздействие с помощью повторения одних и тех же языковых элементов, что обеспечивает формирование специального эффекта на эксплицитном уровне и уровне подтекста [18, с. 216]. Ср.: «*Мы не претендуем... Мы не требуем..., мы просто исходим из того.... Мы готовы уважать...*»; «*Вы не думаете... Вы считаете... Так ли Вы считаете? Считаете ли Вы...*»; «*Я не могу себя представить вне России... Я уже говорил... я чувствую свою связь... я считаю своим долгом...*». Ср. также повторения риторических вопросов: «*А кому это понравится? Кому это понравится?*»; «*А кто помогал...? Кто создавал...? Кто подталкивал...?*». В экспрессивно-поясняющей функции нередко используются повторы с распространением повторяемого слова с целью его уточнения и выделения: «*...речь должна идти о формировании... безопасности, безопасности не для*

избранных, а для всех»; «выстраивать...справедливую систему...отношений в мире – систему, дающую всем шанс и возможность для развития».

В текстах выступления современного российского президента встречаются примеры синонимического повтора: «Крым... *эта стратегическая территория...*».

Одной из разновидностей лексического повтора, используемой президентом, является анафора, которая, обогащая синтаксическую систему политического текста, имеет огромное экспрессивное воздействие на аудиторию. Ср.: «*Формат конференции* дает мне возможность... *Формат конференции* позволяет сказать то, что я действительно думаю...». При этом можно говорить о распространении понятия анафоры на повторное упоминание не только именных, но и синтаксических концептов: «... мы говорили..., что подобные шаги затрагивают интересы многих третьих стран..., что необходимо широкое обсуждение...».

3. Вставные конструкции, содержащие различного рода уточнения, дополнения, пояснения, позволяющие объяснить фразу в целом или отдельное слово в ней, иногда резко выпадающее из синтаксической структуры целого. Вставные конструкции двуплановы с точки зрения их семантико-синтаксической природы, что используется для создания диалогичности, проявляющейся в возможности включения точки зрения автора в основной текст [19]. Ср.: «...после окончания «холодной войны» - *все это знают* - в мире возник...», «Россия не будет - *хочу обратить ваше внимание на это*, - не будет ... кого-либо о чем-либо просить»; «...смена мирового порядка (*а явления именно такого масштаба мы наблюдаем сегодня*), как правило, сопровождалась...цепочкой ...конфликтов».

Как показало исследование, в речи президента нередко встречаются конструкции, начинающиеся со слов «так называемый», которые относятся к вводным метаязыковым оборотам. Употребляемая после данного оборота лексема, как правило, закавычивается, что свидетельствует о реализации в исследуемом контексте необычного (переносного) или иронического ее значения. Во многих случаях функция весьма частотных словосочетаний с элементом «так называемый» состоит в том, чтобы показать, что российский президент оценивает денотат отрицательно и считает его не соответствующим его принятому обозначению: «...так называемые «победители», «так называемый «большой брат», «...под знаменами так называемого «исламского государства...», «новые так называемые «власти» внесли скандальный законопроект», «так называемая мягкая сила».

4. Вопросно-ответные конструкции в монологической речи президента, которые направлены на привлечение внимания к сообщению и самостоятельное решение обозначенной проблемы: «Куда вы выгнали этих людей? На улицу»; «...разве была резолюция...по этому вопросу...? Ничего подобного»; «Почему? Потому что те...»; Почему? Потому что это по существу был один регион...»; «Для чего? Для того чтобы не могли...».

Подобные монологические вопросы разнообразны по содержанию и выполняемым функциям. Они обладают большой экспрессивностью за счет включения в их структуру частиц, вводных слов, разговорных союзов, инверсивного порядка слов и различного рода повторов: «А кто помогал вооружать людей...? Кто создавал благоприятный политический информационный климат? Кто подталкивал к поставкам оружия? Разве вы не понимаете, кто там воюет? Там воюют в основном наёмники». Вопрос и ответ оказываются настолько связанными между собой лексико-тематически и синтаксически, что теряют смысловую и синтаксическую самостоятельность.

5. Риторические фигуры, представленные в исследуемых текстах, как правило, риторическими вопросами, восклицаниями и обращениями, позволяющими автору в эмоциональной форме выразить свое отношение к приведенным фактам, полемизируя со своим собственным или чужим мнением: «А Вы что, не знаете, что ли, что после Второй мировой войны часть территорий была прирезана к Украине как результат Второй мировой войны? Вы что, не знаете об этом, что ли? Зачем Вы мне такой вопрос задаёте?»; «...вы что, разве об этом не знаете? Вы что, не знаете...».

Причем, вопросительные конструкции могут содержать препозиционные элементы синтаксического тождества: «Может быть, у нас нет веских оснований волноваться...? Может быть, ...это, действительно, благо для всех...?».

Эмоционально-экспрессивное значение восклицательных предложений, необходимых для выражения эмоциональной реакции на какую-либо ситуацию, выражается с помощью: а) интонации (Уважаемые дамы и господа!), б) интонации и порядка слов (в препозиции или постпозиции находится наиболее важное с точки зрения информативности слово: Крым никогда не будет бандеровским! Сказано замечательно!), в) интонации и морфологических средств (частиц, союзов, местоимений): «А ведь в этих конфликтах гибнут люди!»), г) интонации и конструкции с замещенной позицией оценочного определения (И какого режима! С каким количеством оружия...!).

б. Ряды однородных членов как средство построения стройного, логического высказывания и как весьма яркий источник речевой экспрессии («У нас интеграционная, позитивная, мирная повестка дня»).

В качестве однородных членов могут выступать словесные знаки разных частей речи:

имена существительные: насилие, нищета, социальная катастрофа; преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога; свобода, открытость, возможность высказывать самые разные...мнения; идеологические стереотипы, двойные стандарты; периоды однополярного состояния и стремления к мировому господству; один хозяин, один суверен; открытость, транспарентность и предсказуемость в политике; знаем все проблемы, все противоречия; общие ценности и общие интересы; и авторитет, и наставническое слово; политическая стабилизация и социально-экономическое восстановление; безопасность и сотрудничество; разночтения и умолчания в политике; зона безвластия, беззакония и хаоса;

имена прилагательные / причастия: односторонние, нелегитимные действия; локальные и региональные конфликты; справедливое и демократическое мироустройство; ответственное, исключительно правильное, абсолютно рыночное решение; ядерный и ракетный потенциал; стены...разделяющие, разрезающие наш континент; ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы; военная, экономическая, материальная помощь; сложная, трудная, длительная работа; стабильный и безопасный мир; система безопасности серьезно ослаблена, раздроблена и деформирована; понятные и прозрачные договоренности; сильное, суверенное, самодостаточное государство; суверенные, устойчивые государства;

глаголы и глагольные формы: нужно *создать* условия, *помочь* людям *разобраться*; экономический потенциал...будет *конвертироваться* в политическое влияние и будет *укреплять* многополярность; *разрабатывают* эти системы и *планируют* *поставить* их на вооружение; угроза *возрастает*, *охватывает* новые регионы;

наречия и слова категории состояния: разве мы должны *безучастно и безвольно* взирать...на конфликты; *комфортно, безопасно, приятно* жить в таком мире; *лицемерно и безответственно* выступать; буду говорить *прямо, откровенно*; думать *реально и по настоящему*.

Однородные члены предложения могут соединяться при помощи сочинительных союзов: модель не только неприемлема, но и невозможна; в НАТО, или в Евросоюз, или в ООН; ни НАТО, ни Евросоюз; универсальный характер и в понимании, и в применении норм; ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом». Подобное многосоюзие также способствует эмоциональности речи и усилению воздействия на аудиторию, так как в подобных контекстах подчёркивается роль каждого слова в ряду однородных членов и создается единство перечисления.

7. Градация, представленная эмоционально- и рационально-оценочными лексемами в градационных рядах: «...гибнут люди – сотни, тысячи мирных людей!»; «в обозримой перспективе – и не появится, и не предвидится даже».

Стоит отметить, что элементы экспрессивного синтаксиса сочетаются в речи президента с лексическими средствами выразительности, в том числе индивидуально-авторскими: с фразеологизмами («путается под ногами», «повиснет в воздухе», «закрыть глаза», «вернуться на круги своя», «из рук в руки», «избежать политеса», «включить красный свет»), метафорами («черное дело», «сеет зло», «не запятнали себя кровью», «архитектура международной безопасности», «международный ландшафт», «северокорейский трек», «страховочная сетка», «спираль недоверия», «финансовая подпитка», «дожать ситуацию», «купировать терроризм», «заигрывание с экстремистами»), метафорическими эпитетами («округлые штампы», «некомфортный, неподъемный и сложно управляемый однополярный мир», «внятная система обязательств», «замороженный конфликт», «близорукая тактика», «перегретое общественное мнение»), сравнениями («как мешок картошки», «за международным правом как за каменной стеной»; «шли на выборы как на праздник») и др.

Безусловно, тексты выступлений В.В. Путина отличаются весьма яркой экспрессивностью, проявляющейся в первую очередь на синтаксическом уровне языковой системы. Синтаксические средства, характеризующиеся своей полифункциональностью, помимо текстообразующей функции, благодаря которой обеспечивается смысловая связность и структурная спаянность политического текста, выполняют также и прагматическую функцию, демонстрируя экспрессивность политической речи, обусловленную авторской субъективной модальностью. Синтаксические средства, активно функционирующие в текстах выступлений В.В. Путина и обладающие эмоционально-экспрессивной окрашенностью, позволяют выразить авторскую интенцию, выполнить соответствующую функцию средства воздействия на аудиторию. Кроме того, высокий уровень владения средствами экспрессивного синтаксиса свидетельствует об умениях президента реализовывать творческий подход к языковым фактам и отражает высокий уровень его речевого мастерства.

Библиографический список

1. Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 12 – 46.
2. Загоровская О.В. О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск: НГУ, 1984. С. 74 –80.
3. Матвеева Т.В. Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала): автореф. дис...канд. филол. наук. Томск, 1979. 24 с.
4. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. Москва: Наука, 1991. 214 с.
5. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Москва: Наука, 1988. 240 с.
6. Fries N. Grammatik und Emotionen, Sprachsysteme und Emotionen. HU Berlin, 1996. 37 р.
7. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. Москва: Изд-во МГУ, 1958. 174 с.
8. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка. Москва: Либроком, 2009. 216 с.
9. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М., 2004. 241 с.
10. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.

11. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Дону: Феникс, 2007. 376 с.
12. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва: Высшая школа, 1990. 168 с.
13. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен, 2007. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения - 15.03.2020).
14. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2014. URL: <https://russian.rt.com/article/119712>. (дата обращения - 15.03.2020).
15. Путин В.В. Выступление на итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба "Валдай", 2014. URL: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html>. (дата обращения - 15.03.2020).
16. Путин В.В. Крымская речь Владимира Путина, 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения - 15.03.2020).
17. Бельчиков Ю.А. Разговорная лексика в научном тексте // Перевод и проблемы русской филологии: сб. научных трудов. 1992. Вып. 393. С. 62 - 67.
18. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Ленинград: Просвещение, 1987. 303 с.
19. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

References

1. Lukjanova N.A. About the semantics and types of expressive linguistic items // Relevant issues of lexicology and word formation. Novosibirsk, 1979. Vol. 8. P. 12–46.
2. Zagorovskaja O.V. About the semantic differences and expressive linguistic items // Expressivity at the different linguistic levels. Novosibirsk State University, 1984. P. 74–80.
3. Matveeva T.V. Semantic reasons of verb expressivity (on the material of the middle Urals sub-dialect): abstract... PhD thesis. Tomsk, 1979. 24 p.
4. Telija V.N. Mechanisms of expressive intensifiers // Human factor in the language: Linguistic mechanisms of the expressivity. Moscow, 1991. 214 p.
5. Admoni V.G. Grammatical system as a system of constitution and general grammatical theory. Moscow, 1988. 240 p.
6. Fries N. Grammatik und Emotionen, Sprachsysteme und Emotionen. HU Berlin, 1996. 37 p.
7. Vinogradov V.V. From the history of Russian syntax studies. Moscow State University, 1958. 174 p.
8. Aleksandrova O.V. Expressive syntax problems: on the materials of the English language. Moscow, 2009. 216 p.
9. Kostrova O.A. Expressive syntax of modern German language. M., 2004. 241 p.
10. Skovorodnikov A.P. Expressive syntax structures in modern Russian literary language. Tomsk, 1981. 255 p.
11. Moskvin V.P. Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. Dictionary of terms. Rostov-on-Don, 2007. 376 p.
12. Akimova G.N. New things in modern Russian syntax. Moscow, 1990. 168 p.
13. Putin V.V. Public speech and discussion at the Munich conference about the security policy questions. Munich, 2007. URL: <http://kremlin.ru/> (date of application: 15.03.2020).
14. Putin V.V. Public speech at the general session of the 70th session of the UN General Assembly, 2014. URL: <https://russian.rt.com/article/119712> (date of application: 15.03.2020).

15. Putin V.V. Public speech at the overall plenary session of the 11nd Valdai International Discussions Club meeting, 2014. URL: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html> (date of application: 15.03.2020).

16. Putin V.V. Vladimir Putin's Crimea speech, 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (date of application: 15.03.2020).

17. Belchikov J.A. Colloquial vocabulary in scientific texts // Translation and problems of Russian philology. 1992. Vol. 393. P. 62 – 67.

18. Dolinin K.A. French language stylistics. Leningrad, 1987. 303 p.

19. Prijatkina A.F. Russian language: expanded sentence syntax. Moscow, 1990. 176 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.161.1

*Байкальский государственный университет
старший преподаватель кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Краснюк И.Н.
Россия, г. Иркутск, тел. +79027677798
e-mail: irina_krasnyuk@mail.ru*

*Baikal State University
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, Senior lecturer,
Krasnyuk I.N.
Russia, Irkutsk, tel. +79027677798
e-mail: irina_krasnyuk@mail.ru*

*Байкальский государственный университет
старший преподаватель кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Барышникова У.Н.
Россия, г. Иркутск, тел. +79086628570
e-mail: ulyana_710@mail.ru*

*Baikal State University
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, Senior lecturer
Baryshnikova U.N.
Russia, Irkutsk, tel. +79086628570
e-mail: ulyana_710@mail.ru*

*Байкальский государственный университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Волкова С.Б.
Россия, г. Иркутск, тел. +79148859714
e-mail: volkovasb@bgu.ru*

*Baikal State University
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, Senior lecturer,
Volkova S.B.
Russia, Irkutsk, tel. +79148859714
e-mail: volkovasb@bgu.ru*

И.Н. Краснюк, У.Н. Барышникова, С.Б. Волкова

ИГРОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БГУ)

В статье рассматриваются игровые упражнения на занятиях по изучению русского языка в иностранной аудитории. Все люди независимо от их возраста любят поиграть, повеселиться. На уроках в университете студентам приходится долгое время неподвижно находиться за столом, записывая лекции, слушая преподавателя, отвечая на вопросы. И, как правило, оживляются они только в игровой деятельности, поэтому многие преподаватели стараются разнообразить свои уроки игровыми заданиями. Работая в иностранной аудитории, следует помнить о том, что студенты часто не могут сосредоточиться на восприятии материала, так как не уверены в своем уровне владения русским языком. Чтобы помочь таким студентам преодолеть трудности и барьеры в изучении языка, а также выработать адекватные формы поведения на занятиях по общегуманитарным дисциплинам (с целью регуляции психофизического состояния группы и отдельных студентов, снятия агрессии и т.д.), авторы статьи предлагают сохранить и укрепить учебную мотивацию через разные формы игры, в том числе и ролевые игры. Игры способствуют поднятию самооценки, развитию личностного творческого потенциала и выявлению творческих способностей. Студенты через игру развивают память и внимание, осваивают новые умения, а многим из них удается просто немного отдохнуть и повеселиться. Преподаватели кафедры русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета Байкальского государственного

университета в статье делятся своим опытом – наработками игровых заданий для иностранных слушателей подготовительных отделений на уроках «Страноведение», «Обществознание», «Научный стиль» (экономический профиль). В статье описываются функции игровой деятельности, а также рассматривается классификация игр по видам речевой деятельности, которые они активизируют.

Ключевые слова: игровые упражнения, фонетические игры, подготовительное отделение, иностранные студенты, РКИ, обучающие игры, орфографические игры, ролевые игры, грамматические игры, лексические игры.

I.N. Krasnyuk, U.N. Baryshnikova, S.B. Volkova

**PLAYING EXERCISES AS AN EFFECTIVE METHOD OF TEACHING FOREIGN LISTENERS OF PREPARATORY BRANCHES ON THE BASIS OF LEARNING HUMANITARIAN DISCIPLINES
(FROM THE EXPERIENCE OF THE BAIKAL STATE UNIVERSITY)**

The article discusses the game exercises in the classroom to study the Russian language in a foreign audience. All people, regardless of their age, love to play, have fun. In the lessons at the university, students have to sit still at the table for a long time, recording lectures, listening to the teacher, answering questions. And, as a rule, they come to life only in the game activity, so many teachers try to diversify their lessons with game tasks. Working in a foreign audience, it should be remembered that students often cannot focus on the perception of material because they are unsure of their level of proficiency in Russian. In order to help such students overcome difficulties and barriers in learning the language, as well as to develop adequate forms of behavior in classes in general humanitarian disciplines (in order to adjust the psychophysical state of the group and individual students, remove aggression, etc.), the authors of the article propose to preserve and strengthen educational motivation through different forms of play, including role-playing. Games contribute to raising self-esteem, developing personal creative potential and identifying creative abilities. Students through the game develop memory and attention, learn new skills, and many of them manage to just relax a bit and have fun. Teachers of the chair of Russian language and cross-cultural communication of the International faculty of Baikal State University share their experience in the article - the achievements of game assignments for foreign students of preparatory departments in the classes "Regional Studies", "Social Studies", "Scientific Style" (economic profile). The article describes the functions of gaming activity, and also considers the classification of games by the types of speech activity that they activate.

Key words: game exercises, phonetic games, preparatory department, foreign students, Russian as a foreign language, educational games, spelling games, role-playing games, grammar games, lexical games.

Использование на уроках иностранного языка игры, обладающей разнообразными обучающими возможностями, способствует созданию в первую очередь психологической готовности обучающихся к речевому общению. За счет быстроты реакции, развитого логического мышления и зрительной памяти любой обучающийся, в том числе тот, чей уровень языковой подготовки ниже, чем у остальных может проявить себя, после чего почувствует в себе уверенность и приобретет мотивацию к дальнейшему изучению языка. Игра, не занимающая много учебного времени, направленная на решение определенных учебных задач, стимулирующая активность обучающихся и вовлекающая всех обучающихся в игровую деятельность [6, с. 217], с одной стороны, требует ответственной полноценной подготовки преподавателя, с другой стороны, поможет достичь желаемого результата в освоении материала, создаст атмосферу легкости и непринужденности, что поможет обучающимся раскрыть свой потенциал, за счет элемента соревновательности даст дополнительную мотивацию к изучению дисциплины.

Главной целью при обучении страноведению, обществознанию и научному стилю (экономический профиль) обучающихся на подготовительном отделении является формирование коммуникативной компетенции, т.е. речевых умений и навыков как в устной, так и в письменной речи. При этом нужно понимать, что задача игровых упражнений на уроках не только укрепление коммуникативных навыков, но и помощь в понимании и усвоении сложного материала. Такие упражнения позволяют студентам концентрироваться на необходимой лексике и запоминать необходимую информацию.

Исходя из вышесказанного, мы считаем наиболее логичным классифицировать игры по видам речевой деятельности, которые они активизируют.

Игры при обучении продуктивным видам речевой деятельности направлены на формирование речевых навыков, которые позволят обучающимся в дальнейшем свободно выражать мысли за пределами учебной речевой практики на уровне общепринятого бытового общения.

Проанализируем процесс формирования таких навыков на примере упражнения «Самое длинное предложение», суть которого заключается в том, что обучающиеся должны дополнить предложение, начало которого написал на доске преподаватель (На рынке...), не нарушив смысла и правил грамматики. Каждый участник добавляет по слову и продолжает этим фразу, а затем предложение. Побеждает тот, кто сказал последнее слово.

Традиционно обучение монологической речи проходит в три этапа.

1) Выработка языковых автоматизмов: написанное на доске начало предложения порождает определенный импульс, на фоне которого возникает ассоциативный ряд лексических единиц по теме «Рынок».

2) Отбор языковых средств, соответствующих цели коммуникации: анализируя фразу, обучающиеся выбирают те лексические единицы, которые будут сочетаться по смыслу с уже имеющимся высказыванием.

3) Развитие умений инициативной речи, в процессе которой обучающийся концентрируется на содержании высказывания. Так, для уровня В1 и выше можно усложнить задачу, предложив составить небольшой рассказ, дополняя по предложению.

Для достижения цели обучения продуктивным видам речевой деятельности в рамках обозначенных дисциплин предлагаем следующие игровые упражнения.

1. *Упражнения-описания:*

- преподаватель описывает какую-либо сцену, а студенты рисуют на слух то, что описывается. После прослушивания по своей картинке они должны восстановить то, что говорил преподаватель;

- студент придумывает карту, маршрут, сообщает другим, как он идет, что видит. Другие рисуют, потом сравнивают, у кого более точно к оригиналу получился маршрут.

2. *Упражнения на проверку/ формирование навыков орфографии:*

- игра «Вставь букву». Преподаватель заранее пишет на доске две группы слов, в каждом из которых пропущена буква/ буквы. Например: р..клам..датель, марк..тинг, ..бъявл..ни.., (рекламодатель, маркетинг, объявление,...). Обучающиеся делятся на две команды и поочередно выходят к доске, чтобы вставить пропущенную букву. Выигрывает та команда, которая сможет правильно вставить все буквы в слова.

3. *Творческие упражнения:*

к творческим заданиям относятся различные рассказы, проекты, рисунки, стенгазеты и плакаты, эссе, открытки, сочинения, которые также играют важную роль в обучении иностранному языку. К творческим играм можно отнести:

1) конкурс на лучшую рекламу нового рынка/нового турагентства/нового телефона;

2) рекламный проект известного продукта. Группа обучающихся представляет свой проект, но не называют рекламируемый продукт, другие должны догадаться, что рекламируют;

3) рекламный ролик нового продукта/ нового тура;

4) разработка нового направления для туристов (выберите страну, найдите несколько отелей, придумайте несколько экскурсий...);

5) создание нового банка (придумайте название, логотип, цвета к логотипу, униформа, дебетовые или кредитные карты,...);

6) «Новые страны». Данная игра проводится в группах по 3-4 человека. Необходимо придумать новую страну (флаг, герб, гимн, ресурсы, главу страны). Когда страны будут го-

товы, студенты должны заключать контракты на продажу-покупку тех ресурсов, которые им необходимы;

7) конкурс на самое оригинальное поздравление. Студентам предлагается креативно подписать открытку к определенному празднику (Новый год, День защитника Отчества, день России, день семьи, любви и верности и др.).

Стремление к оригинальности поздравления вызвано тем, что традиционные пожелания утратили свою экспрессивность. «К ним привыкли, они приелись и перестали быть достаточно эффективным средством речевого воздействия» [7, с. 50]. Как считают А.М. Литовкина и Е.А. Непомнящих, «...текст поздравления стал слишком стандартизированным, предсказуемым» [4, с. 100]. Они называют креативными «такие поздравительные открытки, в которых текст является парцеллированным, в связи с чем содержание реципиенту трудно предугадать. К ним относятся не стихотворные тексты или традиционные поздравительные высказывания, а оригинальные, нестандартные тексты, которые обычно состоят из двух или трёх частей. Первая часть, как правило, располагается на лицевой стороне открытки и представляет собой незаконченное высказывание, которое завершается многоточием, как бы создавая интригу: *Хотелось подарить тебе своё сердце...* Заключительная часть текста является, как правило, неожиданной, экспрессивной и собственно поздравительной: *...но оно уже принадлежит тебе. Люблю!* При этом акт поздравления происходит как бы косвенно, а само пожелание завуалировано: *Звонило счастье... / Просило передать, что вот-вот будет!»* [там же; с. 100].

11) составление ментальной карты по пройденной теме.

4. *Игровые упражнения с лексикой.*

– «Лишнее слово»:

1) преподаватель пишет на доске несколько слов, обучающиеся должны вычеркнуть лишнее слово и объяснить свой выбор (только существительные, только прилагательные, только профессии, слова, касающиеся одной темы). Можно усложнить: убирать лишнее слово, добавляя 2 своих;

2) преподаватель обозначает тему и называет слова, обучающиеся должны делать хлопок после каждого слова, относящегося к названной теме. Если же называется слово из другой темы – хлопка нет;

– «Собери корзинки»:

1) на столе стопка карточек, студентам предлагается разобрать слова по пройденным темам и закинуть слова в корзинки, на которых написаны темы. Побеждает та команда, которая сделает быстрее, у которой все слова разложены правильно. Например, 2 темы «Рынок» и «Банк». Слова: *кредит, свободный, эмиссия, долгосрочный, депозит (вклад), обмен, рынок, товар, ссуда, экономика, заём, торговля, банкрот, хозяйство, услуги по платежам и расчётам, сырьё*;

2) на доске нарисовано дерево с плодами. У каждой команды есть задание – собрать плоды по какой-нибудь изученной теме в корзину. Плоды – слова по изученной лексике. Побеждает та команда, которая соберет плоды быстрее, у которой все слова касаются только ее темы. Например, 2 темы «Рынок» и «Банк». Слова: *кредит, свободный, эмиссия, долгосрочный, депозит (вклад), обмен, рынок, товар, ссуда, экономика, заём, торговля, банкрот, хозяйство, услуги по платежам и расчётам, сырьё*;

– «Найди пару». Преподаватель готовит два набора карточек. Карточки набора «А» содержат по одному существительному/глаголу, карточки набора «Б» содержат по одному прилагательному/существительному. 2-3 команды должны подобрать к существительным/глаголам из набора А прилагательные/существительные из набора Б и поменять падежную форму у существительного, если нужно. За быстрые и правильные ответы команды получают очки. Список существительных и существительных:

Образец: *определение (чего?) термина*

набор А
определение
расширение
конкуренция
организация
виды
понятие
существование
продажа

набор Б:
экономика
конкуренция
влияние
термин
производство
товары
фирмы
рынок

– преподаватель готовит два набора карточек. Карточки набора «А» содержат картинку/слово, карточки набора «Б» содержат значение/определение слова. 2-3 команды должны подобрать к существительным из набора А определение слова из набора Б (каждой команде выдаются одинаковые наборы А и Б). За быстрые и правильные ответы команды получают очки.

Набор А:

продажа

цена

предложение

покупка

рынок

спрос

набор Б:

-обмен товара на деньги

-обмен денег на товар

-количество денежных единиц, на которое обменивается единица продукта

-совокупность продавцов и покупателей, способных заключать между собой сделки

-готовность купить некоторое количество товара в зависимости от его цены

-готовность продать некоторое количество товара за определённую цену;

– выборочный диктант: преподаватель диктует слова, слушатели должны выписывать только те слова, которые относятся к заданной теме. Выигрывает тот, кто выписал все нужные слова. Тема «Банк». Слова: *кредит, ресурсы, свободный, эмиссия, долгосрочный, туризм, депозит (вклад), обмен, потребитель, путешествие, рынок, товар, ссуда, экономика, заём, производитель, торговля, управление, банкрот, хозяйство, услуги по платежам и расчётам, сырьё; процесс, менеджмент, система;*

– «Кто больше?» преподаватель предлагает студентам по группам написать как можно больше существительных/ прилагательных/ глаголов по пройденной теме. Например, тема «Банк»/ «Рынок»/ «Реклама»/ «Туризм».

– Еще одно игровое упражнение на закрепление лексики по теме называется «Найди слово». Студенты ищут слова в таблице с буквами. На первый взгляд буквы расположены в хаотичном порядке, но при внимательном рассмотрении можно найти слова. Например, в таблице по теме «Экономика» зашифрованы слова *фирма, рынок, экономика, товар, деньги, валюта, стоимость.*

таъ д ц ф тгв с
о ц ж й д зж х ат
в ёл ф еи ш л о
ак р ы н о к ю ю и
р н о п ь ю л м тм
ж ы п н гсн д ао
д ф к ф и р м аёс
у ж б ш в ц д ъ ет
эк о н о м и к аь

–«Водители автобуса»

Игра предназначена для того, чтобы собрать команды для последующих игр. Выбираются 2-3 водителя автобуса. Один студент, который будет «водителем автобуса», идёт по группе и показывает карточки (с картинкой по изученной лексике) остальным. Если студенты называют слово правильно, они «сажаются» в его автобус. Можно на обратной стороне карточки дать перевод на китайском, английском, монгольском, корейском и других языках. Это самый простой вариант игры для начала запоминания. Такие карточки можно изготовить не только на бумаге, но и на флеш-картах. Данная идея описана в статье А.М Пуляевской. и Н.М.Скобелкиной: «Одним из методов заучивания новых слов являются карточки, на которых с разных сторон подписано слово и его перевод. Применение компьютерных программ и интернет-сервисов для запоминания слов имеет ряд особых преимуществ: происходит стимуляция мыслительных способностей учащегося, тренировка зрительной памяти, закрепление произношения и правописания» [5; с.55].

Важность применения компьютерных программ подчеркивает в своей статье И.Ю. Лидина: «Для повышения интереса студентов к изучению русского языка преподавателю необходимо применять различные современные педагогические технологии. Особую роль здесь может сыграть применение IT-методов (знакомство с соответствующими интернет-ресурсами, например, gramota.ru,... выполнение с их помощью различных заданий, например, подготовка мультимедийных презентаций и т.д.)» [3; с.180].

5. Ролевые игры:

1) студентам предлагается назвать 5 необходимых фраз, которые нужны человеку, пришедшему в турагентство оформить тур/ пришедшему в рекламное агентство заказать рекламу/ пришедшему на рынок купить продукты или вещь/ пришедшему в банк оформить кредит или положить деньги/ пришедшему на вокзал купить билет на поезд,...;

2) студентам предлагается позвонить по телефону в турагентство/ в рекламное агентство/ в банк и ... (далее задание более конкретное). Например, ...*закажите себе тур в Японию/ закажите рекламу Вашего университета/ оставьте заявку на получение кредита;*

3) студентам предлагается составить анкету и провести опрос среди одноклассников. Например, *Вы хотите выпускать новый вид продукции. Придумайте вопросы, чтобы, узнав ответы на них, сделать вывод, будут ли этот товар покупать. Или Вы хотите открыть в своём агентстве новое направление для туристов / проводить новую экскурсию. Придумайте вопросы, чтобы, узнав ответы на них, сделать вывод, будут ли туристы этот тур покупать/ экскурсию заказывать;*

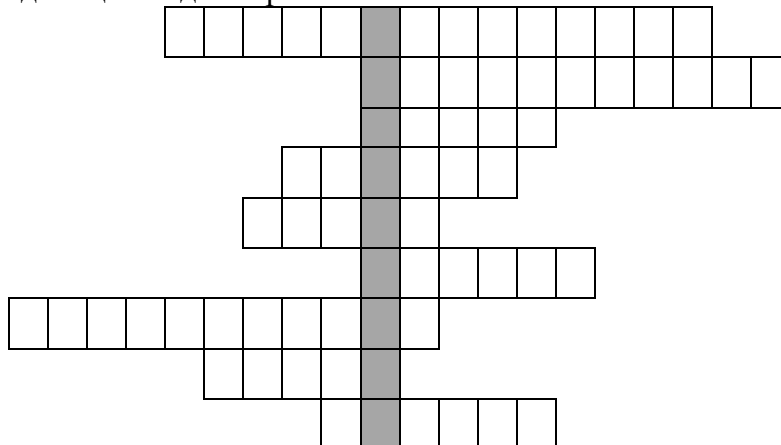
4) одному студенту предлагается стать рекламным агентом, а другому – заказать рекламу а) нового телефона; б) нового экстремального туристического маршрута; в) социального проекта, направленного на привлечение детей/молодёжи/взрослое население в конный спорт. Задание может выглядеть так: *Вы работаете в крупной рекламной компании. Вам поступил заказ на создание рекламы: а) нового телефона; б) нового экстремального туристического маршрута; в) социального проекта, направленного на привлечение детей/молодёжи/взрослое население в конный спорт. Проведите диалог с заказчиком. Предложите свой рекламный проект (это может быть презентация, иллюстрация, фотография, видеопроjekt и т. д.). Вопросы могут касаться вида рекламы по предмету, целям, месту и способу размещения.*

5) О.Н. Баклашкина в своей работе говорит о некоторых трудностях, с которыми могут встретиться студенты, она пишет: «...главной причиной является отсутствие опыта со стороны обучающихся. Поскольку они не работают, они не имеют возможность пережить и проиграть реальные жизненные ситуации, и у них не получается решить поставленные задачи» [1; с. 44]. Но после того как преподаватель объяснит студентам поэтапно, что делать, как заказать рекламу нового телефона или нового экстремального туристического маршрута, то большинство студентов смогут смоделировать ситуацию успешно.

Игровые упражнения при обучении письму помогают запомнить написание слов, усвоить лексический материал, повторить все падежные окончания прилагательных и существительных, а также времена и изменения формы глаголов.

Для усвоения материала урока хорошо подходят кроссворды. Рекомендуем составлять кроссворд на одну пройденную тему. Для примера возьмем большую тему «Экономика», которая включает в себя подтемы: «Деньги», «Конкуренция», «Рынок».

- 1) изучает хозяйство страны или мира;
- 2) соперничество на рынке между продавцами за получение прибыли;
- 3) процесс, в котором взамен произведенного продукта люди получают деньги или другой продукт;
- 4) товар, который выражает стоимость других товаров, то есть на них можно купить и продать любой товар или услугу, они выражают их ценность;
- 5) такое количество товаров и услуг, которое покупатель готов и способен приобрести по данной цене в данное время;
- 6) металлические деньги;
- 7) количество товаров и услуг, которое производитель может предложить по данной цене в данное время;
- 8) это и место встречи продавцов и покупателей, где сталкиваются их интересы;
- 9) денежная единица каждой страны.

Еще одно упражнение, помогающее совершенствовать навыки письменной речи – написать продолжение предложения, например, студентам предлагается соединить столбцы А, Б. и заполнить столбец В.

А	Б	В
Труд	управленческие и организаторские навыки, используются в процессе производства	Доход от труда называется
Капитал	природные ресурсы, естественные блага, земля важна при создании товаров и услуг	Доход от капитала называется
Земля	знания и сведения	Доход от земли называется
Информация	физические и интеллектуальные усилия, которые нужны человеку для создания товара или услуги	
Управление	средства производства, нужны при создании экономических благ, например, промышленное оборудование	Доход от управления называется

На уроках практического курса русского языка («Научный стиль» и «Обществознание») обучающиеся учатся писать лекции, сокращая слова, поэтому им можно предложить следующее игровое задание: сначала сократить какое-нибудь предложение, поменяться тетрадками и попробовать восстановить то, что сократил одноклассник.

Примеры предложений.

1. Чтобы поддержать высокие цены, монополисты искусственно сокращают производство. Чтобы под-ать высок. цены, моноп-сты искус-но сокр-ют произв-во.

2. Таким образом, под центральным банком понимается главный Государственный банк страны, который осуществляет руководство и надзор над всеми банками страны. Т. об., под центр. банком поним-ся глав-ый Гос-ый б-к страны, кот-ый осущ-ет руков-во и надзор над всеми б-ками страны.

3. Покупатели предъявляют на товар определённый спрос. Покуп-ли предъяв-ют на Т. определ-ый спрос.

Аналогично играм, направленным на формирование навыков продуктивных видов речевой деятельности, способствуют лучшему усвоению материала игры, направленные на формирование навыков рецептивных видов речевой деятельности.

Рассмотрим процесс формирования таких навыков на примере упражнения «Самый грамотный студент»: 2 – 3 команды, построенные в колонку, по одному игроку из каждой команды у доски. Преподаватель диктует слово, игроки записывают. Потом передают мел / маркер следующим игрокам команды, а сами встают сзади. Преподаватель диктует слова в быстром темпе, чтобы у игроков не было возможности подсматривать за другими

Выполняя данное упражнение, обучающиеся активизируют все четыре основных механизма аудирования: речевой слух, память, вероятностное прогнозирование, механизм артикулирования. Сначала обучающиеся слышат слово или словосочетание, соотносят его с определенной темой, ассоциируют с другими словами из этой темы, проговаривают, записывая слово/ словосочетание на доске.

К игровым упражнениям при обучении аудированию, преследующим цели тренировать иностранных обучающихся в произношении русских звуков, в использовании лексических, грамматических и фонетических навыков аудирования можно отнести следующие.

1. Игра «Отправляем телеграмму». Преподаватель выбирает ведущего, просит его представить себя в роли телеграфиста и послать телеграмму, студент говорит по буквам слова, делая паузу после каждого слова. Можно разнообразить- ведущий произносит слова, другие пишут. Например, обществознание – это наука о....

2. Соревнование, кто быстрее и лучше произнесет скороговорку.

3. «Чья команда напишет все слова правильно»

2 – 3 команды, построенные в колонку, по одному игроку из каждой команды у доски. Преподаватель диктует слово, игроки записывают. Потом передают мел / маркер следующим игрокам команды, а сами встают сзади. Преподаватель диктует слова в быстром темпе, чтобы у игроков не было возможности подсматривать за другими.

4. «Какой звук я задумал?» Преподаватель называет цепочку слов, в которых встречается один и тот же звук, а студенты должны отгадать этот звук.

Обучение чтению иностранных слушателей в игровой форме – это увлекательный, хотя достаточно тривиальный вариант проведения занятий. Иностранные студенты на таких уроках полностью погружаются в процесс, стараясь выполнить как можно больше интересных заданий, приобретают навык чтения без нажима со стороны преподавателей. Такие упражнения предполагают работу обучающихся с текстом (письменным): восстановление пропущенного слова, кодирование, догадку и иллюстрирование, например:

1. Студентам предлагается прочитать предложение задом наперед с помощью зеркала. Можно усложнить в парах. 1 человек читает слово задом наперед, а другой должен на слух

понять, какое это слово. Например, слово «еинедевонартс» – это страноведение, «амалкер» – это реклама.

2. Для того, чтобы проверить насколько внимательно студенты работали с текстом и поняли смысл материала, преподаватель предлагает игровое упражнение «Красное и зеленое». К доске выходят два студента, преподаватель выдает обоим студентам по одной красной и зеленой карточке. На доске написаны утверждения. Студенты должны поднять зеленую карточку, если утверждение правильное или красную – если нет. Если утверждение не правильное, студент должен найти ошибку и дать правильный ответ. Например, *подумайте правильно или нет утверждение:*

- Господство на рынке нескольких крупных производителей (от 3 до 5) это монополия
- Доход от использования земли называется зарплатой
- Экономика занимает важное место среди других сфер общества
- Доход с капитала называется рентой
- Создание государственных и частных фондов социального страхования и социального обеспечения характерно для смешанной экономики
- Информация относится к ресурсам экономики

3. Игровое упражнение «Змейка».

На доске написано начало предложения, остальные части предложения, написанные на листочках, раздаются студентам. Задача студентов: сориентироваться, куда необходимо вставить карточку с их частью предложения и на скорость восстановить предложение в правильном порядке. Например, начало предложения *Закон спроса:* и части предложения *тем ниже спрос, тем выше спрос, чем выше цена, и чем ниже цена.* Должно получиться: *Закон спроса: чем выше цена, тем ниже спрос, и чем ниже цена, тем выше спрос.* Еще одно начало предложения *Закон предложения:* и его части *тем ниже предложение, тем выше предложение, чем выше цена, чем ниже цена.* Должно получиться: *Закон предложения: чем выше цена, тем выше предложение, чем ниже цена, тем ниже предложение.*

4. Еще одно игровое, активное упражнение, задача которого соотнести буквы в нужный столбик. Буквы с пояснением раздаются студентам или закрепляются на доске, студенты на скорость должны будут распределить карточки в нужные столбцы.

Свойства денег	Функции денег	Виды денег

- А. Монета Б. Мера стоимости В. Делимость Г. Средство накопления
 Д. Стабильность Е. Банкнота Ё. Портативность Ж. Узнаваемость
 З. Мировые деньги И. Ликвидность К. Пластиковая кредитная карта
 Л. Средство платежа М. Однородность Н. Средство обращения

5. Более сложное задание – преподаватель предлагает вставить в текст пропущенные слова. На доске написан небольшой текст по изученной теме, студентам раздаются карточки со словами, и студенты на время должны восстановить текст.

Слова: *ресурсы, земля, труд, капитал, управление, информацию, зарплата, рента, прибыль*

_____ — денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов. Экономисты разделяют четыре основных ресурса: _____, _____, _____, _____. Иногда выделяют и пятый — _____.

1. _____ — физические и интеллектуальные усилия, которые нужны человеку для создания товара или услуги. Доход, который человек получает в результате труда называется _____.

2. _____ — природные ресурсы, естественные блага, земля важна при создании товаров и услуг. Доходом является _____.

3. _____ — средства производства, нужны при создании экономических благ, например, промышленное оборудование. Доход с капитала — _____.

4. _____ — управленческие и организаторские навыки, используются в процессе производства. Доход - _____.

5. _____ — знания и сведения. Ею можно обмениваться и торговать, как любым ресурсом.

Несмотря на существующие трудности, которые, как подчеркивает В. Г. Ковалевская, «состоят в недостаточном фокусировании учащихся на игре, отсутствии у преподавателей достаточного опыта в проведении подобного рода занятий, низкой мотивации учащихся в процессе обучения» [2; с. 25], использование игровых упражнений на уроке иностранного языка делает учебный процесс более увлекательным, так как игра вовлекает всех обучающихся в познавательную деятельность и стимулирует иностранных слушателей к изучению русского языка. Игры имеют большое значение для формирования дружного коллектива в группе и воспитания ответственности и взаимопомощи обучающихся, так как в игре они должны быть «одной командой», постоянно поддерживая друг друга. Игры, которые правильно запланированы и организованы, вызывают и поддерживают интерес у слушателей разных возрастов. Предвкушая радость игры, обучающиеся ждут уроки с удовольствием. На короткий период времени игра способствует созданию «языковой среды» на уроке или вне его. Но важно отметить, что весь урок невозможно строить только из одних игр. Хотя игра привлекательна как форма обучения, но время её проведения на уроке, а также место зависят от многих факторов, например: языкового уровня подготовки студентов, конкретных условий, целей и задач урока, сложности изучаемого материала, большую роль играет и настроенные каждой конкретной группы обучающихся на каждом конкретном уроке.

Библиографический список

1. Баклашкина О.Н. Особенности преподавания французского языка в специальных целях (экономика, туризм и гостиничное дело) // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения: материалы Второй всероссийской научно-практич. конф. с международным участием. Иркутск: Изд-во Иркутский государственный университет путей сообщения, 2017. С.42-46.

2. Ковалевская В.Г. Ролевая игра как один из методических приемов обучения РКИ на подготовительном отделении (из опыта работы) // Образование и наука в России и за рубежом: международный научный журнал. Москва: Изд-во Московский двор, 2018. С. 23-26.

3. Лидина И.Ю. Реализация компетентного подхода в обучении иностранных студентов-лингвистов // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности: материалы 10-й Всерос. науч. конф. Иркутск, 2018. С. 176-181.

4. Литовкина А.М., Непомнящих Е.А. Языковые особенности креативных поздравительных открыток // Вестник ТвГУ. Серия «Филология», 2019, №3 (62). С. 99-103

5. Пуляевская А.М., Скобелкина Н.М. Совершенствование процесса обучения иностранных студентов лексике русского языка с помощью информационных образовательных технологий // Актуальные проблемы филологии в современном научном и образовательном пространстве: сборник научных статей. Иркутск: Изд-во ИГУ ПИ, 2016. С. 52-59.

6. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М.: АСТ : Астрель, 2010. 272 с.

7. Федосеев А.А. Фигуры речи в предвыборных агитационных текстах печатных СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2018, № 2 (30). С. 49-56.

References

1. Baklashkina O.N. Peculiarities of French language teaching for special purposes (economy, tourism and hospitality) // Modern problems of vocational education: experience and ways of solving: materials of the Second Russian scientific and practical conference with international participation. Irkutsk: published by Irkutsk state transport university, 2017. P. 42-46.
2. Kovalevskaya V.G. Role Game as one of the method of training Russian as a foreign language at the pre-university department (from work experience) // Education and science in Russia and abroad: international scientific magazine. Moscow: Published by Moscow yard, 2018. P. 23-26.
3. Lidina I.Y. Realization of competence approach in training of foreign students-linguists // Problems of conceptual systematics of speech and speech activity: materials of 10th Russian scientific conference. Irkutsk, 2018. P. 176-181.
4. Litovkina A.M., Nepomnyashih E.A. Language features of creative greeting cards // News of Tver state university. Series "Philology", 2019, № 3 (62). P. 99-103
5. Pulyaevskaya A.M., Skobelkina N.M. Improvement of the process of teaching foreign students the vocabulary of the Russian language with the help of information educational technologies // Topical problems of philology in modern scientific and educational sphere: collection of scientific articles. Irkutsk, published by Pedagogical Institute of Irkutsk state university, 2016. P. 52-59.
6. Solovova E. H Foreign language teaching methodology: a manual for students and teachers. Moscow: Published by Astrel, 2010. 272 p.
7. Fedoseev A.A. Figures of Speech in Pre-Election Campaign Media Texts // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics, 2018, № 2 (30). P. 49-56.

УДК 811.161.1:376.68:004.42

*Северо-Западный государственный
медицинский университет
им. И.И. Мечникова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Шехватова А.Н.
Россия, г. Санкт-Петербург,
тел. 89112627438
e-mail: arina_sheh@mail.ru*

*North-Western State Medical University
named after I.I. Mechnikov*

*The chair of Russian language
PhD, associate professor
Shekhvatova A.N.
Russia, St.-Petersburg,
tel. 89112627438
e-mail: arina_sheh@mail.ru*

А.Н. Шехватова

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ТЕСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СДО MOODLE

В статье анализируется опыт использования тестового модуля системы дистанционного обучения Moodle в практике преподавания русского языка иностранным студентам. Рассматриваются вопросы анализа качества тестовых заданий с учетом показателей индекса лёгкости, стандартного отклонения, индекса дискриминации и эффективности дискриминации, представленных в статистических отчетах Moodle. В статье обращается внимание на сложности интерпретации некоторых показателей качества заданий в тестах по русскому языку, предназначенных для иностранных студентов. Приводятся рекомендации по оптимизации работы с тестами и тестовыми заданиями по русскому языку для иностранных студентов с разным уровнем языковой подготовки. По результатам апробации тестового модуля Moodle в практике изучения дисциплины «Иностранный язык (русский)» на кафедре русского языка СЗГМУ им. И.И. Мечникова предложены варианты настройки теста в зависимости от задачи, которую призван решить тест по замыслу его составителя. В статье отмечается высокая эффективность использования тестового модуля Moodle в практике преподавания русского языка иностранным студентам. Делается вывод о необходимости регулярной работы со статистическими показателями обработки результатов тестирования и качества тестовых заданий для повышения эффективности использования тестов при изучении РКИ.

Ключевые слова: система дистанционного обучения Moodle, русский язык как иностранный, тестовый модуль, статистические показатели.

A.N. Shekhvatova

QUALITY ASSESSMENT OF TESTS IN RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGN STUDENTS IN LMS MOODLE

The article analyzes the experience of using the test module of the LMS Moodle in the practice of teaching Russian language in international groups. The author considers the issues of analyzing the quality of test tasks taking into account the indicators of facility index, standard deviation, discrimination index and discrimination efficiency presented in Moodle statistical reports. The article draws attention to the difficulty of interpreting some quality indicators of test items and provides recommendations on optimizing the work with tests and test items in Russian for foreign students. The author gives recommendations on optimizing the work with tests and test items in the Russian language for foreign students with different levels of language training. According to the results of testing the Moodle test module in the practice of studying the discipline “Foreign Language (Russian)” at the chair of Russian language of North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov proposed test setup options depending on the task that the test is intended to solve according to the plan of the compiler. The article notes the high efficiency of using the test module of Moodle in the practice of teaching Russian to foreign students. The conclusion is drawn about the need for regular work with statistical indicators of processing test results and the quality of test tasks in order to increase the efficiency of using tests in studying Russian as a foreign language.

Key words: the LMS Moodle system, Russian as a foreign language, test module, statistical measures.

В Северо-Западном государственном медицинском университете им. И.И. Мечникова, как и во многих других российских медицинских вузах, по профессиональным образовательным программам специалитета «Лечебное дело», «Медико-профилактическое дело» и «Стоматология» на русском языке наряду с российскими студентами проходят обучение иностранные учащиеся. Образовательные программы предусматривают изучение студентами иностранного языка, которым для иностранных студентов является русский язык. На кафедре русского языка СЗГМУ им. И.И. Мечникова русский язык изучают иностранные студенты из стран дальнего и ближнего зарубежья с уровнем владения русским языком не ниже первого сертификационного уровня В1. Учебный план предусматривает частичное применение в учебном процессе электронного обучения, которое реализуется в СЗГМУ им. И.И. Мечникова на платформе динамической обучающей среды Moodle.

Работа по внедрению в учебный процесс обучающихся возможностей Moodle для поддержки очного обучения по дисциплине «Иностранный язык (русский)» ведется на кафедре русского языка с 2014 года. «Использование системы дистанционного обучения Moodle в практике преподавания русского языка иностранным студентам при смешанном обучении показало ее эффективность и востребованность в условиях модернизации обучения РКИ» [1; с. 227]. Коллективом кафедры разработана система использования учебных материалов, тренировочных заданий и тестов, размещенных в электронном разделе кафедры, в ходе учебного процесса. В результате апробации различных вариантов сочетания элементов электронного обучения с традиционной формой аудиторной работы студентов и преподавателя при смешанном обучении и анализа данных отчетов системы Moodle, позволяющих отслеживать активность пользователей при работе в системе с различными элементами, из всего набора инструментов обучения Moodle наибольший процент применения получил аппарат тестирования системы Moodle.

Тестовый модуль Moodle позволяет создавать тесты различной структуры с большим набором настроек для решения конкретных учебных целей. Для наполнения тестов создается банк тестовых заданий, которые могут быть сгруппированы по различным темам. В нашем случае банк тестовых заданий включает более 1000 заданий по всем темам, предусмотренным рабочей программой. Система настроек теста позволяет составителю выбирать вариант представления теста.

Опыт использования тестов с различными настройками показал, что для тренировочных учебных тестов по РКИ для студентов оптимальным оказался тест с фиксированным порядком вопросов (вопросы можно расположить в порядке возрастания сложности или в соответствии с порядком изучения темы на практическом занятии), свободным порядком ответов (при повторном выполнении теста исключается «механический» выбор ответа), возможностью увидеть правильный ответ для каждого вопроса сразу после его решения, неограниченным количеством попыток и временем прохождения теста, небольшой задержкой между попытками. Для контрольных тестов предпочтительны другие настройки: свободный порядок вопросов в тесте и ответов к каждому вопросу, возможность просмотра правильного ответа только по окончании выполнения теста, ограниченное количество попыток и фиксированное время выполнения теста, принудительная задержка между попытками и запрет на всплывающие окна. Вопросы открытого типа предпочтительно использовать в тренировочных тестах, но нежелательно в контрольных тестах из-за высокой вероятности опечаток при наборе учащимися ответа и недостаточного знания иностранными студентами орфографических норм русского языка (предугадать все возможные орфографические ошибки в ответе для автоматической оценки ответа достаточно сложно [2; с. 15]). В тестах по русскому языку как иностранному, созданных с целью контроля успешности освоения учащимися учебного

материала, высокую эффективность показали вопросы с множественным выбором (выбор одного или нескольких вариантов ответа из предложенного списка).

Система Moodle оснащена многоуровневой системой обработки результатов тестирования. В ходе аналитической работы со статистическим материалом результатов тестирования, преподаватель имеет возможность оценить уровень знаний студентов, а составитель тестов получает возможность оценить качество всего теста и каждого вопроса в отдельности с точки зрения его эффективности для достижения запланированных учебных целей. Общая статистика ответов показывает соотношение количества участников с результатами выполнения теста.

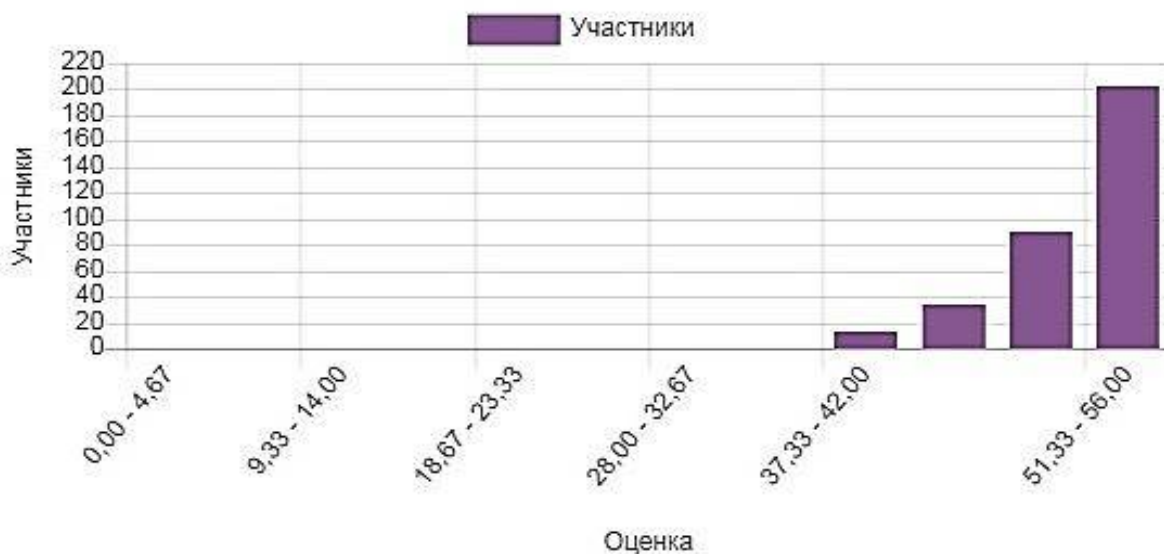

Рис. 1. График количества студентов, получивших оценки в диапазонах

В настройках отчета можно указать группу тестируемых или отдельный период, выбрать интересующие параметры. Программа позволяет для каждого теста посмотреть показатели по всем вопросам теста и для любого тестового вопроса сформировать отчет по частоте выбора каждого варианта ответа.

Система управления курсами СЗГМУ им. Мечникова													
Русский (ru) Мои курсы Этот курс													
Тест	Затраченное время	Оценка/43,00	В. 1 /1,00	В. 2 /1,00	В. 3 /1,00	В. 4 /1,00	В. 5 /1,00	В. 6 /1,00	В. 7 /1,00	В. 8 /1,00	В. 9 /1,00	В. 10 /1,00	В. 11 /1,00
25 Ноябрь 2019 16:10	25 Ноябрь 2019 16:55	45 мин. 6 сек. 40,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✗0,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00
27 Ноябрь 2019 19:04	27 Ноябрь 2019 19:10	6 мин. 29 сек. 43,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00
27 Ноябрь 2019 19:41	27 Ноябрь 2019 19:50	9 мин. 3 сек. 42,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00
28 Ноябрь 2019 02:00	28 Ноябрь 2019 02:45	45 мин. 9 сек. 40,00	✗0,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✗0,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00
28 Ноябрь 2019 00:57	28 Ноябрь 2019 00:57	13 мин. 40 сек. 39,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✓1,00	✗0,00

Рис. 2. Развернутые показатели выполнения теста по заданным параметрам

На этом уровне статистические данные отражают общие показатели, удобные для обработки результатов, оценки валидности теста, процентного соотношения оценок за тест, продолжительности работы с тестом, статистической оценки сложности вопросов и т.д. Сформировать отчет по тесту можно для каждого студента (для каждой попытки) или для каждого вопроса теста.

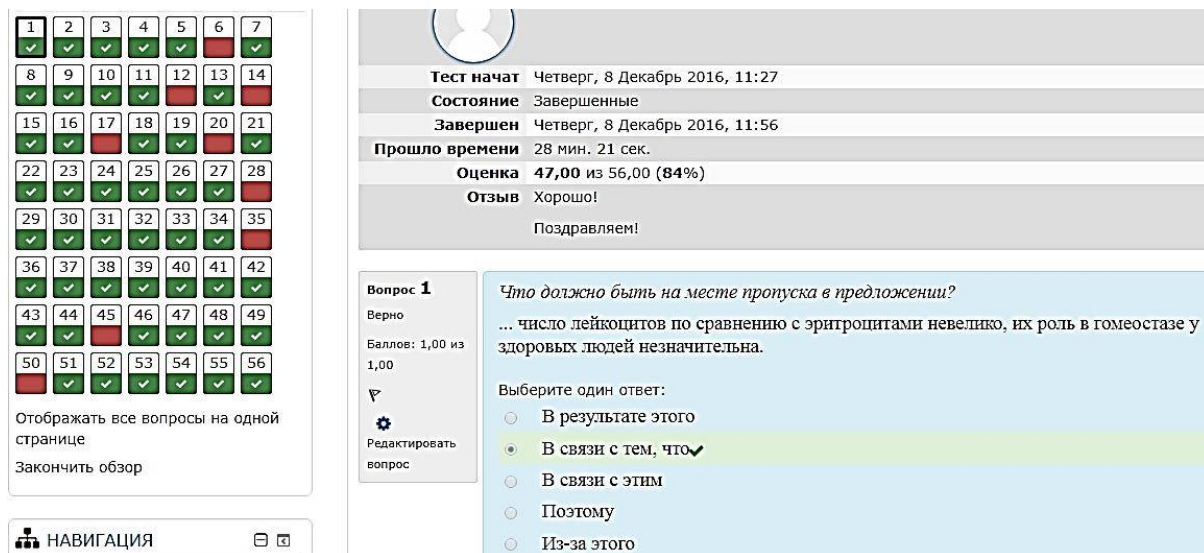

Рис. 3. Анализ прохождения теста конкретным испытуемым

В отношении тестов, которые используются для контроля знаний студентов, изучающих русский язык как иностранный, все перечисленные отчеты отображают объективную картину выполнения теста и не представляют сложности для интерпретации показателей. Статистический инструмент Moodle предоставляет также средства статистического анализа сложности отдельных тестовых вопросов для обучающихся. Для каждого теста возможен расчет статистики структуры теста, вопросов и анализ данных ответов по нескольким показателям.

Название вопроса	Попытки	Индекс легкости	Стандартное отклонение	Балл случайного угадывания	Намеченный вес	Эффективный вес	Индекс дискриминации	Эффективность дискриминации
Грамматика: причинно-следств.отношения, № 1	343	96.50%	18.40%	20.00%	1,79%	1.61%	21.64%	42.62%
Грамматика: причинно-следств.отношения, № 10	343	93.00%	25.55%	20.00%	1,79%	2.00%	22.98%	35.25%
Грамматика: причинно-следств.отношения, № 11	343	92.71%	26.03%	20.00%	1,79%	2.20%	28.60%	43.08%

Рис. 4. Анализ структуры теста

Для оценки качества вопроса наиболее показательны параметры индекса лёгкости, стандартного отклонения, индекса дискриминации и эффективности дискриминации.

Эти показатели позволяют оценить сложность отдельных тестовых вопросов для обучающихся и их эффективность для решения задачи педагогической оценки. Практика обработки этих показателей для тестов по русскому языку как иностранному выявила ряд особенностей в их интерпретации. Трактовка данных статистических отчетов должна учитывать специфику учебной дисциплины и педагогическую задачу теста (обучающая или контролирующая).

Учет показателя индекса «лёгкости» (отношение среднего значения баллов, набранных всеми тестируемыми при выполнении этого вопроса, к максимальному количеству баллов за этот вопрос) напрямую зависит от задач теста. Этот показатель фиксирует, насколько тестовый вопрос является лёгким или трудным для тестируемых. Для обучающего тренировочного теста по русскому языку как иностранному высокий показатель «лёгкости» вопроса не может быть однозначным аргументом для замены тестового вопроса, поскольку обучающийся должен пройти поэтапно изучаемую тему с нарастанием сложности вопросов. В контрольном тесте вопросы с максимальным индексом «лёгкости» малоэффективны для оценки знаний учащихся. Высокий индекс «лёгкости» может свидетельствовать о неудачном выборе дистракторов.

Показатель «Стандартное отклонение» вопроса измеряет разброс баллов, полученных при ответе на него. Считается, что вопрос с нулевым (все испытуемые ответили на вопрос одинаково) или близким к нулю индексом не может считаться тестовым и должен исключаться из теста [3; с. 89]. Это справедливо для контрольных тестов, но для обучающих тестов по русскому языку как иностранному при расположении тестовых вопросов в порядке нарастания сложности допустим среди первых (базовых) вопросов теста.

Наибольшую сложность вызывает трактовка параметров индекса и коэффициента дискриминации (в Moodle приводятся в процентном представлении), которые при подсчете учитывают способность вопроса разделить тестируемых на три группы (по 1/3 от общего количества тестируемых): хорошо подготовленных, средних и слабо подготовленных по общему результату тестирования с учетом всех вопросов. В специальной литературе рекомендуется исключать из тестов задания с индексом дискриминации менее 30%. Иностранные студенты, изучающие русский язык, должны иметь уровень владения русским языком не ниже первого сертификационного уровня В1, однако, если нижняя граница уровня владения языком установлена, то верхняя граница не нормируется. В одной группе могут учиться студенты с различным уровнем владения языком, этот фактор окажет значительное влияние на показатели индекса и коэффициента дискриминации и будет свидетельствовать о разном уровне владения языком, но мешает объективному разделению тестируемых по уровню подготовки относительно программы изучаемой дисциплины и объективной оценке качества вопроса.

Использование тестового модуля Moodle в практике преподавания русского языка иностранным студентам показало его высокую эффективность и значительный потенциал для расширения сферы применения обучающих возможностей Moodle в учебном процессе. Образовательная платформа Moodle позволяет «модернизировать текущий процесс обучения РКИ в российском вузе, значительно повысив его эффективность» [4; с. 14]. Возможность проверить и оценить в сжатые сроки, очно или дистанционно, уровень знаний у большого количества обучающихся является существенным аргументом для активного внедрения тестового контроля на базе Moodle в учебный процесс. Однако возможность эффективной оценки знаний студентов при помощи тестов в системе Moodle при изучении русского языка как иностранного непосредственно зависит от качества тестовых заданий и корректной интерпретации, формируемых Moodle в виде отчетов, статистических показателей качества тестовых заданий.

Работа по корректировке и актуализации банка тестовых заданий должна вестись с учетом обработки результатов прошедших тестирований и оценки качества каждого тестового задания с точки зрения его вклада в решаемую тестом задачу педагогической оценки. При

корректировке тестовых заданий по возможности следует учитывать, какой уровень владения языком имеют студенты, которым предстоит тестирование. К сожалению, не всегда это представляется возможным в связи со сроками утверждения банка оценочных средств и сроками комплектования групп. Частично проблему разных уровней владения языком среди студентов одной группы можно решить включением в тест заданий с различным индексом сложности. Сложность корректировки тестов обусловлена также необходимостью накопления достаточной базы для репрезентативной статистики. Оценка статистики результатов тестирования немногочисленной группы иностранных студентов не даст достаточных данных для определения качества тестовых заданий. В любом случае рекомендуется проводить пилотные тестирования после каждого изменения теста, оценку их результатов и статистики качества тестовых заданий.

Библиографический список

1. Шехватова А.Н. Использование системы дистанционного обучения MOODLE в практике преподавания русского языка иностранным студентам // Русский язык в полиэтничном образовательном пространстве военного вуза: Материалы II Межвузовской научно-методической конференции. 12 декабря 2019 года / Под ред. Н.В. Давыдовой, Н.Ю. Васильевой. СПб.: ВАС, 2019. С. 224-229.
2. Бирюкова М.В., Мамонтов Д.П., Сычев О.А. Определение опечаток в ответе студента на тестовый вопрос при известном правильном ответе // Открытое образование. 2015. № 5 (112). С. 11-15.
3. Нестеров С.А., Сметанина М.В. Оценка качества тестовых заданий средствами среды дистанционного обучения MOODLE // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Информатика. Телекоммуникации. Управление. 2013. № 5 (181). С. 87-92.
4. Богомоллов А.Н. Научно-методическая разработка виртуальной языковой среды дистанционного обучения иностранному (русскому) языку: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 46 с.

References

1. Shekhvatova A.N. Using the Learning Management System Moodle in the practice of teaching Russian in international groups // Russian language in the multiethnic educational space of a military university. St.-Petersburg, 2019. P. 224-229.
2. Biryukova M.V., Mamontov D.P., Sychev O.A. Definition of misprints in answers of a student knowing the correct test answer // Open education. 2015. Vol. 5 (112). P. 11-15.
3. Nesterov S.A., Smetanina M.V. Quality evaluation of test tasks in the Learning Management System Moodle // Scientific and technical statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Computer sciences. Telecommunications. Control. 2013. Vol. 5 (181). P. 87-92.
4. Bogomolov A.N. Scientific and methodological development of the virtual language environment for distance learning a foreign (Russian) language: an abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2008. 46 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82-93. 087.5

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук, доцент
кафедры литературы
Давыдова А.В.
Россия, г. Архангельск, тел. (8182) 660588
e-mail: a.davidova@narfu.ru

*The Northern Arctic Federal University
named after M.V. Lomonosov*
The department of literature,
PhD, associate professor
Davydova A.V.
Russia, Arkhangelsk, tel. (8182) 660588
e-mail: davaliona@rambler.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
магистрант
Меньшикова И.А.
Россия, г. Архангельск, тел. (8182) 660588
e-mail: i.menshikova@narfu.ru

*The Northern Arctic Federal University
named after M.V. Lomonosov*
Master
Menshikova I. A.
Russia, Arkhangelsk, tel. (8182) 660588
e-mail: i.menshikova@narfu.ru

А.В. Давыдова, И.А. Меньшикова

ОБРАЗ ЛЕСА В МАЛОЙ ПРОЗЕ Ю. ГАЛКИНА

Данная работа является частным этапом изучения Северного текста русской литературы для детей. Он определяется как субтекст Северного текста. Именно хронотоп видится авторам статьи той категорией, которая определяет геопоэтику последнего. Среди хронотопических образов в литературе о Севере одним из самых значимых является образ леса. В произведениях для детей он связан, с одной стороны, с жанром сказки, а с другой – с природоведческой темой. В статье в контексте теории Северного текста как локального сверхтекста рассматривается образ леса в рассказах Ю. Галкина, вошедших в сборник «Брусника». Авторы анализируют три текста: «Брусника», «Злая вода» и «Осенняя песня». В каждом из них исследуются особенности хронотопа и система образов в рамках их проблематики и идейного содержания. Лес у Ю. Галкина - это особый мир, который испытывает героя. Образ леса предопределяет развитие мотива двоемирия: лес с чудесной ягодой и деревня, станция в «Бруснике»; природное и человеческое в рассказе «Злая вода»; гармония человека с миром и насилие над природой в «Осенней песне». Образ леса в малой прозе Ю. Галкина тесно связан с мотивом нравственного выбора героя: ребёнок интуитивно выбирает близость к природе, сказку, чудо, в противовес практичности, жестокости, бесчувственности взрослых.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, хронотоп, образ леса.

A.V. Davydova, I.A. Menshikova

THE IMAGE OF FOREST IN YU. GALKIN'S SMALL PROSE

This work is a private stage of study of the Northern text of Russian literature for children. It is defined as the subtext of the Northern text. The chronotope is the category that determines the geopoetics of the Northern text. One of the most significant of chronotopic images is the image of the forest. In literature for children it is connected, on the one hand, with the genre of fairy tale, and on the other - with the natural theme. In the context of the theory of the Northern text as a local supertext, the article considers the image of the forest in the stories of Yu Galkin, included in the collec-

tion "Cowberry." The authors analyze three texts: " Cowberry," Evil Water "and" Autumn Song." The authors analyze the chronotope and the system of images of stories within their problems and ideological content. In Yu Galkin's stories the forest is a special world that experiences a hero. The image of the forest predeterminates the development of the motif of two worlds: the forest with wonderful berry and the village, the station in " Cowberry"; natural and human in the story "Evil Water"; human harmony with the world and violence against nature in "Autumn Song." The image of the forest in the small prose of Yu Galkin is closely related to the motive of moral choice of the hero: the child intuitively chooses proximity to nature, fairy tale, miracle as opposition to practicality, cruelty, insensitivity of adults.

Key words: Northern text of Russian literature for children, chronotope, image of forest.

В последние годы заметно возрос интерес учёных-филологов к исследованию локальных сверхтекстов. Теория сверхтекста многопланова и восходит к трудам В.Н.Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.Е. Меднис и др. Определение последней наиболее признано в научном мире. Исследовательница характеризует сверхтекст как «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [1].

Исследования сверхтекстов, начавшиеся с изучения Петербургского текста, сегодня представляют мощное направление в отечественном гуманитарном знании, объединяющее не только филологов, но и культурологов, философов, этнологов и других учёных, поразному интерпретирующих само понятие «текст», в соответствии с представлениями той или иной области науки.

Кроме того, с точки зрения современной науки, к «топологическим структурам» [1], порождающим сверхтексты нужно относить не только города, но и целые регионы, о чем свидетельствуют работы, посвященные Сибирскому, Алтайскому, Крымскому текстам. При этом сущность феномена регионального текста будет принципиально отличаться от характеристики текста городского, прежде всего тем, что в первом концентрированно выражается национальный менталитет.

Однако практика филологических исследований сегодня подтверждает, что не все регионы или города способны рождать соответствующие сверхтексты. Е.Ш. Галимова, называет два «условия, которые делают возможным... существование» сверхтекстов: «статус самого локуса, значимость его в историко-культурном и геополитическом отношениях» и «способность этого локуса “породить” сверхтекст» [2, с. 17].

Оба этих условия соблюдаются, если речь идет о Северном тексте русской литературы. Русский Север, несомненно, играет особую, исключительную роль в истории нашей страны, что отражается в национальном самосознании.

Определение понятия «Северный текст» в современной науке не сложилось окончательно.

Мы же в своем понимании Северного текста будем руководствоваться более четким, на наш взгляд, определением Е.Ш. Галимовой: «это создававшийся на протяжении длительного времени (вопрос о времени начала его формирования остается открытым и активно исследуется в настоящее время) в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, точнее мифопоэтический образ северорусского мира, наделенный наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [2, с. 21].

Книги, предназначенные для детского чтения, являются особой и важной частью Северного текста русской литературы, его субтекстом. Постигание универсальной северорусской художественной картины мира, образа Севера в самом общем смысле должно стать важнейшей задачей при изучении Северного текста русской литературы для детей. Именно особенности хронотопа, на наш взгляд, определяют специфическую геопоэтику любого регионального, в том числе Северного, текста. Для последнего одним из важнейших простран-

ственных образов, продуцирующих в целом ряде произведений возникновение специфической для Северного текста картины мира, является образ леса.

В традиционной русской культуре лес всегда воспринимался как пространство иного, чужого и чуждого для человека мира. В фольклорных сказках он представлял собой границу между мирами, воплощение inferнального мира смерти. С другой стороны, для северян лес всегда был связан с традиционными промыслами: охотой, собирательством, а позже он стал источником «зеленого золота» – древесины. Образ леса устойчив для детской литературы, и связан не только с жанром сказки, но и с природоведческой тематикой. В Северном тексте русской прозы для детей locus леса, рождающий более широкий образ Севера, возникает в разных жанровых формах: лирической миниатюры, природоведческой исторической повести, приключенческого рассказа. При этом индивидуально-авторское восприятие будет основано на общих типологических характеристиках северного леса.

Особую значимость приобретает образ леса в малой лирико-психологической прозе Ю. Галкина.

Юрий Федорович Галкин родился 27 октября 1937 в поселке Харитонове Котласского района Архангельской области в семье учителя. Он закончил Литературный институт им А. М. Горького, работал журналистом. С начала 1960-х гг. писатель начал публиковать свои произведения, среди которых рассказ «Дорога из деревни», повести «Пиво на дорогу», «Будний круг», «Красная лодка» и «Беглецы», сборник «Кто там стучит?» и др. В 1965 году в Северо-Западном книжном издательстве была издана первая книга Галкина — сборник рассказов «Брусника», о произведениях, вошедших в нее, и пойдет речь в данной работе.

Итак, пространство Севера в рассказе Ю. Галкина «Брусника» выстраивается на образных оппозициях, они же определяют композиционную структуру текста и его проблематику.

Действие первой части происходит в лесу, где Петя – главный герой – собирает бруснику. Лес в духе фольклорной традиции видится как сакральное волшебное место. Автор подчеркивает, что это именно детское восприятие: для Пети поляна, где он сам собирает ягоды, которых *«нет нигде на свете»* [3, с. 8], *«волшебная»*. Писатель создает импрессионистический эффект, когда указывает на то, что мир вокруг меняется в зависимости от видения героя. Сознание ребенка словно порождает сказку в окружающем мире: *«Как только он сказал про себя “волшебной”, в груди гулко и тревожно заколотилось. И вокруг все изменилось, стало таинственным. Отчетливо слышался каждый шорох. Он огляделся. Кругом стояли высокие хмурые ели. Опавшие березки сиротливо приютились между ними, словно боялись уколотся острыми иголками...»*

Пете вспомнились сказки... Ему сделалось жутко...» [3, с. 8 – 9].

Герой-ребенок не просто придумывает сказку, но словно улавливает ее из окружающего мира, и тогда сам мир преобразуется. Дважды в этой части рассказа автор использует повествовательную деталь – образ сухого жалобно скрипящего дерева на болоте. Если сначала его скрип просто оттеняет тишину леса в восприятии мальчика, то затем становится частью изменившегося на глазах волшебного мира леса: *«“Крэ-э, крэ-э”, – проскрипело на болоте сухое дерево. И этот звук за спиной еще больше напугал Петю. Он оглянулся только тогда, когда с опушки леса увидел дома деревни»* [3, с. 9]. В таком контексте бытовой мотив собирания ягод в рассказе ассоциативно начинает связываться с традиционным для народной волшебной сказки мотивом добывания чудесного предмета, а сам Петя приобретает черты сказочного героя-богатыря, вступающего в конфликт со злом.

Зло это у Ю. Галкина обыденно и социально, и страшно, потому что привычно. Основным конфликтом произведения становится противостояние «ребенок – взрослый».

Пространство родной деревни, куда попадает Петя из замкнутого сакрального леса, очень условно, только намечено автором; оно связано с образом матери героя. Последняя, в отличие от мальчика, не чувствует волшебства; для нее ягоды – *«обыкновенные»*. В ее отказе

сварить из «волшебной» брусники варенье и приказе продать ягоды на станции – ограниченный и жестокий прагматизм взрослого, нивелирующий сказку, разбивающий детскую мечту.

Наиболее четко противопоставлена пространству леса станция. На ней «*было пустынно*» в отличие от наполненного жизнью леса; «*холоднее, чем в лесу*» [3, с. 11]. Через образы персонажей, которые появляются в третьей части рассказа, основной конфликт, с одной стороны, конкретизируется, а с другой – типизируется. Перед читателем проходит череда образов детей и взрослых. Первые – «*девочка с косичками в красной шапочке*», «*с большими любопытными глазами*» [Там же]; «*мальш лет шести*» [3, с. 12], «*длинноногая девочка в коротенькой юбке*» [3, с. 13]; «*карапуз, закутанный в теплое пальто*» [Там же] – понимают Петю, искренне верят в его сказку, в существование волшебной полянки и в чудесность ягод. Вторых не интересуют «выдумки» мальчика, их восприятие конкретно (важно, брусника это или клюква и сколько стоит стакан ягод) и равнодушно.

Эмоциональным и нравственным диссонансом для Пети, который щедро и бесплатно делится с окружающими своим чудом, становится со звоном брошенная к его ногам монетка. Для мальчика это и знак подмены истинного – ложным, чуда – реальностью; и символ насилия над его светлой верой в доброту людей (взрослые все-таки заставляют героя продать его чудесные ягоды); и, возможно, свидетельство утраты доверия ребенка к матери и окружающим. Автор показывает это стилистически: последний абзац текста выстроен с помощью коротких, лаконичных, безэмоциональных предложений: «*Поезд ушел. Стало тихо вокруг. Петя взял корзинку. Ягоды красными горошинами усыпали мокрую землю. Среди них тускло поблескивала монетка*» [3, с. 14]. Образ лежащей на земле брусники создает кольцевую композицию в рассказе. В начале произведения читаем: «*Набухшие ягоды тяжело лежали на земле, прикрывшись ярко-зелеными листочками*» [3, с. 8]. Однако если в начале это ягоды чудесные и «живые», то в финале они «мертвые», поруганные, уже «чужие» для героя.

Если в рассказе «Брусника» образ северного леса Ю. Галкин создает с помощью мотива чуда и смысловых оппозиций, то в рассказе «Злая вода» прежде всего с помощью описательных деталей и антитез «добрый – злой» и «огонь – вода».

В основе сюжета характерная для Северного текста детской литературы ситуация похода в лес (здесь – к охотничьей избушке) взрослого и ребёнка, основанная на мотивах наставничества – ученичества. Лес и у Ю. Галкина становится местом, где дед, представитель старшего поколения, передает опыт и житейскую мудрость юному внуку.

В миниатюре писателя возникает традиционная картина мира, основанная на оппозициях. Первая – «юность – старость» – воплощена в весьма условных образах героев. Вторая – «огонь – вода» – в центральном символическом образе рассказа.

Образ лесной холодной воды связан в тексте с мотивом жажды героя, который может быть прочитан и в символическом ключе как жажда жизни, знания...

Дед запрещает рассказчику пробовать весеннюю воду, называя её «злой». В контексте этот эпитет, выражающий народное понимание природной стихии, изначально содержащий олицетворение, читается как «холодная», «ледяная», «агрессивная», «вызывающая болезнь» («*веет от нее знобящим холодом*» [4, с. 50]). Кроме основных тактильных характеристик автор в образе весенней лесной воды подчеркивает цветовые и кинетические: «*черным стеклянным жгутом вьется вдоль стенок вода, а в середине долго качается воронка. Вот ты какая, весенняя злая вода!*» [4, с. 51]. Эта вода словно воплощение обновленной, вышедшей откуда-то из природных недр жизни, но жизни все же чужой для героя Ю. Галкина.

Если вода в контексте рассказа – «природная», «чужая», «злая», непонятная, то огонь, над которым дед вешает котелок, – «человеческий», «свой», «добрый», «понятный». Бытовая ситуация кипячения воды на костре подана в рассказе как поединок двух стихий: «*Пламя боязливо лижет вспотевшие стенки. А вода уже неподвижна, хмуро смотрит из котелка острой блестяшкой. Кажется, огню не справиться с ней...*» [Там же]. После вмешательства

человека («*дед подкидывает в костерок завиток бересты*» [Там же]) поединок огня и воды перерастает по сути в противоборство «цивилизации и природы»: человек, приручив огонь, стремится сделать то же со злой лесной водой, «*поддобрив*» [Там же] ее.

Таким образом, северный лес у Ю. Галкина становится сокровенным пространством, где за бытовым и обыденным просвечивает древняя суть бытия.

В рассказе «Осенняя песня» основной мотив, создающий образ северного леса, задан уже в названии. Жизнь леса осенью сопоставляется автором с чудесной песней. Прекрасное пение природы звучит в рассказе для главного героя – юного Димы, который в первый раз один отправляется на охоту с ружьем.

И вновь Ю. Галкин для характеристики образа леса и главного героя использует возможности композиции. В первой части рассказа изображён герой, открытый миру. Поэтическое восприятие мальчика позволяет ему уловить различные детали в окружающем мире: *«Только слушай да слушай песню осеннего леса. Чудная песня!*

Тонкий пресный запах берёз смешался с запахом хвои, сухих листьев, невидимками-ручьями течёт запах багульника...

Неподвижны деревья. Лучи солнца пролились туманными столбами сквозь ветви, да так и застыли. Одни синички бойко прыгают с ветки на ветку, роняя на землю огнистые листья...

По лесу прокатился дробный звук, будто кто-то ударил сбор» [5, с. 59]. Описание северного леса Ю. Галкина импрессионистично и напоминает пейзажи, созданные представителями лирико-психологической прозы – Ю. Казаковым и Ю. Ковалем. Автор создает образ леса, отражая восприятие героя на уровне разных органов чувств: зрения, слуха, обоняния, тактильных ощущений, движения. Кроме того оценочная лексика и обилие восклицаний и многоточий указывает на восторженное, вдохновенное внутреннее эмоциональное состояние мальчика. Создается ощущение, что для автора описание осеннего леса – не самоцель, но только средство раскрыть особенности восприятия человека.

Однако герои детских рассказов Ю. Галкина почти всегда вынуждены делать некий нравственный выбор, который является признаком взросления, возмужания души. Не исключением становится и Дима: он, поначалу вступивший в гармоничный диалог с природным космосом, теряет его доверие, когда решает застрелить дятла, чтобы потом похвалиться перед одноклассниками.

Вторая композиционно-смысловая часть рассказа повествует о том, как в одночасье меняется северный лес по отношению к человеку, решившему нарушить гармонию жизни: *«Дятел улетел. В лесу стояла мрачная тишина. А, может быть, это только казалось... Небо уже потемнело. Почернели сосны и ели. Потухло березовое пламя. Синички молча качались на ветках»* [5, с. 61]. Прием субъективации авторского повествования («*А, может быть, это только казалось...*») помогает перевести высказывание в сферу восприятия героя. Чувствительный Дима как немой укор воспринимает и молчание леса (смокла осенняя песня), и взгляд дятла, которого он чуть не лишил жизни.

Третья часть рассказа повествует о том, что усвоивший урок родной природы герой, от размышлений переходит к осознанным действиям: он спасает зайца от восемнадцатилетнего парня-охотника. Формально поверженный в драке с разозленным противником герой одерживает нравственную победу. Спасение зайца как бы снимает его вину и вновь восстанавливает гармонию между ним и природой, дает возможность услышать осеннюю лесную песню. Свидетельство тому – еще один звуковой образ, возникающий в финале рассказа – «*раскатистое эхо*», которое «*долго откликалось в лесу*» [5, с. 62] на звук ружья.

Итак, образ леса в малой прозе Ю. Галкина, на наш взгляд, соотносим с более универсальным хронотопом дороги, актуальным для Северного текста русской прозы для детей в целом, который показывает динамику веками складывавшихся промысловых обычаев се-

рян, определявших их жизнь, с одной стороны, а с другой – экзистенциальное стремление человека вообще к познанию мира природы и через то – самопознанию.

Библиографический список

1. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://kniga.websib.ru/text.htm?book=35&chap=3> (дата обращения 06.08.2018).
2. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / Сост., отв. Ред. Е.Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017.
3. Галкин Ю. Брусника // Галкин Ю. Брусника. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1965. С. 8 – 14.
4. Галкин Ю. Злая вода // Галкин Ю. Брусника. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1965. С. 50 – 51.
5. Галкин Ю. Осенняя песня // Галкин Ю. Брусника. Архангельск: Северо-западное книжное изд-во, 1965. С. 58 – 62.

References

1. Mednis N. E. Supertexts in Russian literature. Novosibirsk, 2003. [Electronic source]. Access. URL: <http://kniga.websib.ru/text.htm?book=35&chap=3> (date of appeal 06.08.2018).
2. Galimova E.Sh. Northern Text of Russian Literature: Methodology of Research//Northern Text as a form of Lagos of Being of the Russian North/Sost. Edition. E.Sh Galimova, A. G. Loshakov. T. 1. Arkhangelsk: IMAGE-PRESS, 2017.
3. Galkin Yu. Cowberry//Galkin Yu. Cowberry. Arkhangelsk: North western book publishing house, 1965. P. 8 – 14.
4. Galkin Yu. Evil Water//Galkin Yu. Cowberry. Arkhangelsk: North western book publishing house, 1965. P. 50 – 51.
5. Galkin Yu. Autumn song//Galkin Yu. Cowberry. Arkhangelsk: North western book publishing house, 1965. P. 58 – 62.

УДК 82.09

Алтайский государственный педагогический университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры литературы
Абузова Н.Ю.
Россия, г. Барнаул, тел. +7 961-237-89-59
e-mail: nataliya_abuzova@mail.ru

Altai State Pedagogical University
The chair of Literature,
PhD in Philology,
associate professor
Abuzova N.Yu.
Russia, Barnaul, tel. +7 961-237-89-59
e-mail: nataliya_abuzova@mail.ru

Н.Ю. Абузова

КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕЙЗАЖА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Поставленная в статье проблема продиктована недостаточной изученностью семантики колоризма пейзажных стихотворений поэта. Как правило, наибольший интерес к цвету проявляют лингвисты, представляя колоративы в поэзии Ф.И. Тютчева в качестве предмета специального лингвистического анализа в поэтическом лексиконе поэта и описывая лексические поля той или иной цветовой номинации. Подход к исследованию колоризма в поэтическом мире Ф.И. Тютчева определен признанием связи поэта с художественной традицией и фактором индивидуального творческого компонента. Проблема цветописи в лирике Ф.И. Тютчева заявлена в начале XX века. Л.В. Пумпянский одним из первых обращает внимание на «колористические стихи» поэта, выделяет принцип колоризма как эстетический, при этом отмечая «укорененность» тютчевской лирики в поэзии XVIII века. Данная статья посвящена цветовой картине мира Ф.И. Тютчева как колористической системы, репрезентирующей индивидуальное представление поэта о цвете и его функциях в художественном мирообразе. Определены ведущие цветковые эпитеты (золотой, голубой, зеленый, др.), их символика (с ориентацией на культурную традицию), порождаемые колоремами цитаты, литературные и культурные ассоциации, другие формы интертекста, основная художественная функция цветковых эпитетов в поэтическом пейзаже, которая может быть определена чаще всего как «ядерная». Кроме того, представляется, что постепенная «наполняемость» стихотворений-пейзажей цветом параллельно с оснащением мирообраза отдельными значимыми образами, деталями, демонстрирует динамику тютчевской колористической системы. Цветовая картина мира рассмотрена на материале пейзажных стихотворений Ф.И. Тютчева с учетом колористического ореола, созданного стихотворными опытами поэтов конца XVIII – начала XIX века: Г.П. Каменева, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.Ф. Мерзлякова, В.А. Жуковского, М.П. Загорского и др.

Ключевые слова: картина мира, пейзаж, колорема, колористика, цветовая картина мира, принцип колоризма, Ф.И. Тютчев.

N.Yu. Abuzova

COLORISTIC ASPECT OF THE LANDSCAPE IN F.I. TYUTCHEV'S POEMS

The problem put in article is dictated by insufficient study of semantics of a kolorizm of landscape poems of the poet. As a rule, the greatest interest in color is shown by linguists, representing kolorativa in F.I. Tyutchev's poetry as a subject of the special linguistic analysis in a poetic lexicon of the poet and describing lexical fields of this or that color nomination. Approach to a kolorizm research in the poetic world of F.I. Tyutchev is defined by recognition of communication of the poet with art tradition and a factor of an individual creative component. The tsvetopisa problem in Tyutchev's lyrics is stated at the beginning of the 20th century L.V. Pumpyansky one of the first draws the attention to "coloristic verses" of the poet, marks out the principle of a kolorizm as esthetic, at the same time noting "rootedness" of tyutchevsky lyrics in XVIII century poetry. This article is devoted to a color picture of the world of F.I. Tyutchev as the coloristic system representing individual idea of the poet of color and its functions in an art miroobraz. The leading color epithets (gold, blue, green, other), their symbolics (with orientation to cultural tradition), the quotes generated by kolorema, literary and cultural associations, other forms of the intertekst, the main art function of color epithets in a

poetic landscape which can be defined most often as "nuclear" are defined. Besides, it is represented that gradual "fullness" of poems landscapes in color in parallel with equipment of a miroobraz separate significant images, details, shows dynamics of a tyutchevsky coloristic system. The color picture of the world is considered on material of landscape poems of F.I. Tyutchev taking into account the coloristic aura created by poetic experiences of poets of the end of XVIII – XIX century: G.P. Kamenev, G.R. Derzhavin, N.M. Karamzin, A.F. Merzlyakov, V.A. Zhukovsky, M.P. Zagorski, etc.

Key words: the world picture, a landscape, a kolorema, a coloring, a color picture of the world, a principle of a kolorizm, F.I. Tyutchev.

В художественной литературе цвет является одним из компонентов эстетического видения мира. Живописное начало в лирике Ф.И. Тютчева выступает совершенно отчетливо, что дает возможность его пристального изучения. Подход к тютчевской живописи словом определен двумя сложившимися в тютчеведении позициями: связь с художественной традицией и индивидуальный творческий компонент.

Так, функция цвета в художественном пространстве – раскрыть диалог писателя с культурной и литературной традицией в целом – определена в ряде научных литературоведческих работ, посвященных лирике Ф.И. Тютчева (например, о цвете как элементе художественного пространства, соединяющем культурные эпохи, обстоятельно и масштабно пишет Н.В. Королева). Н.В. Королева, описывая литературный контекст эпохи, в который входит творчество молодого Ф.И. Тютчева, и говоря о многих влияниях (русских и зарубежных), отмечает Жуковского и Батюшкова, чье творчество помогло Ф.И. Тютчеву создать собственную поэтическую систему, С. Раича, который обратил Ф.И. Тютчева к миру античной образности, поэтов «московской школы» [1, с. 196, 201, 199]. Кроме того, ряд исследователей обращает внимание на связь лирики Ф.И. Тютчева с поэзией XVIII века, выделяя колористическое «державинское начало» (интонации, образы, общий зачин, сложные эпитеты, в том числе и передающие цвет и усовершенствованные Тютчевым) (Ю. Тынянов, Л.В. Пумпянский, Б.М. Эйхенбаум, Н.В. Королева, Б.Я. Бухштаб, Н.Я. Берковский, А.В. Шапурина, др.).

С другой стороны, цвет определяет индивидуальные живописные «пристрастия» писателя. С этой позиции колорема («колорема» 'цветообозначение'[2]) – «значимый компонент ментального пространства художника слова» [3; с. 83].

Цветовое воплощение пейзажа Ф.И. Тютчева привлекло к себе внимание критиков и исследователей литературы не сразу. Так, в конце XIX – нач. XX вв., в исходной точке исследования лирики Ф.И. Тютчева, живописный аспект его пейзажных стихотворений не востребован. Определяется главный вопрос о соотношении поэта с мировой душой, выражаемой в природе.

Однако уже в 1895 г. в статье «Поэзия Ф.И. Тютчева» Вл. Соловьев все же замечает, что дело поэзии – «воплощать в *ощутительных* образах тот самый высший *смысл* жизни» [4; с. 111]; цвет же в тютчевском пейзаже, по логике рассуждения автора, – выражение «ощутительной красоты», одушевленности природы и убеждение поэта в наличии у нее души. О цветовых эпитетах и колоризме пишут А. Белый, П.М. Бицилли, Б.Я. Бухштаб, др. В настоящее время живописно-цветовому аспекту лирики поэта свои исследования посвятили П.В. Толстогузов (2003), В.Д. Неклюдов (2010), Е.В. Зайцева (2012), Е.В. Воронец (2015).

Комплексный подход к живописи словом («колористическим стихам», [5; с. 38] прежде всего, обозначен в исследовании Л.В. Пумпянского «Поэзия Ф.И. Тютчева» (1928). Ученый определяет колоризм в качестве одного из важных эстетических принципов поэта, «последовательного колориста» [5; с. 40], истоки колоризма – в поэзии Державина, «отца русского колористического стиля» [5; с. 39]. Кроме того, тютчевский колоризм, «замешанный» на державинской традиции в этой области, видится Л.В. Пумпянскому актуальным, действенным: «...раскрашенные» строфы и стихи – насчитываются у Ф.И. Тютчева десятками» [5; с. 38]. Л.В. Пумпянский выявляет колористические особенности, унаследованные Ф.И. Тютчевым: феноменологическая поэзия [5; с. 42], «обостренный интерес к зрению, к

очам, к взирающему» [5; с. 43], пейзаж-отражение («пейзаж, отраженный в воде», [5; с. 44]). Ученый, говоря о функции «колористических эпитетов», отводит им важное значение: он видит их «на точно определенном месте, на острие своих стихов!» [5; с. 37] – цветочные прилагательные подчеркивают доминанты смысла.

Выделенный Л.В. Пумпянским принцип дает возможность осмысления функции цветочных эпитетов в качестве маркеров объектов окружающего мира, связанных между собой и организующих поэтический миробраз.

Колоризм пейзажных стихотворений Ф.И. Тютчева соотносится с мироощущением поэта и демонстрирует становление картины мира, изначально очерченной топографически: «И воздух, и моря, и сушу...» [6; с. 41] («А.Н. <Муравьеву>, 13 декабря 1821»). «Чертеж земной» («Колумб», 1844) [6; с. 101] постепенно оснащается деталями (море, звезды, волны, утес, ветер, дубровы, река и т.п.), становясь «миром огромным, велелепным» (Н.М. Карамзин, «Поэзия», 1787), и в этом процессе «уточняется» цветочный спектр мира, формируется внимание Ф.И. Тютчева к цвету. В итоге, цветочный диапазон поэтического пейзажа Ф.И. Тютчева довольно широк: колористическое пространство включает в себя почти все цвета спектра (исключение: оранжевый, фиолетовый) и ахроматические цвета: черный (редкий у поэта), белый, сизый, серебристый.

Цвет в формирующемся поэтическом пространстве у Ф.И. Тютчева обозначен традиционными для классицизма и романтизма эпитетами, в том числе опосредованными (непрямыми) колоремами. Так, стихотворения 1820 - 1821 гг. изобилуют «искрами», «огнем», «яркими лучами», «пурпуром искрометных вин», «гроздям соком», «рубином плодов», «пламенными рассветами», «златокрылыми мечтами» и т.п., на что указывает Л. Пумпянский [5; с. 37].

Едва ли не первыми возникают в стихотворениях колорема «золотой» и ее варианты, изначально связанные с определением света. «Золотой» появляется в стихотворениях Ф.И. Тютчева периодически: («златокрылые» (мечты), «золотой» (рассвет), «золотое» (время), «золотится» (купол Исаакия), «осенняя позолота», «лето золотое», др.).

«Золотой» имеет в русской поэзии свою историю. Безусловно, в этом случае тютчевский «золотой»/«золотой» демонстрирует связь с русской поэзией и XVIII, и XIX века. В поэзии XVIII в. «золотой» часто существует в форме «позлащенный» и является распространенным эпитетом с довольно широким семантическим полем [7; с. 154]. Эта колорема проявила себя устойчивой, наделенной особой семантикой, и из поэзии эпохи XVIII века перешла в поэзию XIX века. Так, И.З. Серман отмечает, что в 1800 – 1810-е гг. поэты-последователи К.Н. Батюшкова испытывают «особенное пристрастие к «поэтическим, по самому своему смыслу и звучанию эпитетам, особенно к двум – *сладкий (сладостный)*» и «*золотой*» [8; с. 125].

Ф.И. Тютчев, используя эпитет «золотой» в переносно-метафорическом значении, в варианте устойчивой стилистической формулы, прежде всего, дает эстетическую характеристику мира, как это делали русские поэты XVIII – нач. XIX века. К примеру, «золотой луч», - Г.П. Каменев, «Утренняя песнь», 1796; «золотые небеса» – Г.П. Каменев, «Малиновка», 1796; «золотые струны» лиры – Г.П. Каменев, «Мечта», 1796; «надпись золотая» (дорогая человеку) - Г.П. Каменев, «Кладбище», 1797; «золотая вольность» (т.е. чаямая) - Г.Р. Державин, «Евгению. Жизнь Званская», май – июль 1807; «Как время катится в Казани золотое!» - Г.Р. Державин, «Арфа», 1798; «золотые дни» - А.Ф. Мерзляков, «Вечер», 1797; др. У Ф.И. Тютчева: «Я помню время золотое, / Я помню сердцу милый край...» («Я помню время золотое...», апрель 1836) [6; с.88]; «Я вспомнил время золотое – / И сердцу стало так тепло...» («К.Б.», 26 июля 1870) [6; с. 211].

Традиционная метафора «время золотое», закрепленная Ф.И. Тютчевым в собственной лирике, восходит к греческой мифологии (миф о пяти веках) и поэзии Вергилия (рассказ о золотом веке – времени всеобщего довольства и счастья), откуда попадает в поэзию XVIII

века и реализуется как культурный феномен, равно и поэтическое клише «золотая свобода» как маркер эпохи нач. XIX века.

Однако поэт прикрепляет к гнезду колоремы «золотой» еще одно, новое, значение. Теперь чаще цветовую характеристику *золотого* / *золотистого* / *желтого* получают реалии, включенные в семантическое поле «Космос вокруг»: растительность, небесные светила (солнце, месяц), время суток (день). В этом случае акцент поэта перенесен на чувственные ощущения созерцающего пейзаж субъекта.

Золотой / *желтый* у Ф.И. Тютчева – это едва ли не главный цвет природы, так как он напрямую связан с солнцем – главным «референтом» *золотого* / *желтого* и традиционным центром мира: нивы, листья, виноград, день, «позлащенные» солнцем, пропитаны его цветом («золотистые волны» нив («Тихой ночью, поздним летом...», 1849) [6; с. 107], «золотистый виноград» («Вновь твои я вижу очи...», 1849) [6; с. 110], «осенняя позолота» листьев («Обвеян вещею дремотой...», 15 сентября 1850) [6; с. 120]; «искры золотые» («Под дыханьем непогоды...», 1850) [6; с. 119], «желтый лист» («Как весел грохот летних бурь...» 1851) [6; с. 131]; «лето золотое», («Первый лист», 1851) [6; с. 128], др.). В пейзажах Ф.И. Тютчева «золотой» подчас несет семантику «застывшего золота», символизирующего совершенство картины природы, конечного пика развития природного явления. Всё освещенное, раскаленное солнцем, обретает связанный с ним цвет, который выражен прямо или латентно, например, в коррелятах, созданных соединением семантического и ассоциативно-образного аспектов: «блеск», «блестящий», «блещущий», «светлеющий» (день), «пламенный», «огнецветный». Причем в поэзии Ф.И. Тютчева эти эпитеты почти универсальны и мобильны: они могут входить в семантические поля и других колорем, т.к. напрямую связаны с частной точкой зрения субъекта на мир вокруг.

Эпитет «золотой» в тютчевской поэзии закрепляется в качестве цветового маркера дня («пышно-золотой день», «Еще шумел веселый день...», 1830; 1851; «золотой покров» дня, накинутый над бездной мироздания («Святая ночь на небосклон взошла...», 1848, 1850) [6; с. 117] и в некоторых случаях становится коррелятом белого цвета в отдельных стихотворениях («Восток белел», [6; с. 75].

Следует выделить особенность тютчевской колористической системы: контрастность, предполагающая застывшие формы. Так, «золотой» вступает в контраст с «черным». Цветовой контраст латентно отражен в стихотворении «День и ночь» (нач. 1839), где намечены и ассоциативно определены названием стихотворения два цвета. Контраст, семантически заданный названием, традиционен: *белый день* – *черная ночь*. Цвета намечает и определяет архетипическая хроматическая ассоциация, которая является общей почти для всех социумов: в представлении людей ночь ассоциируется с черным цветом, день – с белым. Однако «белый» отсутствует в стихотворении, вместо него – «золотой». В стихотворении противопоставление выражает наивысшую интенсивность бытия, так как яркость цвета повышена до максимума, а его насыщенность доведена до максимальной степени восприятия. Именно поэтому у Ф.И. Тютчева день – «златотканый» и «блистательный» покров – то есть «золотой» (освещенный, пронизанный солнцем) и сверкающий, а не «белый», что придает наивысшую ценностную характеристику явлению. Кроме того, «золотой» создает пафос утверждения зримого мира, организует и подчеркивает конкретику земного бытия.

Но день способен «меркнуть» – понижение яркости является признаком постепенного исчезновения, зыбкости явления, а отсюда – и убывания ценности дневного мира. На смену дню приходит ночь, которая в самом стихотворении цветом не маркирована (срабатывает только культурная ассоциация) и семантически связана у Ф.И. Тютчева со стихийным деструктивным началом: ночь срывает с мира «ткань благодатную покровов», «отбрасывает прочь», пугает человека «бездной», наполненной «страхами и мглами», напоминающей ад, намечая в глубине смысла стихотворения одну из любимых тютчевских тем – апокалиптическую

скую с ее инфернально-смертельным контекстом. Неназванный «черный» проявляется как смысловое ядро, в орбиту которого вовлекаются культурные и литературные ассоциации, приоткрывающие ментальное пространство поэта: цвет ночи - цвет первозданный (об этом: Бытие 1, 1), наделенный и негативным, и позитивным статусами. И в данном случае ассоциативный ряд тютчевского стихотворения связан с семантическим полем «Ночь – сон – смерть - бытие», что определяет эпитет «черный» как семантически и символически сложный и в целом выводящий к глубинной философской теме «Бытие - Небытие» (познаваемое – непознаваемое). Неназванность черного цвета в стихотворении возможно объяснить его сакральностью: цвет, обозначающий первозданную тьму, не имеющую формы. Логически в стихотворении выстраивается световая оппозиция *свет – тьма*. И, таким образом, латентно намеченный «черный» в стихотворении обретает хтоническое значение. При этом тютчевский мрак бездны не беспросветен: противостоящий ночи дневной свет вновь придет на смену ночному страху – по логике циклического времени.

Примечательно, что однажды намеченное в поэзии Ф.И. Тютчева сочетание *золотой – черный* получает дальнейшее развитие в русской поэзии XX века (*желтое – черное*), сопрягаясь в стихотворениях И. Анненского, О. Мандельштама, А. Блока с катастрофическим мотивом. Сам же золотой цвет может быть определен как знаковый для эпохи символизма [9; с. 329].

При этом поэт не отказывается от использования в поэтической палитре белого цвета. «Белый» – одна из важных цветообозначающих единиц мирообраза поэта. Белый цвет часто появляется при описании окружающего мира: по подсчетам, приведенным в «Частотном словаре-конкордансе словоформ языка Ф.И. Тютчева», цвет использован поэтом около 17 раз (в разных словоформах) [10]. Как правило, «белый» выступает как чистый нейтральный цвет, однако несущий определенную символику и вызывающий интеллектуальную рефлексию («Восток белел...» («Восток белел, ладья катилась...») [6; с. 75], «...белея, / Руина замка в дол глядит» («Я помню время золотое...», 1836) [6; с. 88]; «...эфирных стран белеющийся свод» («На новый 1816 год», 1816) [6; с. 289]; «В белизне своей чудесной, / Над Донцом утес стоит» («Святые горы», 1862) [6; с. 163], др.). Кроме того, белый цвет в мирообразе поэта порождает эстетическую реакцию и создает ряд цветовых метафор («И вот миндаля мгновено зацвела, / И белизна всю зелень облила» («Итальянская весна», 1873) – цвет миндаля, как снег). Традиционно колорема «белый» связана и с семантикой «холодно – бесцветно» («Н.И. Кролю», 1863) [6; с. 165]) и вызывает зрительные и тактильные ассоциации: снег, прохлада, замерзание. Отсюда белый цвет – ядро зимнего тютчевского пейзажа. Так, в стихотворении «Чародейкою зимою...» (31 декабря 1852) колоризм как таковой отсутствует, но с белым цветом ассоциируется снег – «снежная бахрома», «легкая цепь пуховая» [6; с. 135], связывающая жизнь природы, обездвиживающая ее («Околдован, лес стоит...», «В нем ничто не затрепещет...») [6; с. 135]. Имплицитно обозначенный белый цвет создает монохромность зимнего пространства, придает картине природы «гравюрность».

Кроме контраста, Ф.И. Тютчев сохраняет в словесной живописи принцип зрелищности («мир как зрелище»): «...зрению обязательно сопутствует эмоция «удивления», которая сопряжена с идеей зрелища» [11; с. 25]. «Зрелищность» в нескольких тютчевских стихотворениях утверждается императивом «Смотри!». Императив выражает удивление лирического субъекта и одновременно привлекает внимание к некоему поразительному («феноменологическому», по Л. Пумпянскому) явлению природы: «Смотри, как облаком живым...» («Фонтан», 1836), «Смотри, как запад разгорелся...» (1838), «Смотри, как на речном просторе...» (1851), «Смотри, как роща зеленеет...» (1857). Призыв вовлекает в тщательное вглядывание в детали описываемого явления мира, всочувствие и сопереживание по поводу увиденного, когда вполне рядовое, обычное обретает статус неординарного.

Наблюдения за цветовой палитрой поэта дают возможность увидеть, что с 1828 г. тютчевская космогония сменяется устойчивой картиной мира, элементы которой закреплены по-

стоянным цветовым обозначением. Это своего рода космология, требующая пристального взглядывания, сопереживания и изучения. Поэт учится работать не столько с цветом (культурная и литературная европейская традиция уже сформировала систему цветовых знаков), но с оттенками зрительных представлений об окружающем мире.

Стихотворение «Весенняя гроза» (1828; нач. 1850-х) – картина, характеризующаяся, в первую очередь, химией красок и динамизмом. В нем закрепляется еще один любимый Тютчевым-поэтом цвет – голубой – цвет грёзы, связанный с поэзией Новалиса, его «голубым цветком» мечты. В общекультурном смысле постоянное использование Ф.И. Тютчевым голубого цвета – демонстрация приверженности к романтическому мироощущению. Однако в тютчевской лирике к мечте колорема «голубой» не причастна. Единичны случаи употребления эпитета «голубой» для обозначения растений. Голубой обладает широким семантическим полем «Воздух – вода». Кроме того, важен временной аспект, свойственный при употреблении этого цветового эпитета: «День – ночь».

Кроме функции маркирования цвета неба в «Весенней грозе», голубой выполняет и символическую функцию: у Ф.И. Тютчева этот цвет, вслед за Новалисом, символизирует связь земной и небесной сфер мира (первые две строфы – земное пространство, обрамляющие первая и четвертая строфы – неземное, небесное).

Пейзаж «Весенней грозы» с его игровым характером открывает природу в вечной метаморфозе, основанной на смене эмоций, воображения, интуиции. Мир, явленный в своей мгновенности, фрагментарности, оформлен в единое целое в том числе и двумя основными контрастными цветами: голубым и золотым (коррелят желтого), представленным колоремой «золотит» (Ср: «красивость» и характерная для XVIII века традиция изображения природных явлений в сравнении с драгоценностями, например, в стихотворении Г.П. Каменева «Малиновка» (1796): «Под *златыми* небесами / И в *сапфировых* облаках / Солнца ты играй с лучами»; у В.В. Капниста («Обуховка», 1818) водяная мельница: «Алмазы от блестящих дуг, / Опалы, яхонты дождятся, / Под ними клубом бьет жемчуг». У Тютчева: «...гром ... / Грохочет в небе *голубом*», «Повисли *перлы* дождевые, / И *солнце* нити *золотит*», [6; с. 51]. «Голубой» и «золотой» в «Весенней грозе» выполняют две основные функции: дейктическую (привлечь внимание) и эстетическую – указать на красоту окружающей природы, вызвать эмоции. Соединение «голубого» и «золотого» – безусловное проявление и двоемирия, и гармонии, и единства мира, в понимании поэта.

Таким образом, «голубой / синий» (как вариант) у Ф.И. Тютчева – важный после «золотого» центрообразующий поэтический миробраз цвет. Так, принцип «мира как целого» реализуется через символ «свежего духа синели» («Нет, моего к тебе пристрастья...», 1835): восприятие человеком запаха, оценка его качества, цвет соцветий играют решающую роль в маркировке грани миробозраза. Синель – (сирень), название, по некоторым версиям, произошедшее от слова «синий» (из слова «сирень» преобразовано по народной этимологии под влиянием «синий» [12] (ср.: современное тульское *синелёк* в обозначении сирени).

В дальнейшем поэт усиливает актуальность голубого в своей эстетической системе, расширяя семантическое поле «Воздух – вода» на основании принципа отражения (зеркальности): в стихотворениях укореняется «лазурь небес», «лазуревые ночи», «темно-лазурная волна» и «лазуревые зыби» моря, «лазурный свет», «лазурный грот» («Утро в горах», 1829; «Снежные горы», 1829; «Полдень», 1829; «Там, где горы, убегая...», 1835; «Еще земли печален вид...», 1836; «По равнине вод лазурной...», 1949; «Венеция», 1850; «Рим, ночью», нач. 1850; «Пошли, Господь, свою отраду...», 1850, др.), а «синей молнии струя» («Неохотно и несмело», 1849) предстает в роли медиатора «верха» и «низа». Можно предположить, что голубой, по фольклорной и поэтической традиции, используется поэтом при создании земного, обозримого пейзажа с *небом* («воздух голубой», «Вновь твои я вижу очи...» (1849) [6; с. 110], доступным взгляду человека; «лазурь» же – цвет *небес* (например, «Лазурь небесная

смеется, / Ночной омытая грозой...» («Утро в горах», 1829) [6; с. 55] – колорема определена сакральностью процесса (в данном стихотворении – ночной грозой). По аналогии с «застывшим золотом» – «застывшая лазурь». Для сравнения: у Г.Р. Державина («На переход Альпийских гор», 1799) – «лазурь» волн, («На победы в Италии», 1799) синий лед («Подобно синя моря льдам»), «Раздавшись неба по лазурям» («Соловей»), 1794; у В.В. Капниста небо – «эфирна синева» («Обуховка», 1818); у Н.М. Карамзина «синие фиалки» («Кладбище», 1792), «лазорево свод» («Молитва о дожде», 1793), у А.Ф. Мерзлякова поля «голубых небес», «лазурный горизонт» («Вечер», 1797) и др. Выборка показывает, что у авторов конца XVIII века колоризмы *голубой – синий – лазурный* синонимичны, несут символику «Воды – небеса как окружающий мир» и используются для маркировки явлений различных топосов.

В маркировании цветом неба Ф.И. Тютчев придает «лазури» постоянные признаки: она «огневая», «блистающая», «блещущая», «пламенная», что связано с очистительным огнем солнца, звезд и эфира (т.е. в огненной сакральной функции). Соединение голубого и золотого цветов открывает новое свойство лазури небес – ее дуальность: небесный свод, способный «гореть» «славой звездной», превращается в хтоническую «пылающую бездну», являя свою первооснову («Сны», начало 1830), «темный корень бытия» (В. Соловьев). А «бездна» уже взыскует к черному цвету. Так, в стихотворении «Черное море» (1871) использована колорема, но гидроним выступает только в качестве названия и актуализирует в большей степени политическую семантику. Цветовое обозначение порождает игру ассоциациями, аллюзиями, цитатами. Так, в «Черном море» литературный код реализуется через использованную Ф.И. Тютчевым прямую цитату из пушкинского стихотворения «К морю» (1824): море катит «волны голубые». В стихотворении «Песок сыпучий по колени...» (1830) упоминание черного цвета: «Черней и чаще бор глубокий...» – возрождает, во-первых, мифологическую ассоциацию (ночное небо – древнегреческий стоглазый Аргус – «зверь стоокий»); во-вторых, демонстрирует эмоцию лирического субъекта – страх перед ночью, («ночь хмурая»); в-третьих, усиление цвета как такового, его сгущение представляется характерной особенностью наступления ночи – сакрального, таинственного времени суток: «Ночь хмурая, как зверь стоокий, / Глядит из каждого куста!» [6; с. 66]. В целом, колорема «черный» находится на периферии цветовой картины мира Ф.И. Тютчева. Поэт отдает предпочтение всей гамме синего цвета. В стихотворениях Ф.И. Тютчева ночь чаще синяя, лазурная (так, например, в стихотворении «Рим, ночью» (нач. 1850): «В ночи лазурной почивает Рим» [6; с. 112], сизая (тёмно-серый цвет с синевато-белёсым отливом) («Бессонница (ночной момент)» [6; с. 221-222]. Подобное предпочтение связано с тем, что черный (равно и белый) во времена Тютчева не обладал статусом цвета. По словам М. Пастуро, черный и белый «составили свой особый мир, противоположный миру цвета: «черно-белое» с одной стороны, «цветное» – с другой» [13; с. 8-9]. В этом случае логично, что поэт использует слова: «тьма», «мгла» относительно ночи, что соответствует древней мифологии тьмы.

Зелёный – еще один цвет, входящий в палитру образа мира у Ф.И. Тютчева. Именно в эпоху романтизма зеленый стал цветом природы. В русской поэзии конца XVIII – начала XIX века зеленый не част; как правило, он скромно обозначает цвет листы, очерчивает семантическое поле, связанное с топосами: «Растительность» и «Воды». Наиболее часты «зеленая роща» (Г.Р. Державин, «Соловей», 1794), «зелень» в качестве растительности (Н.М. Карамзин, «Молитва о дожде», 1793), «стебелек ... зеленый» (Н.М. Карамзин, «Лилея», 1795), «зеленый цвет» деревьев (А.Ф. Мерзляков, «Вечер», 1797), «лес зеленый» (В.В. Капнист, «Обуховка», 1818), «зеленый сад», «зелень» (В.А. Жуковский, «Летний вечер», 1818), др.. Редкое исключение – «зеленое море» (М.П. Загорский, «Горный поток», 1819). Кроме того, примечательно устоявшееся в русской поэзии этого времени обозначение могилы, рассматриваемой в поэзии как место значимое: «зелень дерна» (Н.М. Карамзин, «Надписи в парке Эрменонвиля», без даты), «дерновый круг зеленый» (В.В. Капнист, «Обуховка», 1818).

У Ф.И. Тютчева зеленый цвет функционален уже не только при описании окружающего мира в прямом, но и в символическом смыслах: во-первых, по традиции, зеленый цвет актуализируется при изображении мира природы: «земля зеленела» (глобальность смысла) – деревья, нивы, поля, волны, вершины, лес, «бледно-зеленая грива» морского коня – волны, «зеленые волны» реки, «тощая зелень» сосен и елей. Во-вторых, зеленый наделяется дополнительным смыслом: им маркирован локус, наделенный особой благодатью или сакральностью – дубровы, рощи, морские волны. При этом цвет подтверждает способность менять свою интенсивность. Так, в стихотворении «Неохотно и несмело» (6 июня 1849) цвет акцентирован, строки «Зеленеющие нивы/Зеленее под грозой» [6; с. 105] подчеркивают и сосредоточенность взгляда лирического субъекта на пространстве земли, и живописную насыщенность цвета, и его эстетическую ценность для поэта, и торжество грозы.

Цвет гривы («бледно-зеленая») морского коня («Конь морской», 1830) вновь актуализирует интертекстуальность и отсылает к мифологическому коду, одновременно реализуя метафору «гиппокамп – волна».

В стихотворении «Как сладко дремлет сад темно-зеленый...» (1855) насыщенность зеленого цвета, проявленная через «темно-зеленый», создает ядерный смысл. Сад, благодаря цвету, определяется территорией единения дня и ночи, бытия и небытия, познаваемого и непознанного. Отсюда логичное соединение «темного» (тьма) и зеленого (по смыслу связанного с днем и утверждением жизни). Сложный цвет в данном случае ценен не сам по себе, но как маркер переходности: «сладкого» переходного состояния природы – «неги» гиппокампа (от вечера к ночи) и лирического субъекта (на грани угасающей яви и наступающего сна). Сочетание зеленого и голубого (ночь), дополненное эпитетами «убеленная» (цветами яблоны), «золотой» (месяц), в сакральном пространстве ночи обретает символическое значение, бегло очерчивая идеальную картину мира. Лирический субъект принимает на себя статус посвященного в таинства разворачивающейся мистерии, обращающей к началу времен. Ретроспективный процесс исчезновения цвета отсылает к «первому дню создання» [6; с. 78], когда цвета еще не было - из тьмы только что образовался свет. Но «темный корень бытия» - Хаос – уже звучит «непостижимым» «чудным еженощным гулом» [Там же].

«Красный» считается самым древним цветом в культуре и занимает видное место, существуя во множественных «референтных» определениях, изначально связанных с огнем и кровью. В целом, в поэзии второй половины XVIII – начала XIX вв. цветовую характеристику красных оттенков получают реалии, которые включены в широкое семантическое поле «Окружающий мир»: небо и его «составляющие» (облака, звезды, рассвет, закат), растения (розы, кусты, листья), человек (ланиты). Поэты этого времени, используя различные лексемы, очерчивающие семантическое поле красного цвета, демонстрируют факт, что красный выполняет, прежде всего, эстетическую функцию – украшает мир. Отсюда разнообразие оттенков цвета (некоторые из них не являются колоризмами), например: «румяный майский день» (И.И. Дмитриев, «К А.Г. Севериной», 1791), «роза алее» цвела (И.И. Дмитриев, «Всех цветочков боле...», 1795), «свет утренний румяный» (Г.П. Каменев, «Утренняя песнь», 1796), «вечер багряный» (Г.П. Каменев, «Вечер любезный! Вечер багряный...», 1799), «пурпура красней» (Г.Р. Державин, «Похвала сельской жизни», 1798), «красная заря», «пурпуры огнисты», «розы пламенны», «багряный берег» (на закате) (Г.Р. Державин, «Ключ», 1779), «красный день», «зарев», «багрянец зарь», «лето красное» (Г.Р. Державин, «Евгению. Жизнь Званская», 1807), «красная заря» (Н.М. Карамзин, «Соловей», 1796), «багряный блеск» заката (В.А. Жуковский, «Вечер», 1806), «алое тонкое облачко», «румяный цвет» вишен, «алый завес», который задергивает солнце (В.А. Жуковский, «Летний вечер», 1818), «пурпурные кусты» (В.В. Капнист, «Обуховка», 1818) и др.

Ф.И. Тютчев придерживается выработанной в поэзии традиции в использовании колоремы «красный». Изобилие относительных прилагательных в маркировке цвета в цветовой

картине мира Ф.И. Тютчева отражает множественные зрительные впечатления, оттенки психологических состояний, выраженных через сформированное в поэзии предыдущего века эмоциональное ядро колоремы в диапазоне «красный – алый – багряный – пурпурный», то есть цвет передан в цветоощущении, которое само по себе есть культурный феномен, включающий в себя эмоции, воображение, память, знание. Отсюда – богатство красных цветов в русской поэзии вообще, и у Ф.И. Тютчева, в частности.

Примечательно, что этот древнейший, «архетипический» цвет в его прямом определении – «красный» – появляется у Тютчева дважды («красное лето», «Листья», 1830; огонь пожара «словно красный зверь какой», «Пожары», 1868). Оба примера демонстрируют семантические полюса цвета, которые зафиксированы в лирике поэта: в первом случае – выражение древнейшего смысла «красное – красивое, цветное», связанное со значением «жизненные силы, процветание». Во втором примере цветовое определение несет прямо противоположный смысл: тревога, страх, опасность (Ср: «коровый» – это знак войны, насилия, разрушения («Закат звезды ее коровый», «Цицерон», 1829 – нач. 1830-х гг.; «коровая буря», «Знамя и Слово», 1842; «день коровый», «Поминки. Из Шиллера», 1850 – нач. 1851). Негативную символику несет и семантический коррелят красного «раскаленный»: «раскаленные лучи» («Безумие», 1830). «Пламенный» же выступает и как маркер отрицательных проявлений мира («пламенные пески», «Безумие», 1830), но чаще используется с положительной семантикой («Как пламенеет, как дробится / Его на солнце влажный дым», «Фонтан», 1836; «Теперь на солнце пламенеет / Роскошный Генуи залив...», «Глядел я, стоя над Невой», 1844).

Тенденция амбивалентности красного наблюдается на всем протяжении творчества Ф.И. Тютчева и закрепляет использование многочисленных относительно других колорем семантических коррелятов красного цвета (следование поэзии XVIII века): румяный, огненный/огневой, пламенный, рдяный.

В эмфатическом определении «огонь – “красный зверь”» проявляется древнейшее культурное восприятие огня как живого или сверхъестественного существа. Так, образ неба – «зверя стоокого» в стихотворении «Песок сыпучий по колени...» [6; с. 66] ассоциируется с Аргусом, чьи глаза – горящие звезды. Реконструируется связь между огнем и звездами. Огонь – сакральное явление, которое позволяет человеку устанавливать связь с богами. У Ф.И. Тютчева сакральность огненной стихии проявляется через нестандартный в целом для поэзии цветообраз «лазурь неба огневая» («Снежные горы», 1829, 55): «дольнему» «полусонному миру», «лишенному сил», «опочившему» «в неге благовоний», противостоит иная жизнь – жизнь природы, которая проявлена в «полдневную пору» (энигматическое время): «Играют выси ледяные/С лазурью неба огневой» [6; с. 56].

«Зарницы огневые» («Ночное небо так угрюмо», 1865) – иное проявление таинственной природной жизни. Запредельное, хтоническое прорывается в человеческий мир, и условие тому – ночное время и особое состояние природы (начало грозы). В этом контексте эпитет «огневые» проявляет самостоятельность природной жизни, ее независимость от человека, стихийность и таинственность («таинственное дело» [Там же]).

В стихотворении «Под дыханьем непогоды...» (1850) вечер «пасмурно-багровый», «пламенный» «обрывает свой венок»: «Сыплет искры золотые, / Сеет розы огневые, / И – уносит их поток...» [6; с. 119]. Богатство цветовой картины в стихотворении вновь обусловлено «особым» временем – вечером, трактуемым Тютчевым как переходное. Отсюда и необычность красок: «свинец», «пасмурно-багровый», «радужный», «золотые», «огневые», «темно-лазурный», «пламенный». Цветовая палитра презентует, прежде всего, внутреннее состояние лирического субъекта и затем открывает новую грань мира. Наличие связи между лирическим субъектом и природой демонстрирует широкая для двух секстин цветовая палитра. Заметно, что в ней преобладают маркеры красного цвета, изначально связанные в культуре с жизненной силой. Однако Ф.И. Тютчев создает собственный семантический ак-

цент цвета в стихотворении: благодаря переходному времени (вечер), наличию «потока» (как размыкателя границ пространства), речь идет об убывании света эмпирической жизни. В этом контексте «розы огневые» и «венки» вечера ассоциативно отсылают к древнему римскому погребальному обряду, в котором использовали увядающие красные цветы с опадающими лепестками. Кроме того, роза для древних римлян – символ недолговечности красоты, жизни, что в римской культуре определяло ее роль как погребального цветка (Ср: Розалии – церемонии, посвященные Манам – теням умерших).

Часто используемый Ф.И. Тютчевым традиционный «румяный» несет уже иную семантику. Как правило, эпитет привязан к заре, утру, весне, цветам – образам, связанным с обновлением жизни природы. Чаще всего он используется поэтом в стихотворениях, написанных в период раннего творчества, под возможным влиянием классицистической традиции: Весна «румяней стала наперекор врагу» (Зиме) («Зима недаром злится...», 1836) [6; с. 86], «Недаром, о розы, на ваших листах / Жарчею румянец...» («Cache-cache», 1828) [6; с. 52], «девственный румянец» цветов («Саконтала», 1826) [6, с. 241], «А уж восток заря румянит» («Рассвет», 1849) [6, с. 109], «румяное утро» («Песнь скандинавских воинов», 1825) [6; с. 239], «румяный свет» («нет, моего к тебе пристрастья...», 1835) [6; с. 81], «румяная волна», «девственный румянец небосклона» («Байрон», 1828 или 1829) [6, с. 268], «румяный» хорошеет майских дней («Весенние воды», 1829, нач. 1830) [6; с. 62]. «Румяный» (розовый как оттенок красного цвета) слабо связан со знаком эмоции, он, скорее, указывает на временное, реже – качественное состояние мира.

По значению с эпитетом «румяный» сопрягается «алый» в лексемах «алеть» («Восток алел», «Восток белел, ладья катилась...», 1835) [6; с. 75], «заалеть» («Струя в Босфоре заалела», «Рассвет», 1849) [6; с. 109].

В стихотворении «Восток белел. Ладья катилась...» (1835) поэт, придавая динамику мирообразу, представляет цветовую характеристику рассвета, создавая индивидуально-авторскую систему градиентов красного: «Восток белел» – «Восток алел» – «Восток вспылал» – «капли огневые» (слезы молящейся) [6; с. 75-76]. В романтическом ключе решена передача нарастания экстаза женской молитвы и разгорающейся зари. Ф.И. Тютчев, используя готовые колористические формулы, иногда выходит за пределы традиции и создает собственное метафорическое словоупотребление: «белый» – начальная стадия «красного» (алого, пылающего, огневого), – демонстрируя семантическую многоплановость цвета.

В поэтической картине мира Ф.И. Тютчева цвет важнее абриса, прописывающего контуры предметов. Цвет придает картине особую – утонченную – эмоциональность и организует мир как систему, выступая ее органичным элементом, а подчас и центром, смысловым и эмоциональным «ядром».

Пейзажная лирика Ф.И. Тютчева отличается подчеркнутым вниманием к цвету, и, как следствие, его поэтическое мироздание строится по модели хроматической гармонии, отводя ахроматическим цветам (черный, белый) дальнюю периферию. Цветовую картину мира собирает воедино лирический субъект, благодаря тому, что он наделен внутренней точкой зрения на пространство (обратная перспектива) [14; с. 31]. В связи с этим он не сторонний наблюдатель, а своеобразная точка пересечения стихийных сил природы, явленных в цвете. Отсюда и феноменальная способность лирического субъекта к прозреванию «чистых» цветов бытия: зеленого, синего, золотого, красного - и метафизика созерцания черного и белого.

Цвету в стихотворениях-пейзажах не чужда дейктическая функция: он привлекает внимание к явлению или предмету, который особо ценен для поэта (небо, гроза, морская волна, дождь) и превращает обычные явления в нечто исключительное. Но при этом Ф.И. Тютчев сохраняет важнейшую функцию цвета в своем поэтическом пейзаже – украшать мир.

Библиографический список

1. Королева Н.В. Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы. – М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 4. – С. 183–207.
2. Аглеева З.Р. Особенности колорем в составе фразем разноструктурных языков как предмет фразеологического описания // Проблемы истории, филологии, культуры: сб. науч. статей. Магнитогорск: изд-во МГТУ, 2009. - № 4 (26) [Электронный ресурс]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kolorem-v-sostave-frazem-raznostrukturnyh-yazykov-kak-predmet-frazeograficheskogo-opisaniya/viewer>(дата обращения 01.04.2020).
3. Усманова Л.А. Цветосемантика поэзии О.Э. Мандельштама // Филология и культура. – 2012. №1 (27). С. 82-87.
4. Соловьёв В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С. 105–121.
5. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. – Л.: Прибой, 1928. – С. 9–57.
6. Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. / Сост. и подгот. текста Николаева А.А. – М.: Правда, 1980. - Т.1. – 384 с.
7. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века / Г.А. Гуковский. – Л.: Художественная литература, 1938. – 313 с.
8. Серман И.З. О поэтике Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова: исследования и материалы. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1962. – 318 с.
9. Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.
10. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. И. Тютчева. Сделан по изданию: Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 448 с. (Б-ка поэта. Большая серия). [Электронный ресурс]. URL: <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/dict.html#ch> (дата обращения – 01.04. 2020).
11. Толстогузов П. Н. Лирика Ф.И. Тютчева: Поэтика жанра. – М.: «Прометей» МПГУ, 2003. – 296 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-11994.htm>
13. Пастуро М. Черный: История цвета; пер. с фр. Н. Кулиш / М. Пастуро. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 168 с.
14. Стеблин-Каменский М.И. Миф. - Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Наука», 1976. - 104 с.

References

1. Koroleva N.V. Tyutchev and Pushkin//Pushkin: Researches and materials. – М. – L.: Academy of Sciences of the USSR publishing house, 1962. – Т. 4. – Page 183-207.
2. Agleeva Z.R. Features kolory in structure frazy the raznostrukturnykh of languages as a subject of the phraseological description//Problem of history, philology, culture: сб. науч. articles. Magnitogorsk: MSTU publishing house, 2009. - No. 4 (26) [Electronic resource]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kolorem-v-sostave-frazem-raznostrukturnyh-yazykov-kak-predmet-frazeograficheskogo-opisaniya/viewer> (date of the address 01.04.2020).
3. Usmanova of L.A. Tsvetosemantik of O.E. Mandelstam's poetry//Philology and culture. – 2012. No. 1 (27). Page 82-87.
4. Solovyov V.S. Poeziya's nightingales F.I. Tyutchev //Literary criticism. – М.: Contemporary, 1990. – Page 105-121.

5. Pumpyansky L.V. Poetry F.I. Tyutcheva//Urania. Tyutchevsky almanac. 1803–1928. – L.: Surf, 1928. – Page 9-57.
6. Tyutchev F.I. Compositions: in 2 t. / Сост. and подгот. Nikolaev A.A. text. – M.: However, 1980. - Т.1. – 384 pages.
7. Gukovsky G.A. Sketches on history of the Russian literature and social thought of the XVIII century/G. A. Gukovsky. – L.: Fiction, 1938. – 313 pages.
8. Serman I.Z. About Lomonosov's poetics//Literary creativity of M.V. Lomonosov: researches and materials. – M.-L.: Academy of Sciences of the USSR publishing house, 1962. – 318 pages.
9. Farino E. Introduction to literary criticism: the manual is SPb.: RGPU publishing house of A.I. Herzen, 2004. – 639 pages.
10. Frequency dictionary concordance of word forms of language of F.I. Tyutchev. It is made according to the edition: Tyutchev F.I. Complete collection of poems / made and prepared text and примеч. А.А. Nikolaeva. – L.: Sov. writer, 1987. – 448 pages (B of the poet. Big series). [Electronic resource]. URL: <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/dict.html#ch> (date of the address – 01.04. 2020).
11. Tolstoguzov P. N. Lyric poet F.I. Tyutchev: Genre poetics. – M.: Prometheus of MPGU, 2003. – 296 pages.
12. Fasmer M. Etymological dictionary of Russian. [Electronic resource]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-11994.htm>
13. Pasturo M. Black: History of color; the lane with фп. N. Kulish / M. Pasturo. – M.: New literary review, 2017. – 168 pages.
14. Steblin-Kamensky M.I. Myth. - L.: Leningrad office of Nauka publishing house, 1976. - 104 pages.

УДК 811.161.1

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и теории
коммуникации
Расторгуева М.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +79036540423
e-mail: rast.mari@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PhD, Associate Professor
Department of foreign languages and translation
technology Associate Professor
Rastorgueva M.B.
Russia, Voronezh, tel. +79036540423
e-mail: rast.mari@mail.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и теории
коммуникации
Савицкайте Е.Р.
Россия, г. Воронеж, тел. +79507598518
e-mail: eleonor19sa@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PhD, Associate Professor
Department of foreign languages and translation
technology Associate Professor
Savickaite E.R.
Russia, Voronezh, tel. +79507598518
e-mail: eleonor19sa@mail.ru*

*МБОУ СОШ №87
заместитель директора
по учебно-воспитательной работе
Полевая Г.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +79102861703
e-mail: galka.polevaya@yandex.ru*

*Secondary school № 87
Deputy Director for educational work
Polevaya G.N.
Russia, Voronezh, tel. +79102861703
e-mail: galka.polevaya@yandex.ru*

М.Б. Расторгуева, Е.Р. Савицкайте, Г.Н. Полевая

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. РУБИНОЙ «ЖЕЛТУХИН»)

В статье на примере лексики романа «Желтухин», входящего в трилогию Д. Рубиной «Русская канарейка», рассматриваются имена собственные, выделенные авторами статьи методом сплошной выборки. Научная новизна материала заключается в обращении к произведениям современного, ныне живущего, автора - Д. Рубиной, являющемуся представителем двух стран и двух эпох. Основная цель настоящей работы заключается в рассмотрении имен собственных в контексте повествования и их роль в формировании различных образов трилогии. В результате анализа блока «имена собственные» романа лексические единицы были распределены по следующим группам: трехчастные антропонимы (имена, отчества, фамилии людей, включая варианты их употребления); прозвища, созданные автором по ассоциативному принципу; названия предметов; зоонимы; онимы историко-культурного фона (названия произведений искусства и литературы и реалий, связанных с ними; названия политических реалий, брендов, телепередач, праздников и др.); топонимы (урбанонимы, оронимы, ойконимы, гидронимы, хоронимы, годонимы, дромонимы). Анализ распределенных по 14 тематическим группам ономастических единиц (всего 613 онима) позволяет сделать вывод о преобладании в романе Д. Рубиной «Желтухин» антропонимов, что объясняется антропоцентризмом современной литературы; онимы культурно-исторического фона помогают читателю проникнуться веяниями изображаемой автором эпохи соответствующего исторического периода. Статья является продолжением исследования лексического наполнения трилогии Д. Рубиной «Русская канарейка».

Ключевые слова: имена собственные, тематические группы лексики, тематические подгруппы имен собственных, топонимы, лексика современной российской прозы.

M.B. Rastorgueva, E.R. Savickaite, G.N. Poleyaya

ON THE USE OF PROPER NAMES IN WORKS OF MODERN PROSE (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY D. RUBINA «ZHELTUKHIN»)

Using the example of the vocabulary of the novel "Zheltukhin", which is part of D. Rubina's trilogy "Russian Canary", the article examines proper names, selected by the method of continuous sampling. The scientific novelty of the material lies in the appeal to the works of a modern, living, author - D. Rubina, who is a representative of two countries and two eras. The main goal of this work is to consider proper names in the context of the narrative and their role in the formation of various images of the trilogy. As a result of the analysis of the block "proper names" of the novel, the lexical units were distributed into the following groups: three-part anthroponyms (names, patronymics, surnames of people, including variants of their use), nicknames created by the author on an associative basis, names of objects, zoonyms, onyms of the historical and cultural background (names of works of art and literature and the realities associated with them, names of political realities, brands, TV shows, holidays, etc.), toponyms (urbanonyms, oronyms, oikonoms, hydronyms, horonyms, godonyms, dromonyms). The analysis of the onomastic units distributed over 14 thematic groups (662 onyms in total) allows us to conclude that anthroponyms prevail in D. Rubina's novel "Zheltukhin", which is explained by the anthropocentrism of modern literature; onyms of the cultural and historical background help the reader to feel the influences of the era depicted by the author of the corresponding historical period. The article is a continuation of the study of the lexical content of D. Rubina's trilogy "Russian Canary".

Key words: proper names, thematic groups of vocabulary, thematic subgroups of proper names, toponyms, vocabulary of modern Russian prose.

Имена собственные – это особая категория в творчестве каждого автора, воплощающая в себе особенности формирования как общей структуры художественного произведения, так и художественных образов. К именам собственным относят имена существительные, обозначающие слова (как вариант, словосочетания), предназначенные для именованья конкретного предмета, явления или живого существа, выделяющие эту лексему из ряда однотипных им; именам собственным противопоставляются имена нарицательные [1].

Изучению имен собственных посвящено достаточное количество работ филологического профиля. Так, хотелось бы отметить исследования Н.В. Подольской [2] А.В. Суперанской [3], Э.Б. Магазаник [4], В.Н. Михайлова [5], Н.В. Васильевой [6], В.И. Супруна [7], В.М. Калининкина [8], Г.Ф. Ковалева [9], Эльвии Ваффа Хидир Мохаммед Али [10], О.В. Старковой [11], М.Б. Расторгуевой [11, 12] и др.

Объект исследования – онимы романа «Желтухин» Д. Рубиной. Предмет исследования – специфика данного лексического пласта. Научная новизна материала состоит в том, что впервые анализ имен собственных проводится на материале лексических единиц романа «Желтухин», входящего в трилогию Д. Рубиной «Русская канарейка».

К понятию «оним» в филологии относят «слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации; в том числе антропоним, топоним, зооним, фитоним, анемоним, хромоним, астроним, космоним, теоним, идеоним, хрематоним, которые составляют различные разряды омонимов» [12; с. 95].

В ходе исследования для анализа материала использовались следующие методы: метод сплошной выборки, статистический метод, метод сравнительного анализа, методы наблюдения и описания.

Малоизученность лексической составляющей произведений прозы современного периода и важность ее всестороннего изучения для анализа состояния русского языка на современном этапе определяют *актуальность исследования*.

Основная цель настоящей работы заключается в рассмотрении имен собственных в контексте повествования и их роль в формировании различных образов трилогии.

Данная цель предполагает решение ряда *задач*:

- всестороннее рассмотрение онимов, выявленных при анализе лексики произведения;
- распределение их по тематическим группам и подгруппам;
- итоговый сбор статистических данных, выявление наиболее наполненных тематических групп (подгрупп);
- анализ выявленных лексических единиц с точки зрения культурно-исторического аспекта.

Как известно, к именам собственным относятся имена богов, имена и прозвища людей, клички животных (зоонимы), различные географические названия (топонимы) и многие другие названия. Группа топонимов имеет подгруппы. Это гидронимы (названия рек и озер), ойконимы (названия населенных мест), годонимы (названия улиц), урбанонимы (названия городских объектов), агоронимы (названия площадей), оронимы (названия гор), дромонимы (названия путей сообщения), микротопонимы (названия небольших незаселенных объектов), хоронимы (названия административных единиц, стран) [3].

В соответствии с приведенной классификацией в романе Д. Рубиной «Желтухин» нами были выделены следующие группы имен собственных:

- антропонимы;
- топонимы (урбанонимы, годонимы, ойконимы, гидронимы, хоронимы, оронимы, дромонимы);
- прозвища;
- культурно-исторический фон (названия произведений искусства и литературы и реалий, связанных с ними названия предметов, праздников, политических реалий, брендов, молитв, телепередач, фотовыставок, войн, фронтов и армий, спортклубов);
- зоонимы.

В тексте всего обнаружено 613 лексические единицы, представленных разнообразным по значимости материалом – антропонимами персонажей и фоновыми онимами.

Группа «Антропонимы» включает 198 лексических единиц – *Илья (вариант – Илюша), Николай, Ариадна Арнольдовна фон Шнеллер, Гитлер, Лемешев, Роза* и др. Например, «*Со временем Роза смягчилась, и раз в две недели, в пятницу они перезванивались, договариваясь встретиться в городе: тетка забирала ребенка к себе на субботу и воскресенье*» [13; с. 250].

Данная группа представлена полными личными именами (например, *Ефим, Лидия, Владислава* и др.), личными именами сокращенными (например, *Владка, Маруся, Лида* и др.), личными именами уменьшительно-ласкательными (например, *Розочка, Ируся, Булатик* и др.), личными именами, переименованными на иной лад (например, *Герц Соломонович превратился в Гаврилу Оскаровича* и др.); сочетанием имени и отчества (например, *Дора Моисеевна, Полина Эрнестиновна, Гаврила Оскарович*); сочетанием имени, отчества и фамилии (например, *Ариадна Арнольдовна фон Шнеллер, Николай Константинович Каблуков* (фамилия, ни в какой мере не имеющая отношения к подкаблучникам и прочим понятиям из подобного синонимического ряда - «... самым дальним его предком был цыган с тройной фамилией Прохоров-Марьян-Серегин – видать, двойной ему казалось мало. А Каблуков... да бог знает, откуда она вязала, немудреная эта фамилия» [13; с. 16] и др.), сочетанием имени и фамилии (например, *Леон Этингер, Моисей Моранц* и др.).

Группа «Прозвища» представлена 26 единицами – *Барышня, Зверолов, Ванильный Дед, Большой Этингер, Кенар руси (вариант – Кенарь)* и др. Например, «*После чего великанские пальцы Зверолова пускались в замысловатый танец, выплетая глубокие корзины*» [13; с. 18].

Хотелось бы отметить, что прозвища героев романа «Желтухин» выявляют род занятий (например, *Ванильный Дед – продавец ванилина, Зверолов*), особенности внешности

(например, *Большой Этингер, Васька Буслаев*), особенности поведения (например, *Глухая, Барышня*), схожесть с литературным персонажем (например, *Лорелея*). Некоторые прозвища – разнообразные интерпретации по типу аббревиатур (например, *Дормосевна* (своеобразная интерпретация Доры Моисеевны), *Силыч* (от слова «Сила!» как комментарий ко всему, что производит впечатление), которые образуются путем усечения и слияния имен и отчеств, а также усечением отчеств.

Группа «Зоонимы» представлена 5 лексическими единицами: *Желтухин Первый, Желтухин Второй, Желтухин, Желтухин Третий, Дикий Крушитель*. Все лексические единицы этой группы связаны с прозвищами канареек – большого увлечения не одного поколения мужчин семьи Каблуковых. Например, «*Все дело в том. Что Желтухин Второй был – в отличие от остальных зеленых канареек овсянистого напева – желтым и ослепительно гениальным*» [13; с. 22]. Желтухиными называли всех канареек, которые были любимцами мужской части семьи, ко всем прозвищам в качестве приложения шли их порядковые номера (ранжирование по очередности появления в качестве домашнего любимца вызывает ассоциацию с царскими и королевскими династиями). Можно предположить, что прозвище канареек *Желтухин*, давшее название первому роману трилогии, в котором автором описывается история семейных кланов пары главных героев трилогии Леона и Айи, их рождение и становление как личностей в рамках особенностей быта и семейных традиций, часто – семейных легенд и тайн, возникает в связи с тем, что окрас канареек желтый, тем не менее, оно ассоциативно связано со словами «желток», «зародыш», то, что дает в дальнейшем новую жизнь.

Группа «Культурно-исторический фон» представлена 138 лексическими единицами. В данной группе были выделены такие подгруппы, как:

- подгруппа «Названия произведений искусства и литературы и реалий, связанных с ними» представлена 49 лексическими единицами – «*Полонез*», «*Русская канарейка*», «*Двенадцатая ночь*», «*Трансвааль, любовь моя*», «*Карта Святой земли*» и др. Например, «*Уверял, что в древней Элладе (они как раз вечерами читали «Легенды и мифы Древней Греции») на олимпиадах был такой вид соревнований*» [13; с. 31].

Лексика данной тематической группы имеет свои особенности, которые в основном, предположительно, связаны с историей семьи Этингеров, музыкально одаренные поколения которых не представляли свою жизнь без музыки в принципе.

В рамках данной группы были отмечены названия классических музыкальных произведений (например, *Третья соната Бетховена, Четырнадцатый этюд Шопена, Тридцать вторая соната Бетховена* и др.), различных музыкальных произведений разного плана и времени создания (например, «*Стаканчики граненые*», «*На сопках Маньчжурии*», «*Амурские волны*» и др.), литературных произведений (например, «*Сказки народов Востока*», «*25 уроков фотографии*», «*Легенды и мифы древней Греции*» и др.), художественных произведений конфессиональной направленности (например, *Библия, Коран, Пармский Псалтырь XIII века*), картин (например, «*Восход над распятым Иисусом Христом*», «*Похищение Европы*»).

- подгруппа «Фамилии реальных исторических лиц» (45 лексических единиц), которые связаны с миром музыки (например, *Бах, Бетховен, Рахманинов*), литературы (например, *Шекспир, Чехов, Мериме*), политические деятели (например, *Котовский, Сталин, Ришелье*), с миром мод (например, *Коко Шанель*), с миром живописи (например, *Рембрант*) и знаменитых путешественников (например, *Колумб*). Например, «*И она подлетела к фортепьяно, откинула крышку, замерла на миг, по-стрекозьи перебирая пальцами ванильный, коричневый, кардамоновый воздух, - и заиграла «Музыкальный момент» Шуберта*» [13; с. 101].

- подгруппа «Названия предметов» представлена 2 лексическими единицами: *швейная машинка «Зингер», рояль «Братья Дидерихс*». Например, «*В назначенный день, незадолго до завтрака, на квартиру к Полине Эрнестиновне посылался дворничий сын Сергей, и оттуда,*

со швейной машинкой «Зингер» на спине, отдуваясь и тихо себе под нос матерясь, он отбыл до квартиры Этингеров» [13; с. 71];

- подгруппа «Название праздников» представлена 3 лексическими единицами, например, *Пасха, Великий четверг, Благовещение*. Все лексические единицы этой группы связаны с христианскими праздниками. Например, *«Помимо самой ванны, в ее уголья попало окно с витражом: красная морская звезда, застрявшая в морских водорослях; в окно это Лида влюбилась и мыла-протирала чуть не каждую неделю, даже на Пасху...» [13; с. 141-142];*

- подгруппа «Название политических реалий» представлена 9 лексическими единицами - *Добровольческая армия, ЦК РСДРП (б), ВЧК, Гилянская советская республика, Совнарком, ЦДРИ, СМЕРШ, «Советская Украина», «Молдова»*. Все лексические единицы этой группы связаны с определенным историческим этапом в жизни бывшей Царской, а затем Советской России. Например, *«Но главное, там, в ВЧК, Блюмкин создал новый отдел – иностранный, внешней разведки, по сути – первую советскую шпионскую сеть за границей...» [13; с. 135];*

- подгруппа «Название брендов» представлена 16 лексическими единицами – *«Рено», «Австрийский Ллойд», «Хассельблад», «Жигули», «Красная Москва»* и др. Например, *«Когда у дверей отеля (...) рванул и пыхнул огнем неприметный «Рено», старая дама просто выскользнула наружу...» [13; с. 11-12];*

- подгруппа «Название телепередач, фотовыставок» представлена 4 лексическими единицами - *«В мире животных», «Человек Азии», «Ветер апортовых садов», «Голос старых вещей»*. Например, *«Первый цикл ее рассказов (как она сама именовала свои снимки) назывался «Ветер в апортовых садах» [13; с. 229];*

- подгруппа «Название войн, фронтов и армий» представлена 8 лексическими единицами - *Финская, Отечественная, Гражданская, Крымская кампания, Западный фронт, Калининский фронт, Советская армия, Первая мировая (война)*. Например, *«За два месяца, проведенных на Западном и Калининском фронтах, они проехали с бригадой тысячи километров и дали чуть не двести концертов» [13; с. 180];*

- подгруппа «Название молитв» представлена 1 лексической единицей: *«Отче наш»*. Например, *«Отче наш» во сне отбарабаню» [13; с. 68];*

- подгруппа «Название спортклубов» представлена 1 лексической единицей: *«Спартак»*. Например, *«Один играл ныне в столичном «Спартаке», другой... впрочем, на летопись жития другого у Ильи просто не хватало терпения» [13; с. 216].*

Группа топонимов представлена 245 лексическими единицами. В данной группе были выделены такие подгруппы, как:

- ойконимов (59 лексических единиц) – названия населенных мест: *Прага, Харьков, Полотняный завод, Москва, Семипалатинск* и др.; например, *«Но место в оркестре знаменитого Оперного театра города Одессы Гаврилы Оскарович получил в свое время вовсе не как тенор, а как – поклон папаше-кантонисту – незаурядный кларнетист» [132; с. 216];*

- оронимов (5 лексических единиц) – названия гор: *Алатау, Алматинское ущелье, Кок-Тюбе, Иудейские горы, гора Скопус*; например, *«Она лежала в третьей палате отделения внутренних болезней больницы «Адасса», что на горе Скопус, - подключенная к капельнице, с кислородной трубкой в носу» [13; с. 467];*

- гидронимов (19 лексических единиц) – названия рек и озер: *Влтава, Большая Алматинка, Салар, Куяльницкий лиман, Красное море* и др.; например, *«Дальше тянулся парк на Кампе – и близость реки, гудки пароходов, запах травы, проросшей между камнями брусчатки, а также разноколиберные дружелюбные собаки, спущенные хозяевами с поводков, сообщали всей округе то ленивое, испуганно пражское выражение...» [13; с. 11];*

- годонимов (47 лексических единиц) – названия улиц: *Мала-Страна, улица Каблукова, проспект Ленина, Красный переулок, Молдаванка* и др.; например, *«Тот жил в татарке, неподалеку от Малой Станицы – некогда старой казачьей окраины» [13; с. 41];*

- урбанонимов (70 лексических единиц) – названия городских объектов: *собор Святого*

Микулаша, кофейня Либермана, больница «Бармхерциге Брюдер», Аркадия, Александровский парк и др.; например, «Место: собор Святого Микулаша на Мала-Страна» [13; с. 12];

- дромонимов (2 лексические единицы) – названия путей сообщения, например, *станция «Одесса-Товарная», Турксиб*; например, «Он и строил, конечно, – Турксиб, например, и, вероятно, много чего еще» [13; с. 48];

- хоронимов (44 лексические единицы) - названия административных единиц, стран, например, *Кипр, Российская империя, Подолье, Германия, Сибирь* и др.; например, «Надо в Палестину ехать» [13; с. 452].

Частотность употребления групп имен собственных романа «Желтухин» представлено в таблице.

Частотность употребления групп имен собственных романа «Желтухин»

№ п/п	Классификационные группы (подгруппы) имен собственных	Количество лексических единиц
1	топонимы	246
1.1	урбанонимы	70
1.2	гидронимы	47
1.3	ойконимы	59
1.4	гидронимы	19
1.5	хоронимы	44
1.6	оронимы	5
1.7	дромонимы	2
2	атропонимы	198
3	культурно-исторический фон	138
3.1	названия произведений искусства и литературы и реалий, связанных с ними	49
3.2	фамилии реальных исторических лиц	45
3.3	названия предметов	2
3.4	названия праздников	3
3.5	названия политических реалий	9
3.6	названия брендов	16
3.7	названия телепередач, фотовыставок	4
3.8	названия войн, фронтов и армий	8
3.9	названия молитв	1
3.10	названия спортклубов	1
4	прозвища	26
5	зоонимы	5

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- имена собственные представлены в романе Д. Рубиной «Желтухин» разными разрядами,
- наибольшим количеством единиц представлена группа «Топонимы» (246), наименьшим – группы «Зоонимы» (5), тем не менее, наиболее важными для понимания романа являются последние, о чем свидетельствует использование прозвища *Желтухин* в абсолютно сильной позиции – в названии романа;
- онимы культурно-исторического фона дают возможность читателю проникнуться веяниями изображаемого исторического периода.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцева В.Н., М: Советская энциклопедия, Институт языкознания АН СССР, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения 16.04.2019)
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1978. 199 с.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Отв. ред. д-р филол. наук А. А. Реформатский; Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1973. 368 с.
4. Магазаник Э.Б. Роль антропонима в построении художественного текста // Ономастика. Москва, 1969. 261 с.
5. Михайлов В.Н. Специфика имен собственных в художественном тексте /// Филологические науки. Москва. 1987. №6. С. 79-82.
6. Васильева Н.В. Литературная ономастика: традиционное и новое // Вопросы ономастики. Москва. 2019. Т. 16. С. 125-132.
7. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно- эстетический потенциал. Волгоград: Перемена. 2000. 171 с.
8. Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк, 1999. 408 с.
9. Ковалев Г.Ф. Литературная ономастика глазами литературоведов // Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность. Воронеж: ВГУ, 2019. С. 213–225.
10. Эльвия Ваффа Хидир Мохаммед Али. Интерпретации имен собственных как один из способов выражения основ мироздания личности (по материалам романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018, № 8-1 (86). С. 203–206.
11. Расторгуева М.Б., Старкова О.В. Географическая картина мира в лексическом эквиваленте как отражение воплощения художественных образов героев произведений (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин»). // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж: ВГТУ, 2019, № 3 (43). С. 105–117.
12. Расторгуева М.Б. Топонимы как лексическая составляющая формирования образа картины мира (на примере романа Д. Рубиной «Желтухин»). // Вестник славянских культур. Москва: ФГБОУ УВО «Московский государственный университет дизайна и технологий», 2020, № 56. С. 179 – 186.
13. Рубина Дина. Желтухин. М.: Эксмо, 2014. 480 с.

References

1. Linguistic encyclopedia / ed. Yartseva V. N., M: Soviet encyclopedia, Institute of linguistics of the USSR Academy of Sciences, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (accessed 16.04.2019)

2. Podolskaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology. Institute of linguistics of the USSR Academy of Sciences, Moscow: Nauka, 1978, 199 p.
3. Superanskaya A.V. General theory of proper names. ed. Dr. Philol. A. A. Reformatsky, Institute of linguistics of the USSR Academy of Sciences, Moscow: Nauka, 1973, 368 p.
4. Magazanik E. B. The role of the anthroponym in the construction of a literary text // Onomatology. Moscow, 1969. 261 p.
5. Mikhailov V. N. Specificity of proper names in a literary text /// Philological science. Moscow. 1987. No. 6. Pp. 79-82.
6. Vasilieva N. V. Literary onomastics: traditional and new // Questions about onomastics. Moscow. 2019. Vol. 16. Pp. 125-132.
7. Suprun V. I. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential. Volgograd: Change. 2000. 171 p.
8. Kalinkin V. M. Poetics of the onim. Donetsk, 1999. 408 p.
9. Kovalev G. F. Literary onomastics through the eyes of literary critics // Voronezh philological school: history, traditions, modernity. Voronezh: VSU, 2019. Pp. 213-225.
10. Elvia Waffa Hidir Mohammed Ali. Interpretation of proper names as one of the ways to Express the foundations of the universe of personality (based on the novel by D. Rubina " on the Sunny side of the street») // Philological science. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2018, No. 8-1 (86). Pp. 203-206.
11. Rastorgueva M. B., Starkova O. V. Geographic picture of the world in the lexical equivalent as a reflection of the implementation of artistic images of heroes of works (by the example of roman D. Rubina "Zheltukhin") // Modern linguistic and methodological-didactic research. Voronezh: VSTU, 2019, no. 3 (43). Pp. 105-117.
12. Rastorgueva M. B. Toponyms as a lexical component of the formation of the image of a picture of the world (on the example of the novel by D. Rubina "Zheltukhin"). // Bulletin of Slavic cultures. Moscow: Moscow state University of design and technology, 2020, no. 56, Pp. 179-186.
13. Rubina Dina. Zheltukhin, Moscow: Eksmo, 2014. 480 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.161.1

Тольяттинский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
литературы и лингвокриминалистики
Паршина О.Д.
Россия, г. Тольятти, тел. +7 (917) 823-19-27
e-mail: parshinaod@mail.ru

Togliatti State University
The chair of Russian language, literature and
linguacriminalistics
PhD, associate professor
Parshina O.D.
Russia, Togliatti, tel. +7 (917) 823-19-27
e-mail: parshinaod@mail.ru

О.Д. Паршина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН «ПРИРАСТАТЬ ПРОВИНЦИЕЙ»: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье рассмотрены семантико-прагматические особенности precedentного феномена *прирастать провинцией*. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью комплексного описания функционально-семантического поля *провинции*, конститuentы которого репрезентируют не только отрицательные, но и положительные коннотации. Precedentный феномен *прирастать провинцией* образован в результате трансформации исходного текста, принадлежащего М.В. Ломоносову. Характер трансформации основан на модели, которая диалектически объединяет алгоритм восприятия precedentного текста, заданный семантикой глагола *прирастать*, и инварианты его восприятия, обусловленные реализацией пространственных и казуальных связей, представленных тремя метонимическими моделями изменения значения лексемы *провинция*. Описаны сферы функционирования precedentного феномена, среди которых наиболее актуальной является публицистическая, представленная федеральными и региональными средствами массовой информации. Установлено, что анализируемое сочетание *прирастать провинцией* реализует функцию текстовой редукции, что демонстрирует его способность к аккумуляции лингвокультурной информации. Подобная редукция проявляется в способности замещать сильные внутритекстовые позиции в качестве заголовочного комплекса, инициального и завершающего компонентов текста. По характеру тематической направленности текстов, в которых функционирует анализируемый феномен, выявлено, что наиболее актуальными являются тексты культурной, экономической и политической направленности. Рассмотрена сочетаемость феномена в качестве грамматического предиката с нарицательными и собственными именами существительными. Проведенный анализ позволяет поставить вопрос о необходимости комплексного лингвистического описания precedentного феномена *прирастать провинцией*, что может представлять ценность для современной лексикографической практики, а также для описания функционально-семантического поля *провинции* в современном русском дискурсе.

Ключевые слова: лексема «провинция», семантика, precedentность, precedentный феномен, рекурсия, лингвокультурология.

O.D. Parshina

THE PRECEDENT PHENOMENON «THE GROWTH UP DUE TO A PROVINCE»: THE ISSUE POSING

The article deals with semantic and pragmatic features of the precedent phenomenon «the growth up due to a province». The urgency and the relevance of the chosen topic are caused by necessity for the complex description of a functional-semantic «province» field including both the negative and positive connotations. The precedent phenome-

non«the growth up due to a province» was formed due to some transformations of the source text belonging to M.V. Lomonosov. The character of the transformation is based on the model that dialectically integrates the algorithm of the precedent text perception based on the semantics of the verb «to grow», and the invariants of its perception caused by the spatial and causal relations represented by three metonymic models for changing the value of the «province» lexeme. The spheres of the precedent phenomenon are described including the publicist phenomenon known as being the most relevant and represented by federal and regional mass media. It has been turned out that the analyzed words combination of «the growth up due to a province» implements the text reduction function represented by its ability to accumulate ethno-cultural information. Such reduction claims to replace strong intra-text positions as the header complex and both the initial and final components of the text. According to the texts' topics those ones dealing with cultural, economic and political issues are known as being the most relevant. The compatibility of the phenomenon as a grammatical predicate with nouns and proper nouns has been studied and considered. The analysis allows scientists posing the issue for the complex linguistic description of the precedent phenomenon «the growth up due to a province» necessity. The study is considered as being relevant and valuable for modern lexicographical practice, as well as for the complex designing and semantic field «province» consideration in modern Russian discourse.

Key words: lexeme «province», semantics, precedence, precedent phenomenon, recursion, cultural linguistics.

Интерес к феномену русской провинции, проявившийся в современном гуманитарном знании на рубеже XX-XXI веков, обусловлен включением жизни россиян в процессы глобализации, охватившие весь мир. Поиск новой опоры в определении национальной и культурной идентичности актуализирует интерес к провинции как пространству, на котором существуют исконные традиции жизни русского этноса.

Многие исследователи отмечают, что в семантическом отношении лексема *провинция*, с одной стороны, имеет давнюю традицию лексикографического описания (в частности, укажем нашу статью, посвященную интегральному описанию слова *провинция* [1]), а с другой – обладает значительным количеством отрицательных коннотаций [2, с. 70]. Н. Ф. Алефиренко указывает на то, что отрицательная оценка провинции начинает складываться в произведениях писателей XIX-XX веков Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, А. Платонова, Ф. Сологуба, которые воспринимали ее как инертную, враждебную социальному прогрессу, духовно дремлющую [3, с. 126].

В конце XX – начале XXI вв., как отмечают В. Г. Глушкова и А. В. Полонский, фиксируется «интенсивный компенсационный рост маркированной этнокультурной традицией и опытом жизни провинциального человека духовно-нравственного ресурса общества», что в свою очередь противостоит духовной деформации и актуализирует культурно-историческую память и ретроспективную рефлексию в художественной литературе, публицистике, научной теории [4, с. 91].

Изучение конститuentов функционально-семантического поля *провинции* значимо для русского дискурса и теоретически, и в прикладном лексикографическом аспекте. Представляется интересным рассмотреть активно функционирующий в русском языке прецедентный феномен (ПФ) *прирастать провинцией*, который актуализирует положительные коннотации. Цель статьи – описать семантико-прагматическую специфику сочетания *прирастать провинцией* – влечет за собой решение следующих задач: выполнить на основании анализа интернет-источников выборку языкового материала, охарактеризовать специфику прецедентного феномена и его происхождение; обозначить тематические сферы его бытования; рассмотреть его функциональные особенности. Данная работа сориентирована на методологию комплексного подхода к рассмотрению прецедентного феномена в рамках структурно-семантического метода с использованием приёмов описания, обобщения и классификации языковых данных [5, с. 60].

Для отбора языкового материала были использованы интернет-ресурсы. В Национальном корпусе русского языка сочетание *прирастать провинцией* представлено только одним вхождением. Поэтому отбор материала осуществлялся в поисковых системах. В результате поиска, осуществленного по заданным параметрам, в сервисе «Гугл» было получено 276 ре-

зультатов, в «Яндекс» – 323 результата. После исключения повторяющихся материалов методом сплошной выборки было отобрано 180 примеров функционирования словосочетания.

Первая фиксация на основании данных поисковых систем «Гугл» и «Яндекс» относится к 1996 году: «Ныне, перефразируя Ломоносова, полагают, что Россия *прирастать провинцией будет*... Провинция начинает приобретать некие экономические рычаги с тем, чтобы можно было более самостоятельно воздействовать на все те процессы, которые развиваются в связи с жизнедеятельностью населения» (С. Шаталин. О российской провинции. Моя газета, 02.10.1996, <http://www.newlookmedia.ru/?p=16525>).

ПФ *прирастать провинцией* восходит к известному высказыванию М. В. Ломоносова «российское могущество *прирастать будет Сибирью и Северным океаном* и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке». Этой фразой завершается письмо «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», в котором М.В. Ломоносов обосновывает необходимость морского пути от Архангельском до побережья Тихого океана [6].

Фраза Ломоносова может быть отнесена к прецедентным текстам, известным представителям того или иного лингвокультурного сообщества в соответствии с классификацией, предложенной В. В. Красных. Прецедентный текст (ПТ) в семантическом отношении обладает смыслом, который не равен сумме значений компонентов. В когнитивной базе носителей языка такой текст представлен некоторой совокупностью минимизированных и национально-детерминированных представлений о ПТ [7, с. 68].

Понимание ПТ, у истоков которого стоял Ю.Н. Караулов, основано на рассмотрении такого рода феноменов как актуальных для языковой картины мира носителей языка. В национальном дискурсе апелляция к ним постоянно возобновляется [8].

Сегодня ученые говорят о прецедентных феноменах, прецедентных текстах, аллюзиях, лингвокультурах, логоэпистемах и других понятиях. В целом, по мнению А. А. Косаревой, все эти термины обозначают одно и то же явление – «единицу осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму одного языка с помощью культурной памяти, единицу культурного знания» [9, с. 219]. В данной статье будет использоваться термин «прецедентный феномен» (ПФ), поскольку он охватывает широкий ряд изменений исходного прецедентного текста.

Итак, прецедентный феномен *прирастать провинцией* представляет собой трансформант рассмотренного выше ПТ, в котором глагол *прирастать* представлен в переносном значении ‘увеличиваться в количестве, множиться’ [10, с. 420]. В высказывании М. В. Ломоносова глагол реализует это значение, сообщая ПТ семантику ‘могущество Российской империи будет увеличиваться через присоединение территорий Сибири и Северного Ледовитого океана’.

В отобранном языковом материале исходный ПТ подвергается компрессии с заменой топонимов *Сибирь* и *Северный океан* лексемой *провинция*. Надо отметить, что в XVIII-XIX вв. лексема *провинция* функционировала в значениях, которые не могли обеспечить реализацию подобной замены, о чем убедительно говорит Л.О. Зайонц [2].

Замена компонента является наиболее распространенным типом логической операции, в результате которой осуществляется формальная и семантическая трансформация ПТ. В рассматриваемом случае имеет место семантическая трансформация, представляющая собой замену слова ПТ близким по значению словом на основе гипо-гиперонимических отношений [11, с.127].

По характеру включения в текст ПФ *прирастать провинцией* можно выделить два способа.

1. Включение ПФ в один контекст, раскрывающий происхождение феномена, – 43 случая.

(1) «М. В. Ломоносов говорил, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...». Но не только этим. Для меня очевидно, что экономического подъема России ... нельзя достичь без развития мелкого и среднего бизнеса в регионах... Могущество России должно *прирастать провинцией!*» (А. Конопляник. Малотоннажный СПГ: новый game-changer? Газинформ, 2018, №4, <https://clck.ru/МСnpH>).

(2) «Россия будет прирастать Сибирью? Так вот, сейчас я бы хотел немножко *перепфразировать гения*: богатство России станет *прирастать провинцией*. После крушения Союза именно она, на мой взгляд, стала опорой и надеждой нашего государства» (Г. Пискарев. Избранное, 2015, <https://clck.ru/MDbz7>).

Наиболее частотным является указание на автора ПТ прямо (пример 1), косвенные номинации: *гений, ученый, известный деятель* и т.д. – представлены реже (пример 2).

2. Самостоятельное функционирование ПФ без этимологического комментария – 137 примеров.

(3) «Дыхание России всегда *будет прирастать провинцией*. Когда на столах столичных чиновников замаячат провинциалы Бунины и Чеховы – тогда и дела пойдут» (В. Конецкий, Разгильдьяй Грант, 1999, <https://clck.ru/МСnxH>).

(4) «Саранск приобрел статус столицы республики. Сперва война, потом реабилитация, и только после он начал по-настоящему *прирастать провинцией*. А кто же приехал туда? Молодежь, знавшая, почём палочка адского трудодня в колхозе» (В. Липилин. Таблетка тихого счастья, 2015, <https://www.proza.ru/2015/08/31/618>).

(5) «Кризис в очередной раз сделал актуальной мысль о том, что «Россия должна *прирастать провинцией*». Для интенсивного и устойчивого посткризисного развития уже недостаточно одной «вертикали власти» – она теперь вынуждена и должна опираться на разветвленную систему муниципальных образований» (Самолет, 09.06.2010, <https://samolet.media/posts/365>).

(6) «Одна из премий была отдана провинциальному театру – Воронежскому – за спектакль «Две маленькие пьесы». Режиссер включил в свое детище пьесы модного грузинского драматурга Лаши Бугадзе и начинающих братьев Дурненковых из Тольятти. Так что, судя по всему «Новая драма», как и весь российский театр в ближайшем будущем *будет «прирастать» провинцией*. ...» (П. Подкладов. О Кислороде, сладких пряниках и маме с дочкой, проживающих в одном теле, 03.10.2003, <https://www.newsinfo.ru/articles/2003-10-03/item/518419>).

Следует отметить, что оформление с помощью кавычек не является распространенным (пример 3, 4). Кавычки в этом случае позволяют автору показать либо границы предполагаемой цитации, либо продемонстрировать актуализацию смысла, не соответствующего значению употребленного им слова или словосочетания в языке [12, с. 205].

Заметим, что ПФ *прирастать провинцией* в примере 4 реализует эффект Дросте, представляющий собой проявление общего рекурсивного изображения, включающего в себя собственную уменьшенную версию. По мнению М.А. Зайченко и Е.Л. Яковлевой, подобное «умножение культурного текста с помощью зеркала приводит к ситуации множественности значений, что обусловлено семантикой самого зеркала» [13, с. 61].

Для описания механизма трансформации прецедентного текста обратимся к модели восприятия ТП, предложенной В.В. Красных. Исследовательница разделяет алгоритм восприятия текста и инварианты его восприятия, которые находятся в отношениях двунаправленной зависимости. Алгоритм, заданный глаголом *прирастать* в ПТ, репрезентируется семами 'увеличиваться в количестве, множиться'.

Трансформант *прирастать провинцией*, войдя в когнитивную базу носителей языка, задает систему оценок как образец восприятия текста вообще. Другими словами, предопределяет алгоритм восприятия [7, с. 76].

Замена собственно топонима *Сибирь*, который можно рассмотреть в качестве гипонима к гиперониму *провинция* со значением 'местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупного культурного центра, города' [10, с. 665], приводит к изменению референциального значения. Характер трансформации ПТ обусловлен и изменением семантики лексемы *провинция*, представляющим собой метонимический перенос на основании ассоциативной смежности, соотнесенности, то есть на основании пространственных и казуальных связей по следующим основаниям [14, с. 14]:

- 'территория, удаленная от центра / столицы → люди, живущие на этой территории':

(7) «Наиболее неожиданно выглядят актерские призы. Не найдя достойных претендентов среди отечественных звезд, жюри отдало награды мало кому известным театральным актерам нестоличных театров. Что ж, настало время российскому кинематографу *прирастать провинцией*» (А. Солнцева. *Время*, 18.06.2003, <http://www.vremya.ru/print/73043.html>).

- 'территория, удаленная от центра / столицы → произведения / тексты, созданные на этой территории':

(8) «Дыхание России всегда будет *прирастать провинцией*. Когда на столах столичных чиновников замаячат провинциалы Бунины и Чеховы – тогда и дела пойдут» (В. Конечкий, Разгильдьяй Грант, 1999, <http://www.baltkon.ru/about/works/detail.php?ID=323>).

- 'территория, удаленная от центра / столицы → процессы / действия, осуществляемые на этой территории':

(9) «Пик развития экономики России смещается в регионы, и отрасль инфокоммуникаций как ее существенная часть тоже *прирастает провинцией*» (Драйвер – это мы! ИКС МЕДИА, 23.10.2008, <http://iksgroup.ru/articles/2386725-Drajver-eto.html>).

Нужно отметить, что в отобранном лингвистическом материале также выявлено два типа замен, которые полагаем возможным отнести к трансформации именно прецедентного феномена *прирастать провинцией*. Это обусловлено и семантическими особенностями (представлены «метонимические модели», в терминологии В.П. Москвина, описанные выше) и прагматическими факторами. Подобные замены с большой степенью частности представлены в заголовочных комплексах, названиях различных мероприятий, выставок и т.п.

1. Замена топонимическими номинациями (пример 10).

(10) «Российская наука будет *прирастать Уралом*

Соответствуют ли системы среднего профессионального и высшего образования требованиям экономики, ожиданиям государства и общества? Эти вопросы рассмотрели участники заседания президиума Госсовета и Совета при Президенте по науке и образованию, которое провел Президент РФ Владимир Путин» (Уральский рабочий, 12.02.2020, № 04, <https://clck.ru/MGj22>).

2. Замена нарицательными именами существительными (примеры 11, 12).

(11) «Москва *прирастает аквапарками*

Аквапарк площадью около 6 тыс. кв. м с открытым бассейном на крыше появится в центре столицы, пишет «Интерфакс» (CRE.RU, 03.02.2020, <https://www.cre.ru/news/79258>).

(12) «Петербург *прирастает мечетями*

«Фонтанка» узнала, как и почему в историческом центре возник третий в Петербурге исламский храм и где появится следующий» (Т. Зайнуллин, Фонтанка.ру, 25.01.2016, <https://www.fontanka.ru/2016/01/25/118>).

По сфере функционирования ПФ *прирастать провинцией* представлена в табл. 1. Данные табл. 1. демонстрируют, что ПФ *прирастать провинцией* аккумулирует прецедентность исходного текста, свертываясь до соответствующей сильной позиции.

Таблица 1

Сфера функционирования ПФ *прирастать провинцией*

№	Сфера функционирования	Найдено ПФ
1.	Публицистическая (федеральные средства массовой информации «Российская газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Независимая газета», «Известия»; региональные средства массовой информации «Пенза онлайн», «Приокские зори», «УлПравда», «Липецкая газета», «Чепецк-Ньюс» и др.)	130 (73%)
2.	Художественная (произведения современных авторов Геннадия Пискарева, Натальи Корниловой, Виктора Конечного, Евгения Данилова, Владимира Липилина и др.)	41 (22%)
3.	Научная (статьи в научных журналах «Вопросы философии», «Вопросы управления», в сборниках трудов конференций и т.д.)	9 (5%)

Этот процесс В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова называют текстовой редукцией. Она основана на способности прецедентных текстов замещать сильные позиции в исходном тексте. К ним ученые относят заголовок или название, инициальное предложение абзаца (текста), конечное предложение текста и т.д. [15].

В анализируемом языковом материале сочетание *прирастать провинцией* в большинстве случаев занимает сильные позиции (табл. 2).

Таблица 2

Позиции ПФ *прирастать провинцией* в тексте

№	Позиция ПФ	Найдено ПФ
1.	Сильная позиция:	102 (57%)
	- заголовок, подзаголовок, название	60 (34%)
	- инициальное предложение текста, абзаца, фрагмента	33 (18%)
	- конечное предложение текста	9 (5%)
2.	Положение непосредственно в тексте	78 (43%)

Функционирование в качестве заголовочного комплекса может быть представлено и непосредственным словосочетанием (пример 13), и двучленной субъектно-предикативной структурой (примеры 14, 15):

(13) *«Прирастать провинцией»*

В июне 2010 года по инициативе администрации президента РФ Дмитрия Медведева состоится заседание Государственного Совета по теме «Инвестиционный климат в регионах». Государственный университет – Высшая школа экономики подготовил к нему материалы исследования, в которых содержатся конкретные рекомендации по привлечению инвестиций» (А. Яковлев. Прямые инвестиции, 2010, <https://publications.hse.ru/articles/64107063>).

(14) *«Золотая Маска» прирастает провинцией*

«Золотая Маска» не только огласила списки номинантов на российскую национальную премию раньше обычного, но и пригласила на первые спектакли уже в ноябре» (М. Тимашева. Радио Свобода, 12.11.2010, <https://www.svoboda.org/a/2218574.html>).

(15) *«В СУЗДАЛЕ РЕШИЛИ ВЫРАЩИВАТЬ ЭЛИТУ»*

Станет ли Москва прирастать провинцией?

Существует представление, что в провинции живут «настоящие люди» – в отличие от заевшейся, бюрократической Москвы. Банальностью стало суждение, что подлинная власть находится в регионах – там, дескать, все и решается. И наше будущее – тоже там. Хорошо, пусть так. Но где конкретно? Под коврами местных администраций?» (Г. Каковкин. GOTHS.RU, 17.06.2020, https://goths.ru/old_news.php?id=13979).

Позиция начала или конца текста представлена в одной трети отобранного языкового материала (примеры 16, 17).

(16) «Марат Гельман открыл в Перми Музей современного искусства

Столичный галерист и его сподвижники уверены, что российская культура будет *прирастать провинцией*. Марат Гельман больше в Москве не работает. Продал половину своей галереи, вторую половину отписал жене. И – в Пермь!» (Анонс «Российской газеты», 25.02.2010, <https://clck.ru/MEAx2>).

(17) «География проживания толкиноведов все расширяется, все больше появляется работ, написанных «далеко от Москвы». Это-то можно считать основной причиной нынешнего (пусть и сдержанного) оптимизма. Будущее у отечественного толкиноведения есть, и оно будет *прирастать провинцией*» (В.Л. Гопман. Дороги в Средиземье. Толкиноведение в начале третьего тысячелетия. Новое литературное обозрение, 01.05.2004, <http://www.kulichki.net/tolkien/podshivka/040501.htm>).

Помимо реализации в сильной позиции, ПФ является по сути универсальным: он самодостаточен, автосемантический и обладает коммуникативной силой. Такие выражения могут существовать вне контекста и близки фразеологизмам или пословицам. Что, в свою очередь, может приводить к затруднению процесса установления исходного текста или авторства (пример 18) [16, с.74; 17, с. 38].

(18) «Как видите, проведение конференции руководителей российских литературных музеев на КМВ не было случайностью – «продвинутость» провинции в данном вопросе оказалась очевидной. <...> ... как *говорил поэт*, Москва по-прежнему «*прирастает провинцией*», где жили и живут лучшие представители народа российского. По-новому взглянуть на привычные вещи им помогает незамутненная космополитизмом любовь к Родине, некоторое простодушие и даже миссионерские задатки, так характерные для жителей приграничных территорий» (Музейщики в провинции, Кавказский Узел, 07.10.2002, <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/28014>).

ПФ *прирастать провинцией* активно используется в текстах разной тематической направленности (табл. 3).

Таблица 3

Тематика текстов с ПФ *прирастать провинцией*

№	Тематика	Количество употреблений
1.	Культура и искусство.	51
2.	Политика.	25
3.	Экономика.	25
4.	Социальная сфера.	20
5.	Спорт.	20
6.	Журналистика.	18
7.	Медицина.	16
8.	Наука.	5

Как видно из табл. 3, наиболее частотно ПФ используется в текстах, освещающих вопросы культуры и искусства, политики и экономики.

ПФ *прирастать провинцией* в функции грамматического предиката имеет широкую сочетаемость с нарицательными и собственными именами существительными: «Золотая маска», телевидение, культура, кинематограф, театр, душа России, дыхание России, поэзия, литература, сотрудничество, армия нацболов, коррупционное могущество, богатство, Россия, Москва, столица, «Объединенные демократы», свобода, рынок, малое предпринимательство, туристическая индустрия, отрасль инфокоммуникаций, образование, армия российских болельщиков, удмуртское внедорожное многоборье, баскетбол, хоккей, здоровье нации, медицина, журналистика, наука и т.д.

Таким образом, проведенный анализ позволил охарактеризовать семантическую и прагматическую стороны функционирования прецедентного феномена *прирастать провинцией*. Являясь трансформантом известного выражения М.В. Ломоносова, он представляет собой универсальную структуру, ставшую в известной степени автосемантической и самодостаточной. Модель трансформации ПФ задается алгоритмом и инвариантами его восприятия. Коммуникативная сила ПФ, в терминологии В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой, проявляется в способности к текстовой редукции через замещение сильных внутритекстовых позиций. ПФ *прирастать провинцией* с высокой степенью частотности представлен в публицистической сфере, в текстах культурной, экономической и политической направленности. Перспективными представляются вопросы изучения ПФ *прирастать провинцией*, связанные с его комплексным лингвистическим описанием, лексикографической фиксацией как конституента функционально-семантического поля провинции.

Библиографический список

1. Паршина О. Д. Лексикографический портрет слова «провинция» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. №4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/49FLSK419.pdf> (дата обращения – 22.01.2020).
2. Зайонц Л. О. «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. Т. 32. № 5. С. 70-88.
3. Алефиренко Н. Ф. Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. Ч. 1. С. 124-130.
4. Глушкова В. Г., Полонский А. В. «Россия без... провинции – не Россия»? // Русская провинция: pro et contra: коллективная монография / Под ред. У. Перси, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», НИУ «БелГУ», 2017. 156 с.
5. Иванян Е. П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 59-62.
6. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950-1983. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747-1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 417-498. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-417-.htm> (дата обращения – 12.12.2019).
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
9. Косарева А. А. Прецедентность и интертекстуальность газетного дискурса // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития: материалы всероссийской научно-практической конференции 24-25 ноября 2016 г. – В 4-х частях. – Под общей

ред. М.К. Петрова. Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2017. Часть II. 229с. С. 217-221.

10. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2012. Т.20. 732с.

11. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. №1(18). С. 117-137. URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_18/cs018vysotskaya.pdf (дата обращения – 12.01.2020).

12. Гурова И. В. Рациональные и эмоциональные основания выбора кавычек (на материале гейт-лексем) // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: сборник трудов Международной научной конференции, 23-24 ноября 2018 г., Москва / Отв. ред. Н. Б. Самсонов. М.: Московский государственный областной университет, 2018. С. 204-207.

13. Зайченко М. А., Яковлева Е. Л. Рекурсивная форма движения и её проявления в культуре // Ученые записки казанского университета. Т. 155. Кн. 1. Гуманитарные науки. 2013. С. 57-66.

14. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. М.: Ленанд, 2006. 184 с.

15. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С.297-302.

16. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73-76.

17. Канаева Е. Н. Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков): дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук / Государственный институт рус. языка им. А.С. Пушкина. Москва, 2007. 149 с.

References

1. Parshina O. D. Lexicographical representation of the "province" concept // World of science. Sociology, Philology, cultural studies. 2019. No. 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/49FLSK419.pdf> (date accessed – 22.01.2020).

2. Zayonts L. O. "Province": experience of historiography // Otechestvennye Zapiski. 2006. Vol. 32. No. 5. P. 70-88.

3. Alefirenko N. F. Iznasil Russian province in the mirror of language // Bulletin of Vyatka state Humanities University. 2011. No. 1. Part 1. P. 124-130.

4. Glushkova V. G., Polonsky A.V. "Russia without ... provinces is not Russia"? // Russian province: pro et contra: a collective monograph / edited by W. Percy, A.V. Polonsky. Belgorod: publishing house "Belgorod" NIU "BSU", 2017. 156 p.

5. Ivanyan E. P. Lexicon and phraseology of punishment in Russian discourse: to pose a question // Baltic humanitarian journal. 2018. Vol. 7. No. 4 (25). P. 59-62.

6. Lomonosov M. V. a Brief description of various trips to the Northern seas and an indication of the possible passage of the Siberian ocean to East India // Lomonosov M. V. Complete works / an USSR. M.; L., 1950-1983. Vol. 6: Works of Russian history, socio-economic issues and geography. 1747-1765. M.; L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. P. 417-498. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-417-.htm> (date accessed – 12.12.2019).

7. Krasnykh V. V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures. Moscow: Gnosis, 2002. 284 p.

8. Karaulov Yu. N. Russian language and language personality. Moscow: URSS editorial, 2004. 264 p.

9. Kosareva A. A. Precedent and intertextuality of newspaper discourse // Science, education and spirituality in the context of the concept of sustainable development: materials of the all-Russian scientific and practical conference on November 24-25, 2016 – In 4 parts. – Under the General editorship of M. K. Petrov. Ukhta: Ukhta state technical University, 2017. Part II. P. 217-221.
10. The great academic dictionary of the Russian language / editor-in-Chief A. S. Gerd. SPb.: Science, 2012. Vol. 20. 732 p.
11. Vysotskaya I. V. Controversial issues of the theory of precedent // Criticism and semiotics. 2013. No. 1(18). P. 117-137. URL: https://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_18/cs018vysotskaya.pdf (date accessed – 12.01.2020).
12. Gurova I. V. Rational and emotional reasons for choosing quotes (based on the material of gate-lexemes) // Rational and emotional in the Russian language-2018: proceedings of the International scientific conference, 23-24 November 2018, Moscow / Ed. edited by N. B. Samsonov. Moscow: Moscow state regional University, 2018. P. 204-207.
13. Zaichenko M. A., Yakovleva E. L. Recursive form of movement and its manifestations in culture // Scientific notes of the Kazan University. Vol. 155. kN. 1. Humanities. 2013. P. 57-66.
14. Moskvina V. P. Russian metaphor: an essay on semiotic theory. Moscow: Lenand, 2006. 184 p.
15. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. Precedent text as reduced discourse // Language as creativity. Collection of articles for the 70th anniversary of V. p. Grigoriev. Moscow: IRYA RAS, 1996. P. 297-302.
16. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. How texts become precedent-setting // Russian language abroad. 1994. No. 1. P. 73-76.
17. Kanaeva E. N. Text functions of the logoepistem (based on newspaper headlines): dis. for the academic competition. degrees of Cand. Philol. Sciences / State Institute of Russian language them. Of A. S. Pushkin. Moscow, 2007. 149 p.

УДК 81.42

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кушнир К.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
assistant lecturer
Kushnir K.I.
Russia, Voronezh, tel. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

К.И. Кушнир

СТИХИЯ ОГНЯ В ЛИРИКЕ В.А. СОЛОУХИНА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблемы лингвокультурологии являются актуальными для современной филологической науки. Языковая картина мира каждого автора отличается своими специфическими чертами, в связи с чем представляет интерес для лингвиста. В данной статье рассматривается стихия огня в восприятии В.А. Солоухина. Автором отмечается, что стихия *огня* представляет собой достаточно сложную структуру, где в равной степени взаимодействуют положительное и отрицательное значения, которые репрезентируются различными лексемами, входящими в лексико-семантическое поле *огонь*: *огонь (огонек), костер, печь (печка), пламя, пепел, очаг, уголек, свеча, факел, жар, зола, горенье, пожар, огневишка, пыланье, искра*. В ходе работы были выделены следующие лексико-семантические группы: огонь как стихия; огонь – символ человеческого бытия; огонь – символ возрождения; огонь – метонимическое замещение человеческого жилища, как следствие, огонь – это символ очеловечивания пространства; огонь – источник света; результат действия огня; огонь живой. В большинстве лирических текстов В.А. Солоухина *огонь* обладает положительной семантикой; исключения составляют те произведения, где лексема *огонь* реализует значения оружия или жертвенного пламени. В своей лирике В.А. Солоухин придерживается традиционных воззрений на стихию огня, хотя некоторые представления подвергаются переосмыслению.

Ключевые слова: стихия огня, огонь, В.А. Солоухин, лексические репрезентанты, лексико-семантические группы.

K.I. Kushnir

THE ELEMENT OF FIRE IN V.A. SOLOUKHIN'S VERSE: LINGUO-CULTURAL ASPECT

The problems of linguistic and cultural studies are relevant for modern philological science. The language culture of the world is specific for each author and for this reason can be interesting for linguists. The given article concerns the element of fire in V.A. Soloukhin's perception. The author notes that the element of *fire* is quite a complex structure with equal interaction of positive and negative meanings which are represented by different lexemes of the semantic field *fire*: *fire (little fire), bonfire, a stove, flame, ash, a fireplace, a piece of coal, a candle, a flambeau, heat, cinder, burning, on fire, a drop of fire, heating, a spark*. In the process of work there were formed the following semantic groups: fire as an element; fire as a symbol of human life; fire as a symbol of revival; fire as a sign of human lodging and a symbol of humanization of the area (as a consequence); fire as a source of light; the result of the action of the fire; live fire. In V.A. Soloukhin's verse *fire* has mostly positive semantic, excepting the texts this lexeme means a kind of weapon or the flame of sacrifice. In general V.A. Soloukhin's verse represent traditional views on the element of fire though some of them undergo some transformation.

Key words: the element of fire, fire, V.A. Soloukhin, lexical representatives, lexical and semantic groups.

Как показывает история, на протяжении своего развития человечество двояко относи-

лось к стихии *огня*: благоговейно и боязливо, признавая ее доминирующее начало, но вместе с тем стремилось подчинить ее себе. Приручение *огня* было настоящей революцией: он нес тепло и свет, кормил, согревал и защищал. Однако верно и то, что до настоящего момента *огонь* несет опасность, становясь причиной катастроф.

Стихия огня – важный объект культурного осмысления и языкового исследования, обладающий множеством мифологических и сакральных смыслов, включаемый в обряды и таинства. Все вышеперечисленные аспекты находят отражение в языковых картинах мира разных народов.

В творчестве В.А. Солоухина стихия *огня* представляет собой достаточно сложную структуру, где в равной степени взаимодействуют положительное и отрицательное значения исследуемого явления.

Стихия *огня* репрезентируется в лирике В.А. Солоухина следующими лексемами: *огонь* (25 раз, в том числе *огонек* – 5 раз), *костер* (14 раз), *печь* (11 раз, в том числе *печка* – 5 раз), *пламя* (7 раз), *пепел* (7 раз), *очаг* (6 раз), *уголек* (5 раз), *свеча* (4 раза), *факел* (3 раза), *жар* (3 раза), *зола* (3 раза), *горенье* (2 раза), *пожар* (2 раза), *огневинка* (1 раз), *пыланье* (1 раз), *искра* (1 раз). *Огонь* выступает ключевой лексемой в творческой лаборатории В.А. Солоухина, является смысловым стержнем устойчивых оборотов, им используемых, а ее репрезентанты помогают наиболее полно раскрыть значение *огня* в жизни автора.

В лирике В.А. Солоухина стихия *огня* представлена следующими лексико-семантическими группами.

1. *Огонь как стихия.*

Традиционным считается мнение о том, что стихия представляет собой разрушительную силу, неподвластную человеку [1]. Однако при определении стихии *огня* как природного явления в творчестве В.А. Солоухина важно отметить, что она соотносится с цельностью окружающего мира, не стремится навредить хрупкому природному балансу. В лирике исследуемого автора *огонь* предстает в реалистичной форме:

Все умирает в мире. Все на земле сгорает.

Все превращается в пепел. Бессмертен только *огонь* [2].

Автор прямо заявляет, что в мире все тленно, недолговечно, подвергается переосмыслению и забвению. Все, кроме *огня*, он – бессмертен. Таким образом, стихия *огонь* включена в оппозицию *жизнь – смерть*.

2. *Огонь – символ человеческого бытия.*

Чтобы людям тесней

Вкруг *огня* в непогожую ночь разместиться [2].

В.А. Солоухин напоминает о том, что *огонь* способен собирать вокруг себя людей, даря им тепло и неся свет. Акцентируется одна из важнейших задач *огня* – находиться в центре людского внимания. В то же время, *огонь* – это причина сплочения общества [3], прослеживается человеческое стремление разместиться вокруг огненной стихии «тесней».

Куда ни вел бы путь неблизкий,

К какому б дальнему *огню* [2];

Огонь, без которого немислимо человеческое жилище, – это символ жизни, человек подчинил себе стихию *огня*. Из приведенных выше примеров следует, что автор наделяет *огонь* положительными качествами. *Огонь*, способный по своей природе уничтожить все на пути, наоборот, защищает его и обогревает [4].

3. *Огонь – символ возрождения.*

Дева встает из *пепла*,

На помощь она идет [2];

Лети из клетки как можно выше,

Воскресни, птица, родись из пепла! [2].

Огонь олицетворяет возрождение, воскресение, обновление. Автор говорит о возможности возрождения из пепла, а не только из еще теплющегося уголька. Это созвучно мифу о птице Феникс, возрождающейся из пепла. По свидетельству Ван Мэнмэн, Феникс встречается в советской литературе крайне редко, маркируя события особой важности, выступает символом перерождения и обновления [4]. Отсылка к мифическому языческому персонажу обусловлена тематикой произведения: стихотворение посвящено Жанне д'Арк, сожженной как «ведьма» на костре, что тоже является языческим действием, в котором участвует стихия *огня*, используемая для очищения жертвы. В лирике В.А. Солоухина упоминается огнеперая птица, которая тоже используется в тексте в связи со стихией *огня*:

Добрый, теплый *огонь*.

Он в гнезде из камней

Прожил тысячи лет — *огнеперая* птица [2].

«*Огнеперая* птица» — весьма красноречивая отсылка для читателя, знакомого с русским фольклором, к образу *Жар-птицы* [4]. У Феникса и *Жар-Птицы* можно найти много одинаковых черт: они имеют схожую легенду о возрождении, обладают сходными культурными и символическими значениями – ассоциируются со счастьем, указывают на редкость и ценность.

4. *Огонь* – метонимическое замещение человеческого жилища, как следствие, *огонь* – это символ очеловечивания пространства.

Данное значение прослеживается в следующих контекстах:

Меж тем и жизнь внушает строго:

Нужны труба, ограда, печь,

И что без этого не могут

Огонь – гореть, а воды – течь [2];

Добрый, теплый *огонь*.

Он в гнезде из камней

Прожил тысячи лет — *огнеперая* птица [2].

Для «огнеперой птицы», выступающей метафорическим обозначением огня, домом является «гнездо из камней».

Но не только *огонь* и не камни – *очаг*.

Есть на свете семья, и в течение столетий

Тосковал мореходец о добрых очах,

Об объятьях жены и о маленьких детях [2].

Семья всегда считалась самым священным союзом. У древнейших племен семья, живущая под единым кровом, поклонялась своему божеству – светлomu пламени, живущему в домашнем очаге, ради поддержания которого совершали жертвоприношения. Пылающий очаг, который собирает вокруг себя всю семью, – это особое место для каждого славянина, огонь очага охраняет жилье от диких животных, защищает брачные и родственные связи.

5. *Огонь* – источник света.

При описании стихии *огня* невозможно обойтись без значений, характеризующих ее внешний облик, отражающих зрительное и чувственное восприятие, к таким, например, относится «свет», то есть раскаленные светящиеся газы, находящиеся вокруг предмета, охваченного *огнем* [5].

Как от *огня* в чашобе мгlistой

Светло на сто шагов вокруг [2];

Возжигались трепетные *свечи*,

Разливался полусвет янтарный [2].

У В.А. Солоухина наблюдается синтез тьмы и света, издаваемого *огнем*. И этот синтез будет существовать до тех пор, пока живет исследуемая стихия. В своих стихотворениях В.А. Солоухин учитывает специфику природных характеристик, бесспорную красоту, очевидную «нематериальность» света, его всепроницаемость и жизненную силу, то есть огненная стихия — это многогранный символ жизни, абсолютной чистоты и красоты. Это значение намеренно используется автором с целью показать противоборство тьмы и *огня*, где тьма заполняет все пространство, а *огонь* — небольшая, но сильная стихия, способная вступить в противоборство. В.А. Солоухин часто использует световое значение стихии *огня* для передачи нематериальной красоты трансцендентной, где «трепетные свечи» разливают «полусвет янтарный». Огненно-световая сфера природы представлена в поэзии В.А. Солоухина конкретными огненно-световыми проявлениями: *огонь* (Где огонь в непогожие ночи не чах, / Чтоб согрелась семья и поджарилась пища [2]), *огонек* (И тьма его, как прежде, не объяла, / Мой незаметный, робкий огонек [2]), *костер* (На потухающий костер / Пушистый белый пепел лег [2]), *уголек* (Не занялась моя трава, / Угас последний уголек... [2]), *свеча* (Возжигались трепетные свечи, / Разливался полусвет янтарный [2]), *искра* (Что перепутывались звезды/ С живыми искрами костра [2]). Лексемы, имеющие значение «свет», отражают противоборство тьмы и *огня*. Кроме того, диминутивные лексемы способствуют созданию эмоционального фона, демонстрируют теплое и душевное отношение автора к родным местам.

6. *Огонь – источник тепла.*

Горение всегда сопровождается нагреванием. Большой интерес вызывает аксиологическая характеристика огненной стихии: человек дает *огню* определенную оценку, выраженную вербально, в зависимости от интенсивности температурного воздействия. Традиционно очень высокая температура воспринимается как опасная для человека, следовательно, отрицательно оценивается; средняя температура оценивается позитивно, поскольку комфортна для жизни и быта человека; низкая температура оценивается отрицательно как неприемлемая для человеческого благополучия и приносящая дискомфорт.

Вернее, все, что нам было нужно, –
И ласкали ее наждаком, и калили в *огне*... [2];

Хоть *уголек* горячий и живой,
Ты подними его над головой,
Чтобы ее, как *факел*, раздувало [2].

В своих лирических произведениях В.А. Солоухин переосмысливает традиционные представления: высокая температура, возникающая при горении, трактуется как положительная, поскольку способна приносить человеку пользу, отсюда употребление диминутивного суффикса.

7. *Результат действия огня.*

Результат действия огненной стихии – это пепел, зола, дым, уголь. Названные единицы имеют значение, совмещающее смыслы «результат горения» и «признак горения». Пепел, зола, дым, уголь – это то, что остается от предметов, претерпевших действие *огня*, это лексемы, являющиеся знаками пространства, где раньше был *огонь*:

Он чуть живой в *золе* лежал,
Где было холодно давно [2];

Вечером под *золою*
Нашли в углях палачи
Сердце ее как живое,

Только что не стучит [2].

В верованиях различных народов *огонь* обладал очищающей и целительной силой, в связи с чем целебными свойствами наделялись и продукты горения – зола и пепел. Это прослеживается в различных обрядах и ритуалах. Например, по верованиям славян, больному дают выпить воды или вина, смешанных с золой из печи или из церковного кадила, для исцеления от лихорадки и других болезней [7]. В лирике В.А. Солоухина встречаются следующий пример:

На потухающий костер
Пушистый белый *пепел* лег,
Но ветер этот *пепел* стер,
Раздув последний уголек [2].

Пепел, как известно, является результатом действия огненной стихии: пепел — это «легучая рассыпчатая обугленная масса, остающаяся от чего-то сгоревшего, сожженного» [6]. Так, появление в определенном месте пепла говорит о том, что здесь бушевала стихия огня.

Затухание *огня* для В.А. Солоухина – это отрицательное явление, в связи с чем, как только костер начитает угасать, а пепел, в свою очередь, появляться, стихия воздуха в виде ветра выступает помощником, который способен продлить жизнь «последнего уголька», а вместе с ним – стихии *огня*. Свое трепетное отношение к стихии автор передает с помощью диминутивного суффикса *-ек*.

8. *Огонь живой.*

В художественном пространстве В.А. Солоухина *огонь* живет и функционирует в тесной связи со стихией воздуха, что объясняется их природой, поскольку *огонь* не может поддерживать горение без доступа к кислороду.

Хоть *уголек* горячий и живой,
Ты подними его над головой,
Чтобы ее, как *факел*, раздувало [2];

Еще в печах к сухим поленьям
Не поднесен *огонь* живой,
Чтоб трубы дружно задымились,
Чтобы *дымы* тянулись ввысь [2].

В лирике В.А. Солоухина *огонь* выступает олицетворением жизни. Из *огня* рождается новая жизнь, с помощью тепла и света, дарованных им, она функционирует и развивается.

Однако помимо положительных коннотаций, *огонь* в лирике В.А. Солоухина имеет отрицательные: огонь способен представлять собой опасность, вселять страх, приносить окружающим неприятности, боль, вред.

Меч, ятаган, кинжал и пистолет,
Пожар и мор, дымящиеся лужи [2];

Не только *пожары* и муки,
Не только фугасы и кровь [2].

В приведенных отрывках *огонь* представляется как некое орудие, грозящее опасными и даже смертельными, последствиями. Огонь – это мера насилия, применяемая с беспощадной жестокостью с целью уничтожения. Этот образ создается при использовании лексемы «пожар», который призван уничтожать все, что стоит на его пути и имеет свойство воспламеняться и гореть [6]. В лирике В.А. Солоухина с этой лексемой соседствуют оружие: меч, ятаган, кинжал, пистолет; физическая боль, выраженная мором, муками, кровью. А рядом с лексемой «костер» автор намеренно употребляет для более реалистичного описания человеческих страданий лексему *война*.

Как видим, в большинстве исследованных текстов В.А. Солоухина *огонь* обладает положительной семантикой, исключения составляют те произведения, где *огонь* связан со значением оружия или жертвенного пламени. Здесь отмечается враждебность не природной стихии, а человека, который причиняет вред с помощью смертоносного оружия — *огня*. В своей лирике В.А. Солоухин придерживается традиционных воззрений на стихию *огня*, хотя некоторые представления подвергаются переосмыслению, например, по В.А. Солоухину, *огонь* не способен осознанно и самостоятельно причинить вред и боль человеку, люди несут ответственность за использование огня как средства уничтожения. Стихию *огня* автор представляет как непостоянную (огонь может угаснуть), в связи с чем ее необходимо защищать и оберегать от воздействия других стихий.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004.
2. Солоухин В.А. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1990. 384 с.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. СПб., 2005. 3312 с.
4. Ван Мэнмэн. Образ мифической птицы в китайской и русской картинах мира (на примере Феникса) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 378-380.
5. Кушнир К.И. Лексема *очаг* как один из репрезентантов стихии огня в стихотворении В.А. Солоухина «Очаг» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (286). С. 134-137.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. Яз., 1981–1984. Т. 2. 1983.
7. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Москва, 1865.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2017. 960 с.

References

1. Great academic dictionary of Russian language: in 30 vol. / Ed. by K.S. Gorbachevich. St.-Petersburg, 2004.
2. Soloukhin V.A. Poems. Moscow, 1990. 384 p.
3. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of Russian language: in 3 vol. St.-Petersburg, 2005. 3312 p.
4. Van Manman. The image of mythological bird in Chinese and Russian pictures of the world (on the example of Phoenix) // The world of science, culture, education. 2020. Vol. 2 (81). P. 378-380.
5. Kushnir K.I. The lexeme *fireplace* as one of the representatives of the element of fire in V.A. Soloukhin's poem "The fireplace" // The proceedings of Voronezh State Pedagogical University. 2020. Vol. 1 (286). P. 134-137.
6. The dictionary of Russian language // Ed. by A.P. Evgenieva. In 4 vol. Moscow, 1981-1984.
7. Afanasiev A.N. Poetic views of the Slavs on nature: in 3 vol. Moscow, 1865.
8. Ushakov D.N. Great explanatory dictionary of Russian language: modern version. Moscow, 2017. 960 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.16

*Ивановский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
русского языка и методики преподавания
Суворова Н.В.
Россия, г. Иваново, тел. +79038790365
e-mail: suvorova-n@mail.ru*

*студент 2 курса магистратуры
филологического факультета
Квашнина Д.С.
Россия, г. Иваново, тел. +79206743896
e-mail: darikvashnina@gmail.com*

*Ivanovo State University
PhD, associate professor of Russian language
and teaching methodology
Suvorova N.V.
Russia, Ivanovo, tel. +79038790365
e-mail: suvorova-n@mail.ru*

*masters student (2nd year)
of philology department
Kvashnina D.S.
Russia, Ivanovo, tel. +79206743896
e-mail: darikvashnina@gmail.com*

Н.В. Суворова, Д.С. Квашнина

О СВЯЗИ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ МЕСЯЦЕВ С КАЛЕНДАРНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ

Как известно, естественные языки способны отражать различные способы восприятия окружающей действительности и ее организации, то есть картину мира, которая проявляется на различных уровнях любого языка. Будучи важным элементом лексической системы, названия месяцев отражают особенности восприятия времени носителями языка. Изучение лексем со значением «месяц» позволяет выявить специфику мировоззрения народа. Данная статья посвящена сопоставительному изучению современных славянских названий месяцев, которые содержат указание на обычаи и праздники. Актуальность нашей работы связана с возросшим в настоящее время интересом ученых к сопоставлению родственных языков, выявлению в них общего и различного на примере отдельного фрагмента лексической системы. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить общее и различное в семантике и структуре названий месяцев, связанных с обычаями и праздниками славян, на материале близкородственных языков. Изучение языкового материала проводилось при помощи описательного и сопоставительного методов. Использование данных методов позволило установить семантическую связь изучаемых фактов, выявить структурно-семантические особенности славянских названий месяцев, а также обнаружить сходства и различия в способах их номинации. Результатом проведенного анализа является установление универсального и специфического в механизме образования названий месяцев, связанных с обычаями и праздниками, определение места данных наименований в славянском календаре. Наше исследование вносит определенный вклад в развитие сопоставительной лингвистики: полученные данные могут быть использованы в преподавании современных славянских языков в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: славянские языки, названия месяцев, обычаи, календарные праздники, мотивация, этимология, сходства и различия, языковая картина мира.

N.V. Suvorova, D.S. Kvashnina

TO THE ISSUE OF CONNECTION OF SOME SLAVIC NAMES OF MONTHS WITH CALENDAR HOLIDAYS

© Суворова Н.В., Квашнина Д.С., 2020

Natural languages are able to reflect different ways of perceiving the reality and its organization, that means, a picture of the world, which is manifested at different levels of language. Being an element of the lexical system, the names of the months reflect the features of time perception. Their study allows us to identify the specifics of the worldview of the people. This article is devoted to comparative study of modern Slavic names of the months associated with beliefs and customs. The relevance of our work is associated with the increased interest in comparing related languages, identifying common and different examples of a separate fragment of the lexical system. The modern Slavic names of the months associated with beliefs and customs were taken as an object of study. The subject is the semantic and structural features of the identified items. The object and subject determine the purpose of our study. The purpose is to identify the common and different in the semantics and structure of the names of the months associated with beliefs and customs, as exemplified in Slavic languages. The study of language material was carried out using descriptive and comparative methods. The use of these methods made it possible to establish a semantic connection between the facts studied, to reveal the structural and semantic features of the names of the months, to find similarities and differences in the methods of their nomination. The result of the analysis is the identification of universal and specific in the formation mechanism of the names of the months associated with beliefs and customs, the determination of the place of the analyzed names in the Slavic calendar. Our study contributes to the development of comparative linguistics: the data obtained can be used in the teaching of modern Slavic languages in higher educational institutions.

Key words: Slavic languages, the nominations of month, customs, calendar holidays, motivation, etymology, similarity and difference, language picture of the world.

Время занимает особое место в жизни человека, которая целиком и полностью состоит из последовательно сменяющих друг друга минут, часов, дней и т.д. Временные отрезки выстраивают и регулируют нашу активность. В связи с этим не случайно, что восприятие времени представляет собой неотъемлемую составляющую мыслительной деятельности человека. Это находит свое отражение и в языке. Особенности восприятия времени отражены в *темпоронимах* – лексемах со значением «время».

Темпоронимы представляют собой один из древнейших пластов лексики. Это свидетельствует о том, что наблюдение за временем было свойственно и нашим предкам. Ими были замечены смена дня и ночи, изменение фаз Луны и смена сезонов, которые оказывают влияние на физиологические процессы и хозяйственную деятельность людей. Такая зависимость жизни человека от времени нашла отражение в лексике со значением «время», в частности, в названиях месяцев.

Месяц – «одна двенадцатая часть астрономического года, имеющая каждая самостоятельное название» [1; с. 894]. Само слово *месяц* свидетельствует о том, что нашим предкам были известны лунные циклы, а «наблюдение за ними (лунными циклами) было самым простым и естественным способом измерения хода времени» для разных народов [2; с. 18]. В ряде языков для обозначения этого понятия («месяц») используются лексемы, восходящие к индоевропейскому **meh₁not* «луна», образованному от **meh₁* «измерять» [2; с. 18]. В немецком языке это лексема *monat*, в литовском – *mėnuo*, в персидском – *Maah* [2; с. 18]. В славянских языках название этой единицы времени также связано с Луной: в верхнелужицком языке используется лексема *měsac*, в украинском – *місяць*, в хорватском – *mjesec*, в польском – *miesiąc*, в русском – *месяц*, чеш. *měsíc*.

Лексемы со значением «месяц» как один из важнейших фрагментов языковой картины мира отражают специфику мировосприятия носителей языка. В связи с этим не случайно, что в различных культурных традициях названия месяцев имеют разную внутреннюю форму. Мотивационные признаки, лежащие в основе номинации месяцев в славянских языках, представлены в семантической классификации Франца Миклошича в работе «Славянские названия месяцев». Основоположник школы сравнительно-исторического изучения грамматики славянских языков объединяет номинации со значением «месяц» с учетом их значения, этимологии и производности в шесть групп:

1. Названия месяцев, связанные с растениями (Monatsnamen aus dem Pflanzenreiche) [3; с. 2];

2. Названия месяцев, связанные с животными (Monatsnamen aus dem Tierreiche) [3, с. 7];

3. Названия месяцев, связанные с явлениями природы (Monatsnamen nach Naturerscheinungen im Grossen) [3; с. 12];

4. Названия месяцев, связанные с деятельностью человека (Monatsnamen nach periodisch wiederkehrenden Verrichtungen) [3; с. 18];

5. Названия месяцев, связанные с обычаями и праздниками (Monatsnamen nach Gebräuchen und Festen) [3; с. 22];

6. Названия месяцев, заимствованные из латинского языка (Monatsnamen nach Reihenfolge der Monate) [3; с. 26].

Большинство славянских названий месяцев входят в первые четыре группы. И это закономерно. Как отмечает Г. Ф. Ковалев, славянские названия месяцев «в точности соответствуют природе, смене времен года, характерной для прародины славян, и, не в меньшей мере – хозяйственной деятельности праславян» [4; с. 44]. Преобладание данных признаков в семантике славянских лексем, вероятно, связано с экстралингвистическими факторами: суровые климатические условия, неплодородные почвы, территории лесов и болот – все эти факторы определяли деятельность славян, их мировоззрение и менталитет, что нашло отражение и в славянском календаре.

Безусловно, славянские лексем со значением «месяц» «отражали наблюдения земледельческих племен за изменениями в окружающей их природе» [5; с. 104]. Однако почему в некоторых названиях славянских месяцев содержится указание на праздничные традиции славян? Каково их место в славянском календаре? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим особенности номинации месяцев, связанные с обычаями и праздниками.

Прежде всего отметим, что лексем, в основе которых лежит указание на данный мотивационный признак, немного, а именно, десять. Причем мотивация лишь четырех названий не вызывает сомнений, по вопросу о происхождении остальных номинаций существуют разные точки зрения. Рассмотрим современные славянские официальные названия месяцев, внутренняя форма которых содержит указание на обычаи и праздники славянских народов.

Большинство этих лексем обозначает зимние месяцы. Это названия декабря в некоторых славянских языках: хорв. *prosinac*, кашуб. *gòdnik*, верхн.-луж. *hodowhik*, нижн.-луж. *gódownik*, чеш. *prosinec*, а также февраля в хорватском, кашубском и нижнелужицком языках – хорв. *veljača*, кашуб. *gromicznik* и нижн.-луж. *swěckownu*.

Хорватское название *prosinac*, а также чешское *prosinec*, обозначающие двенадцатый месяц, имеют общеславянские корни. Оба наименования восходят к праформе **prosinьсь* [6; с. 377]. В современной славистике не существует единого мнения о внутренней форме данной лексемы.

По мнению Ф. Миклошича, **prosinьсь* восходит к праславянскому корню **si-/sei-* и является однокоренной слову *prosjati* «сиять, блестеть», т.е. это месяц, когда наблюдается «прибавление солнечного света» [3; с. 15]. Данная точка зрения нашла отражение и в работах В. Е. Гусева, который отмечает, что *просинец*, «месяц прибавления солнечного света», является единственным названием в праславянском календаре (следовательно, и в славянском), связанным с постоянным астрономическим явлением – зимним солнцестоянием» [5; с. 104].

Однако некоторые ученые полагают, что в основе хорватского названия *prosinac* и чешского *prosinec* может лежать указание на обычаи древних славян.

Согласно мнению Т. Голыньска-Барановой, хорватское название образовано от существительного *proso* «просо», которое использовалось в некоторых обрядах [7; с. 20]. Например, при гадании. С помощью проса пытались узнать о будущем урожае, о том, будут ли здоровы близкие и скот. С просом был связан и обряд избавления от детского заболевания, который упоминает Т. Голыньска-Баранова. После совершения обряда «ребенка протирали мас-

лом, посыпали просом, поливали вином» [7; с. 20]. Кроме того, просо было необходимым ингредиентом рождественского хлеба, важнейшего элемента праздничного стола [8; с. 458].

Наряду с данной точкой зрения по вопросу об этимологии **prosinъсь* существует и другая. Так, согласно позиции Й. Добровского, праславянская лексема восходит к глаголу *prosi* «просить, молиться» [9; с. 17]. С одной стороны, подобная мотивация может быть связана с периодом усиленных молитв и покаяний перед важнейшим христианским праздником – Рождеством [9; с. 17]. С другой стороны, с древним славянским обычаем колядования, «сопровождающимся песнями и обходом соседей» [9; с. 17]. В этих песнях просили о благополучии людей и скота [10; с. 575]. Интересно, что в древности данный обычай был связан с праздником зимнего солнцестояния, с «поэтическим представлением о рождении молодого солнца, то есть солнца будущего года» [11; с. 82]. Следовательно, можно предположить, что данные обрядовые песни возвещали о прибавлении солнца, без которого была невозможна основная деятельность славян. Ведь, как известно, славяне представляли собой оседлый земледельческий народ, жизнь которого во многом была связана с сельскохозяйственными работами. Время конца осени и зимы сливалось воедино как общий период холода [12; с. 100]. Тогда прибавление света, которое влекло за собой приход весны, становилось действительно важным этапом в годовом цикле славян. Об этом свидетельствует и то, что в народном календаре год начинался с зимнего солнцеворота – важнейшего праздника древних славян. Он символизировал «рождение нового солнца», «поворот солнца на лето» [13; с. 181].

Таким образом, в основе хорватского названия *prosinac*, а также чешского *prosinec* может лежать указание на обряды и обычаи рождественского времени.

Связь с обычаями и праздниками также прослеживается в кашубском и лужицких названиях двенадцатого месяца. Речь идет о кашуб. *gòdnik*, верхн.-луж. *hodownik*, нижн.-луж. *gódownik*. Вопрос о происхождении данных лексем не является однозначно решенным. Так, существует точка зрения, согласно которой эти номинации восходят к словам *god/hody* «время, сезон» [14; с. 196]. С другой стороны, слова *god/hody* в кашубском и лужицких языках могут иметь значение «праздник света» [14; с. 196]. В этом случае можно предположить, что названия месяца будут обнаруживать связь с празднествами в честь зимнего солнцестояния, важнейшего астрономического явления, после которого начинается прибавление солнечного света. Праздники сопровождались обрядовыми пиршествами, на которые было принято подавать поросенка. В.Я. Пропп полагает, что «ритуальная пища представляла собой акт приобщения себя, и не только себя, но и всей своей семьи и всех объектов своего хозяйства, к тем силам и к тем способностям, которые приписывались съедаемым животным» [15; с. 37]. В нашем случае таким свойством была плодовитость животного, которая переносилась и на плодовитость земли [15; с. 37]. Не случайно в обычаи этого дня входило изготовление из теста фигурок различных животных.

Как уже было сказано ранее, впоследствии часть аграрных языческих обрядов «была приурочена к христианским праздникам» [13; с. 173]. Так, В.Е. Гусев отмечает, что в лужицких языках лексемы *god / hody* имели значение «рождественский праздник» [5; с. 114]. Вероятно, с принятием христианства могло произойти переосмысление значения слов: названия месяцев стали связываться с одним из главных праздников церковного календаря.

Исследователь Д. ф. Рейндл рассматривает эти лексемы (кашуб. *gòdnik*, верхн.-луж. *hodownik*, нижн.-луж. *gódownik*) как кальки с немецкого языка [16; с. 174]. В пример он приводит название декабря в календаре Карла Великого *Christmonat*, которое означало «священный месяц». Исследователь полагает, что кашубское и нижнелужицкое названия образованы от лексем кашуб., нижн.-луж. *god*, а верхнелужицкое – от слова *hody*. Эти слова *god/hody* имели значение «Рождество». Следовательно, кашуб. *gòdnik*, верхн.-луж. *hodownik*, нижн.-луж. *gódownik* означают «месяц Рождества» [16; с. 174].

Таким образом, можно предположить, что кашуб. *gòdnik*, верхн.-луж. *hodownik*, нижн.-луж. *gódownik* содержат указание на праздник, основу которого составляет идея рождения, «понимаемого и как Рождество Сына Божия, и как “рождения нового солнца”» [8; с. 454].

С обычаями и праздниками связаны не только названия двенадцатого месяца в славянских языках, но и названия второго месяца в хорватском - *veljača*, нижнелужицком - *swěckownu* и кашубском - *gromicznik*. Рассмотрим их внутреннюю форму.

Кашубское название второго месяца происходит от лексемы *gromica* «громница». *Громница* – это день огня и света, празднование которого у западных славян приходилось на 2 февраля, когда, по народным поверьям, встречались зима и весна (холодный и теплый сезон) [17; с. 51]. Этот день символизировал надежду на возвращение весны, ее победу над зимой, на наступление тепла, когда земля пробуждается и становится пригодной для сельскохозяйственных работ [18; с. 154].

Существуют разные точки зрения на происхождение названия праздника. И.А. Иванова, Н.В. Суворова полагают, что название восходит к «имени языческой южнославянской богини Громовницы, известной у восточных славян как Перуница» [17; с. 51]. В то же время некоторые этимологи отмечают, что и имя богини Громовницы, и название праздника образованы от слова *grom*, которое восходит к праславянскому **gr̥m-/ *grom-* «гром» [19; с. 458-459]. Вероятно, это может быть связано с тем, что именно на Сретение (Громницу) принято было совершать обряды, направленные на «предварительную защиту от грома» [20; с. 559]

Следует отметить, что позднее, с принятием христианства, слово *громница* у славянокатоликов стало обозначать не языческий праздник, а христианский – Сретение Господне [21; с. 97]. У язычников *громница* означала важный поворотный момент – от зимы к весне, от холода к теплу, тогда как праздник Сретения связан с встречей в Иерусалимском храме Иисуса Христа «с праведным Симеоном и Анною пророчицею» [18; с. 153]. Вероятно, лексема *громница* (и, следовательно, название месяца в кашубском языке) сохранилась в связи с наложением христианских праздников на языческие.

Связь с этим праздником обнаруживает и нижнелужицкое название февраля – *swěckownu*. Вероятно, название восходит к слову *swěčka* «свеча» и является однокоренным с лексемой *sweckownica* «Громница» [16; с. 176]. Интересно отметить, что в основе нижнелужицкого названия второго месяца лежит указание не на праздник в целом, как в кашубском языке, а на один из установившихся обычаев этого дня. В этот день было принято освящать восковые свечи, с которыми обходили «дом и хлев, подпаливая у животных крест-накрест шерсть на лбу» [18; с. 155]. Также считалось, что свеча защищает от грозы и града, от нечистой силы, лечит простуду, головную боль. Интересно, что такая свеча имела еще и сельскохозяйственное назначение: ее прикрепляли к посуде, «из которой весной засеивали». [18; с. 155]. Таким образом, *swěckownu* – это месяц, когда отмечается Громница, праздник, в который принято освящать свечи.

В хорватском языке второй месяц года носит название *veljača*. Данная лексема не встречается в других славянских языках, и с трактовкой ее внутренней формы возникает ряд трудностей. По мнению В. Мачека, название месяца восходит к праславянскому **veljъ* «великий» [22; с. 560]. Это позволяет предположить, что хорватское название февраля может быть связано с подготовкой к Великому посту, которому предшествует Масленица. Косвенное подтверждение этой гипотезы можно найти у А. Боченек, которая на основании информации, содержащейся в «Кучнике» И. Релковича, предполагает, что название месяца может быть мотивировано глаголом *veljati* «проводить карнавальные забавы» [9; с. 26]. Вероятно, карнавалы проходили в честь Масленицы, не случайно в «Кучнике» говорится: «*Добрые люди хорошо проводят Масленицу: по старому способу мед сами делают, поскольку думают о февральском посте*» [9; с. 28]. В народном сознании она символизировала границу зимы и весны [23; с. 194]. У хорватов этот день праздновался широко. Помимо сжигания чучела

важным обрядом являлись маскарадные игры. Они сопровождалась «ряжением в животных, имитацией свадеб» [Там же]. Было популярным «сооружение зооморфных масок (“козел”, “бык”, “тур”, “медведь” и др.) как ритуальный способ обеспечения плодородия и урожая с помощью животворной силы» [Там же]. Существовали обычаи, которые были призваны обеспечить активный рост культурных растений, поэтому славяне в символической форме воспроизводили посев и пахоту, исполняли различные ритуальные танцы и водили хороводы [Там же]. Таким образом, Масленица – важнейший праздник в жизни славянских народов, основным видом деятельности которых являлось сельское хозяйство. Она знаменовала окончание зимы и пробуждение природы, о чем свидетельствуют обряды и ритуальные действия, направленные на «активизацию биологической жизни в начале хозяйственного года» [Там же]. Однако, как отмечает В. Е. Гусев, «начало и конец месяцев славянского лунно-солнечного календаря могли приходиться приблизительно на середину того или иного месяца юлианского календаря или, во всяком случае, захватывали часть одного и другого» [5; с. 93]. В связи с этим можно предположить, что лексема *veljača* могла обозначать февральско-мартовский период, на который приходилась Масленица.

Связь с обычаями и праздниками обнаруживают две лексемы, обозначающие весенний месяц, – это название апреля в лужицких языках: верхн.-луж. *jutrownik*, нижн.-луж. *jašownik*.

Верхнелужицкая лексема *jutrownik* образована от верхнелужицкого слова *Jutry* «Пасха», а нижнелужицкое название *jašownik* мотивируется существительным *Jašy* «Пасха». К. Эрбен приводит диалектную лексему *Jařy* «Пасха», а также подобную ей *Justry*, которые употреблялись на территории, граничащей с верхними и нижними лужичанами [24; с. 141]. Все эти названия, вероятно, представляют собой кальки с немецкого языка (ср. *Ostern* «Пасха») [25; с. 435]. Интересно отметить, что в немецком языке ранее месяц после Пасхи носил название *Ostermonat* «апрель» [25; с. 435]. Весьма вероятно, что эта лексема также повлияла на формирование верхнелужицкого и нижнелужицкого названий.

Пасха – самый значительный и важный весенний праздник в календаре славян [26; с. 642]. Она означала Воскресение Христово и символизировала начало и обновление. Считалось, что ритуальные действия в этот день могут привлечь успех на весь год. Также в этот день совершали магические обряды, способствовавшие плодородию: «на Пасху символически зарубали и трясали неплодоносящие деревья, обвязывали их соломой и обмазывали тестом, “будили”» [26; с. 644].

Таким образом, сопоставительный анализ славянских названий месяцев, связанных с обычаями и праздниками, позволяет ответить на вопрос, почему в некоторых названиях славянских месяцев содержится указание на календарные праздники. Прежде всего отметим, что названий, в основу которых легло указание на обычаи и праздники, – немного, но их появление закономерно. Выживание в суровых условиях прародины требовало от славян немалых усилий. Вероятно, поэтому наши предки пытались найти поддержку у сил природы, которую они обожествляли. В связи с этим многие обряды и праздники связаны с явлениями и реалиями окружающего мира. Например, с прибавлением солнца, которое знаменовало возвращение тепла, жизненно важного для хозяйственной деятельности славянских народов.

Важно отметить и то, что большинство лексем, в основу которых легло указание на обычаи и праздники, обозначает зимний период времени. Зима в языковой картине мира древних славян ассоциировалась с холодами, отсутствием солнца, умиранием природы, приостановкой сельскохозяйственных работ. В то же время праздники данного периода и сопутствующие им обряды (Масленица, Громичник и т.д.) пронизаны ожиданием весны, которая ассоциировалась с наступлением теплого времени, пробуждением сил природы и возобновлением хозяйственной деятельности. В связи с этим не случайно, что праздничные традиции, которые лежат в основе названий зимних месяцев в славянских языках, связаны с прибавлением солнечного света и зазыванием весны. Неслучайно и то, что именно среди по-

добных названий наблюдаются межъязыковые соответствия: чеш. *prosinec* – хорв. *prosinac*; кашуб. *gòdnik* – верхн.-луж. *hodownik* – нижн.-луж. *gódownik*, обозначающие декабрь.

Две лексемы, верхн.-луж. *jutownik* и нижн.-луж. *jatšownik*, связанные с названием христианского праздника, обозначают весенний месяц – апрель. В основу этих наименований легло указание на важнейший праздник славян – Пасху. Тот факт, что в других славянских языках названия весенних месяцев, как правило, обнаруживают связь с явлениями уже пробудившейся природы (например, хорв. *travanj* – «месяц роста растений», укр. *квітень* и польск. *kwiecień* – «месяц появления цветов»), позволяет сделать вывод о специфике лужицких наименований. Вероятно, это обусловлено влиянием немецкого языка на верхне- и нижнелужицкий.

Подводя итог, отметим, что многие славянские названия месяцев, связанные с обычаями и праздниками, отражают традиции и менталитет славянских народов.

Библиографический список

1. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. Т. 6. / ред. В. И. Чернышев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. 1460 с.
2. Zaroff R. Measurement of Time by the Ancient Slavs // *Studia Mythologica Slavica*. Ljubljana, 2016. № XIX. S. 9– 39.
3. Miklosich, F. Die Slavischen Monatsnahmen. Wien :Aus der kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1867. 32 s.
4. Ковалев Г.Ф. Введение в славянскую филологию: ч 1. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 77 с.
5. Гусев В.Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы. СПб. : РИИИ, 2012. 248 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. М.: Азбука-Терра, 1996. 832 с.
7. Hołyńska-Baranowa T. Ukraińskie nazwy miesięcy na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. 129 s.
8. Виноградова Л.Н., Плотникова А.А. Рождество // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4. М. : Международные отношения, 2009. С. 454 – 460.
9. Bochenek A. Nazwy miesięcy zimowych w chorwackim i polskim języku literackim// *Studenckie Zeszyty Naukowe Instytutu Filologii Słowiańskiej*. Krakow, 2012. № specjalny. S. 5 – 34.
10. Виноградова Л. Н. Колядование // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* // Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М. : Международные отношения, 1995. С. 570 – 575.
11. Мордовина Л.В, Мягченко Г.Ю., Ульева О.В. Семантика и семиотические основы праславянской мифологии // *Антропология культуры*. Тамбов, 2012. № 2 (3). С. 75-89.
12. Вялкина Л. В. Зима и лето // *Русская речь*. М. : «Наука», 1968. № 4. С. 97—100.
13. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Академический Проект, 2013. 806 с.
14. Slupski A. Kašubische Monatsnamen // *Anzeiger für slavische Philologie XXV*. Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1997. S. 187 – 204.
15. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб. : «Терра», 1995. 176 с.
16. Reindl D.F. Evidence for the Germanic Origins of Some Slovene Month Names // *Slovene Studies Journal*. 1993. №1-2. S. 169 – 178.
17. Иванова И.А., Суворова Н.В. Именования религиозного праздника Сретение Господне в русском и польском языках // *Вестник Ивановского государственного университета*. 2018. Вып. 1 (18). С. 49 – 53.

18. Агапкина Т.А. Сретение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М. : «Международные отношения», 2012. С. 53 – 155.
19. Pokorný J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke Verlag, 1959. 1183 s.
20. Толстой Н.И. Гром // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М. : «Международные отношения», 1995. С. 558– 560.
21. Зуева Е.А. Изучение кашубского диалекта в курсе лексикологии польского языка // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. Брест: БрГУ, 2016. Ч. 1. С. 93 – 99.
22. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Nakladatelství Československé akademie věd , 1957.628 s.
23. Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М. : «Международные отношения», 2004. С. 194 – 199.
24. Erben K. Jména *mesicu slovanska vubec a česká zvláště*// Časopis českého musea, 1849. Praha : České Museum (Prag). 23/1. S. 133– 176.
25. Shuster-šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober und niedersorbischen Sprache. Bautzen: Domowina – Verlag. 1983. S. 849 – 928.
26. Агапкина Т.А. Пасха // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М. : «Международные отношения», 2004. С. 641 – 646.

References

1. Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vol. Vol. 6. / ed. V.I. Chernyshev. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 1460 p.
2. Zaroff R. Measurement of Time by the Ancient Slavs // Studia Mythologica Slavica. Ljubljana, 2016. № XIX. P. 9– 39.
3. Miklosich, F. The Slavic name of the month. Vienna: From the imperial-royal court and state printing works, 1867. 32 p.
4. Kovalev G.F. Introduction to Slavic Philology: Part 1. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2017. 77 p.
5. Gusev V.E. Essays on Slavic Culture: Letters. Articles. Reports. Field materials. SPb. : RIII, 2012. 248 p.
6. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. Vol. 3. M.: Azbuka-Terra, 1996. 832 p.
7. Hołyńska-Baranowa T. Ukrainian names of months against the Slavic background. Wrocław-Warsaw-Kraków: National Institute. Ossoliński, 1969. 129 pp.
8. Vinogradova L.N., Plotnikova A.A. Christmas // Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Under the general. ed. N.I. Tolstoy. Vol. 4. M.: International Relations, 2009. P. 454-460.
9. Bochenek A. Names of winter months in Croatian and Polish literary language // Student Scientific Notebooks of the Institute of Slavonic Philology. Krakow, 2012. Special Note. S. 5-34.
10. Vinogradova L.N. Colinda // Slavic antiquity. Ethnolinguistic dictionary / / Under the general. ed. N.I. Tolstoy. T. 2.M. : International relations, 1995. P. 570 - 575.
11. Mordovina L.V., Myagchenko G.Yu., Ulieva O.V. Semantics and semiotic foundations of Proto-Slavic mythology // Anthropology of culture. Tambov, 2012. No. 2 (3). S. 75-89.
12. Vyalkina L.V. Winter and Summer // Russian Speech. M.: "Science", 1968. No. 4. P. 97-100.
13. Rybakov B.A. Paganism of ancient Russia. M. : Academic Project, 2013.806 p.

14. Slupski A. Kashubian names of the month // Scoreboard for Slavic Philology XXV. Graz: Academic Printing Publishing house, 1997. pp. 187 - 204.
15. Propp V.Ya. Russian agricultural holidays. SPb. : "Terra", 1995. 176 p.
16. Reindl D.F. Evidence for the Germanic Origins of Some Slovene Month Names // Slovene Studies Journal. 1993. №1-2. S. 169 – 178.
17. Ivanova I.A., Suvorova N.V. Naming the religious holiday The Presentation of the Lord in Russian and Polish // Bulletin of Ivanovo State University. 2018. Issue 1 (18). P. 49 - 53.
18. Agapkina T.A. Candlemas // Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Under the general. ed. N.I. Tolstoy. Vol. 5. M.: "International Relations", 2012. P. 53 - 155.
19. Pokorny J. Indo-European Etymological Dictionary. Bern; Munich: Francke Verlag, 1959. 1183 p.
20. Tolstoy N.I. Thunder // Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Under the general. ed. N.I. Tolstoy. Vol. 1. M.: "International Relations", 1995. P. 558-560.
21. Zueva E.A. Studying the Kashubian dialect in the lexicology course of the Polish language // Slavic languages: system-descriptive and sociocultural aspects of the study: collection of scientific papers. Brest: BrSU, 2016. Part 1. P. 93 - 99.
22. Machek V. Etymological Dictionary of Czech and Slovak Language. Prague: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. 628 p.
23. Agapkina T.A. Shrovetide // Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Under the general. ed. N.I. Tolstoy. Vol. 3. M.: "International Relations", 2004. P. 194 - 199.
24. Erben K. Names of the Month of the Slavic Month and the Czech Special // Časopis české musea, 1849. Prague: Czech Museum (Prag). 23/1. P. 133-176.
25. Shuster-šewc H. Historical-etymological dictionary of Upper and Lower Sorbian. Bautzen: Domowina - publishing house. 1983. P. 849 - 928.
26. Agapkina T.A. Easter // Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Under the general. ed. N.I. Tolstoy. Vol. 3. M.: "International Relations", 2004. P. 641 - 646.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 821

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79805301350
e-mail: kafedra_rus@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, full professor,
the head of the chair
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, tel. +79805301350
e-mail: kafedra_rus@mail.ru

Институт государственной службы
и управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры управления персоналом
Коростылева Н.Н.
e-mail: nn.korostyleva@igsu.ru

Russian academy of national economy and
public service under the President
of Russian Federation
The institution of public service
and management
The chair of personnel management
Doctor of Philology, full professor
Korostyleva N.N.
e-mail: nn.korostyleva@igsu.ru

Л.В. Ковалева, Н.Н. Коростылева

КОНЦЕПТ И СПОСОБЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ: СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются современные подходы к пониманию концепта как мыслительной категории, его структуры, состоящей из нескольких уровней, начиная от перцептивного (чувственного) до абстрактного (базового). Процесс мышления способствует постоянному изменению структуры концепта, что приводит к метафорическому или метонимическому сдвигу и появлению когнитивной метафоры и метонимии. В статье приводятся примеры репрезентации концептов в системе языка таких, как словосочетания и предложения. Концепт проходит перекодировку в мозге человека, репрезентируясь в языковой системе. Этот код не зависит от специфики национального языка, он универсален и имеет надязыковый характер. В результате когнитивного метафорического сдвига происходит абстрагирование от конкретного образа (текущий поток воды), семы перегруппируются (некоторые активизируются, некоторые «погашаются»); когнитивный метафорический сдвиг способствует переходу абстрагированного образа (продолжительность во времени) на более высокий уровень абстракции и образуется новый фразеологический концепт, а на семантическом уровне – новый фразеологизм. Однако концепт, являясь универсальным феноменом, вербализуется в разных языках по-разному в зависимости от историко-культурных особенностей той или иной страны. Примеры, приведенные в статье, показывают различия в наборе фразеологических единиц, поскольку в своей образной основе они отражают этнический быт, традиции, обычаи, которые являются сугубо специфическими, но концепты как ментальные явления являются универсальными и не изменяются, поэтому и возможно взаимопонимание людей.

Ключевые слова: концепт, мышление, универсальность, метонимический и метафорический сдвиг, надязыковый характер концепта.

L.V. Kovaleva, N.N. Korostyleva

THE CONCEPT AND THE WAYS OF ITS LANGUAGE REALIZATION: MODERN METHODOLOGY

The article sites modern approaches to the understanding of the concept as a category of thinking and its structure consisting of several levels, from perception to the abstract (fundamental) one. The process of thinking constantly causes changes in concept structure, which leads to formation of cognitive metaphors and metonymies. The article gives the examples of concept realization in language system, e.g. word combinations and sentences. The concept change its code in human brains being represented in language system. This code does not depend on national specific of the language, it has universal and meta-language character. As a result of cognitive metaphoric transformation, a certain image becomes more abstracted; meaning elements are regrouped; cognitive metaphoric transformation fosters transition of the abstracted image to a higher level of abstraction and formation of a new idiomatic concept and a new idiom (on the semantic level). However, the concept, being a universal phenomenon, is verbalized differently in different languages, depending on historical and cultural specificity of this or that country. The examples given in the article demonstrate the difference in the set of idioms because their images reflect national customs and traditions. But the concept as a mental phenomenon is universal and does not change, that is why they can be understood by representatives of different nations.

Key words: concept, thinking, universal character, metaphoric and metonymical transformation, meta-language character of the concept.

Когнитивное направление в языкознании XXI века подразумевает интеграцию различных дисциплин, интересующихся получением, трансформацией и передачей знаний человека об окружающей действительности. Если ученых в XX веке интересовала традиционная сфера языковых исследований, и лингвистика являлась узкоспециальной дисциплиной, то современная когнитивная лингвистика междисциплинарна. Она объединяет такие дисциплины, как психология, философия, нейрофизиология, этнология, психолингвокультурология и др. Когнитивная лингвистика, вбирая достижения разных наук, у которых свой собственный объект исследования, является связующим звеном для многих наук когнитивного цикла. Это способствует исследованию проблемы порождения знания, получения и переработки информации, хранения ее в мозге человека и взаимодействия его с окружающей природой.

Считается, что возникновение когнитивистики в России приходится на середину 70-х годов. Основателями ее являются великие русские ученые Л.С. Выготский [1], А.Р. Лурия [2]. Большую роль в возникновении этой науки сыграли американские ученые. Еще во второй половине 1950-х годов Н. Хомский опубликовал свой труд по генеративной лингвистике, ставшей основой для зарождения теории информации, которой стали заниматься психологи и математики. Монография Д. Броудбента «Перцепция и коммуникация» [3] послужила объединением таких наук, как лингвистика, психология и математическая логика.

Поворот исследований в когнитивное русло предоставляет огромные возможности для изучения различных сторон языка, анализа процессов, в нем происходящих, освоения механизмов соотношения языковых и когнитивных структур.

Новая когнитивная парадигма лингвистических исследований в нашей стране была заложена в трудах отечественных ученых Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука, А.К. Жолковского. В настоящее время в русле данного направления работают многие наши соотечественники: Е.С. Кубрякова, Т.В. Черниговская, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов и многие другие.

Главной единицей когнитивной науки является концепт. В настоящее время разработано много определений концепта. Одни ученые придерживаются того мнения, что концепты – это единицы сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт [4; с. 90], другие считают концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания [5; с. 17]. Но большинство ученых признают тот факт, что человек мыслит концептами, ком-

бинирует, преобразует их, в результате чего в ходе мышления формируются новые концепты.

Таким образом, концепты – это комплексная ментальная структура, представляющая собой отражение реальной действительности в мозгу человека.

Концепт представлен совокупностью различных уровней, отражающих как реальное окружение (перцепция), так и определенную степень абстракции. Концепты, содержащиеся в сознании человека информацию, полученную органами чувств, являются чувственными, или перцептивными концептами, которые относятся к нижнему уровню абстракции. Концепты, полученные в результате мыслительных операций человека, называются концептуальными концептами и относятся к более высокому уровню абстракции. В сознании человека происходит взаимодействие – комбинирование и структурирование концептуальных и перцептивных концептов, в результате которого образуются абстрактные, или базовые концепты.

Таким образом, несмотря на различные позиции в отношении концепта, многими учеными отмечается, что концепты – мыслительные образования, а значения слов формируются на концептуальном уровне, в когнитивной системе. Американский ученый У.Т. Фитч, рассматривая эволюцию языка, считает, что концепт предшествует языку, образуясь раньше языковых структур, то есть он сформирован до того, как станет известно обозначающее его слово. При таком подходе сначала концепт обозначается словом или предложением, а затем он служит основой для идентификации референтов в окружающем мире, и это происходит с использованием когнитивных процессов и механизмов восприятия, которые биологически предшествуют языку [6; с. 152]. Следовательно, концепт является долингвистическим явлением. Творческий процесс мышления способствует постоянному изменению структуры концепта: увеличивается его объем, содержание, количество образов, появляются новые концепты, основанные на ассоциативности и сходстве.

В настоящее время перспективным направлением в когнитивной лингвистике является исследование когнитивной метафоры и метонимии. Многие исследователи, анализируя метафорический сдвиг, пришли к выводу, что он является когнитивной моделью [7]; [8]; [9]; [10], что способствует употреблению слов в переносных, то есть метафорических и метонимических значениях. Разрабатываются новые методы корпусной лингвистики, которые применяются в исследовании концептуальной метафоры. Многообразие типов концептов предполагает и многообразие видов и способов их репрезентации в системе языка. Способом вербализации является кодирование окружающей действительности, ее перекодировка в особый код в мозге человека, ответственный за презентацию смыслов.

Перцептивное (наглядно-чувственное) мышление фиксирует как отдельные образы, так и целые ситуации, опираясь на психологический эксперимент и собственные наблюдения. Исследователи Воронежской лингвистической школы приводят доказательства, подтверждающие данную точку зрения. Они считают, что концепт, сформированный в результате мыслительной деятельности человека, должен пройти перекодировку при переходе в языковую систему. Этот код не зависит от специфики национального языка, он универсален и имеет надязыковый характер [11; с. 30]. Единицей концепта является смысл, а единицей семантики языка – сема.

Рассмотрим репрезентацию концепта *быстротечность времени* фразеосочетанием «Много воды утекло».

Реальная жизненная ситуация (концепт), вербализованная словосочетанием *много воды утекло*, в которой глагол *течь* имеет значение ‘литься, струиться в каком-либо направлении’, реализует мыслительный образ потока воды, который течет продолжительное время, а лексема *много*, обозначающая ‘достаточно большое количество или в избытке’, подчеркивает продолжительность.

Таким образом, реальная ситуация *Много воды утекло* преобразуется в результате созданного мыслительного образа воды (протекать, утекать, струиться) на основе когнитивного сдвига в коннотативную и переносится на любое другое действие, связанное с продолжительным промежутком времени.

На языковом уровне образование фразеосочетания *Много воды утекло* происходит следующим образом: семема *много воды* имеет несколько потенциальных сем – *текучесть, жидкое состояние* («долго течь, долго утекать»), *большое количество, значительно*; в результате семантического сдвига данные семы перегруппируются, расширяя значение до уровня любого долгого действия, связанного со временем, вследствие чего появляется коннотативное словосочетание – фразеологизм со значением *прошло много времени*.

Итак, процесс образования фразеологизма *прошло много времени* на вербальном уровне представляет собой абстрагирование от конкретного образа денотата в результате метафоризации и сем, входящих в его состав.

Это выглядит так: концепт (мыслительный образ *долго текущий поток воды*) путем кодирования переходит на семантический уровень и вербализуется словосочетанием *много воды утекло*, и образуется денотат.

В результате когнитивного метафорического сдвига происходит абстрагирование от конкретного образа (текущий поток воды), семы перегруппируются (некоторые активизируются, некоторые «погашаются»); когнитивный метафорический сдвиг способствовал переходу абстрагированного образа (*продолжительность во времени*) на более высокий уровень абстракции и образуется новый фразеологический концепт, а на семантическом уровне – новый фразеологизм. Фразеологизм, таким образом, выступает репрезентантом фразеологического концепта.

Из сказанного можно заключить, что рассмотренный процесс выявляет основные закономерности развития концепта во фразеологизм и пути его образования.

Рассматриваемый нами процесс образования концепта показал, что в нем участвует метафорическая перестройка, реорганизация, абстрагирование мыслительных образов, полученных при взаимодействии с окружающей действительностью. Такое перераспределение основывается на когнитивных связях в мозге познающего их человека.

Как было сказано выше, образование концептов представляет собой универсальное явление, но, реализуясь в языковой системе того или иного народа, имеет специфический национальный характер и определяется историческими и культурными особенностями стран.

Приведем несколько примеров концептов и их реализации в русском и немецком языках. Концепт *прекращение отношений между людьми* в русском языке репрезентируется следующими фразеосочетаниями: *от ворот поворот, с корнем вырвать, выставить за дверь, послать к черту*.

В немецком языке данный концепт основывается на других образных категориях. Например *jemanden vor die Tür setzen* ('посадить кого-либо перед дверью'), *jemanden zum Kuckuck schicken* ('послать кого-либо к кукушке'), *von Tisch und Bett geschieden* ('отделиться от стола и кровати'), *jemandem zum Mond schießen* ('послать кого-либо на луну') *jemandem einen Korb geben* ('дать кому-либо корзину'). Последний фразеологизм наглядно показывает, как древний немецкий обычай дарения корзины в знак благосклонности к даме (денотативная ситуация) путем абстрагирования от нее создает отвлеченный образ (концепт) на согласие принять или отклонить определенные намерения (вернуть корзину дарителю).

Концепт *социальное положение людей в обществе* представлен разными вариантами.

Бедственное положение людей в русском языке выражается следующими фразеосочетаниями: *ни кола ни двора, ни ложки ни плошки, перебиваться с хлеба на квас, дырявые карманы* и т.д. Данный концепт в немецком языке будет реализован следующими фразеосочетаниями: *vor leeren Schüsseln sitzen* ('сидеть перед пустыми мисками'), *sein Brot mit Tränen essen* ('есть свой хлеб со слезами'), *nicht das Salz zur Suppe haben* ('не иметь соли к супу').

Богатство репрезентируется в русском языке следующими фразеосочетаниями: *денег куры не клюют, он журует, он золотой мешок* и др. Данный концепт немцы вербализуют на основе ментальных образов: *ein grosses Haus führen* ('вести большой дом'), *die melkende Kuh sein* ('быть дойной коровой'), *einen reich gedeckten Tisch haben* ('иметь богато накрытый стол'), *in ein gemachtes Bett gehen* ('идти спать в приготовленную кровать') и др.

Концепт *умный человек* в русском языке реализуется фразеосочетаниями: *стоумовый, не лыком шит, за словом в карман не полезет*, в немецком – *Jemand ist nicht hinter dem Mond* ('кто-то находится не сзади луны').

Концепт *глупый человек* в русском языке реализуется: *у него не все дома, мешок с соломой, пень березовый, быть дубом, мякина в голове*. Данный концепт немцы выразят следующим образом: *ein Brett vor dem Kopf haben* ('иметь доску перед головой'), *jemand hat Späne im Kopf* ('у кого-то опилки в голове'), *jemand hat eine weiche Birne* ('у кого-либо мягкая груша'), *den Esel erkennt man an den Ohren* ('осла узнают по длинным ушам'), *armes Schwein* ('бедная свинья').

Итак, как видно из примеров, лексическая репрезентация концептов в разных языках зависит от национальной специфики способов мышления, а также особенностей концептуализации мира. В данном случае примеры в русском и немецком языках показывают, что представленные фразеосочетания формируются на базе разных культурно-исторических особенностей развития конкретных стран и народов, на базе своеобразного национального понимания и категоризации окружающей действительности, поэтому они являются сугубо специфическими, но концепты как ментальные явления являются универсальными и не изменяются, поэтому и возможно взаимопонимание людей.

Когнитивная деятельность – это универсальное явление, способствующая осуществлению категоризации окружающего мира. Когнитивная деятельность, образуя концептуальную систему, обеспечивает объективизацию концептов. Будучи универсальным явлением, когнитивная деятельность обладает специфическими характеристиками в каждом конкретном языке и этнокультуре, проявляющимися в лексических репрезентантах.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. М.: Лабиринт, 2001. 368 с.
2. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979. 320 с.
3. Broadbent D. E. Perception and communication. London: Pergamon Press, 1958. 338 p.
4. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 245 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
6. Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 768 с.
7. Carbonell, J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning // Cultural models in language and thought. Cambridge, 1988. P. 18-32.
8. Goatley, A. The Language of Metaphors. Routledge; London; New York, 1997. 380 p.
9. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. М.: МГУ, 1997. С. 350-355.
10. Петров В.А. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-142.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 190 с.

References

1. Vygotsky L.S. Thinking and speech. Psyche, consciousness, subconsciousness. Moscow, 2001. 368 p.
2. Luria A.R. Language and consciousness. Moscow, 1979. 320 p.
3. Broadbent D. E. Perception and communication. London: Pergamon Press, 1958. 338 p.
4. Kubryakova E.S. A brief dictionary of cognitive terms. Moscow State University, 1996. 245 p.
5. Alefirenko N.F. Poetic energy of the word. Synergy of language, consciousness and culture. Moscow, 2002. 394 p.
6. Fitch U.T. Language evolution. Moscow, 2013. 768 p.
7. Carbonell, J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning // Cultural models in language and thought. Cambridge, 1988. P. 18-32.
8. Goatley, A. The Language of Metaphors. Routledge; London; New York, 1997. 380 p.
9. Chenky A. Semantic in cognitive linguistic // Fundamental directions of modern American linguistics. Moscow State University, 1997. P. 350-355.
10. Petrov V.A. The metaphor: from semantic ideas to cognitive analysis // The issues of linguistics. 1990. Vol. 3. P. 135-142.
11. Popova Z.D., Sternin I.A. Sketches on cognitive linguistics. Voronezh, 2001. 190 p.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 882 (070.11)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
заведующий кафедрой журналистики
Института общественных наук и массовых
коммуникаций
доктор филологических наук, профессор,
Полонский А.В.
Россия, г. Белгород, тел. +7 (4722)301187
e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru*

*Belgorod State national Research University
The Head of the Department of Journalism at
the Institute of Social Sciences and Mass
Communications, Doctor of Philology,
professor, Honored
Polonskiy A.V.
Russia, Belgorod, tel. +7 (472)2301187
e-mail: polonskiy@bsu.edu.ru*

*Белгородский университет кооперации,
экономики и права
заведующий кафедрой русского языка
и деловых коммуникаций
кандидат филологических наук, доцент
Глушкова В.Г.
Россия, г. Белгород, тел. +7(4722)317350
e-mail: valentina.glushkova@gmail.com*

*Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
The Head of the Department of the Russian
Language and Business Communications, PhD
in Philology, Associate Professor
Glushkova V.G.
Russia, Belgorod, tel. +7(4722)317350
e-mail: valentina.glushkova@gmail.com*

А.В. Полонский, В.Г. Глушкова

ЖУРНАЛ «НИВА»
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Серебряный век – уникальный период в русской культуре рубежа XIX–XX столетий, до предела насыщенный мировоззренческими исканиями, осмыслением новых и получивших уже статус культурной традиции идей, концепций, художественных форм и социальных практик. Творческий порыв и немислимая свобода самовыражения, интеллектуальная и эмоциональная раскованность, вызов, дерзновенность или даже дерзость, эксперимент, жесткая идейно-ценностная экспертиза еще вчера не вызывавших никаких сомнений нравственных утверждений и эстетических концепций, попытки по-новому, перенастроив параметры общественно-оценочного внимания, с разных перспектив увидеть себя, свой опыт разума и души, – все это нашло яркое отражение как в философской мысли этого периода, в науке и искусстве, так и в повседневной жизни человека. Неотъемлемой частью рубежной эпохи являются журналы, отразившие многообразие интеллектуально-нравственного и эстетического бытия российского общества. В статье предметом исследовательского внимания является журнал «литературы, политики и современной жизни» «Нива» (1870–1918) в аспекте особенностей репрезентации на его страницах культуры Серебряного века.

Ключевые слова: российское общество, культура, Серебряный век, журнал «Нива», А.Ф. Маркс, В.Я. Ивченко, иллюстрированный семейный еженедельник, энциклопедический путеводитель.

A.V. Polonskiy, V.G. Glushkova

THE MAGAZINE «NIVA» IN THE CONTEXT OF SILVER AGE CULTURE

The Silver age is a unique period in Russian culture at the turn of the XIX–XX centuries, filled to the limit with worldview searches, comprehension of new and already received the status of cultural tradition of ideas, concepts, artistic forms and social practices. The creative impulse and unimaginable freedom of expression, intellectual and emotional freedom, challenge, courage or even audacity, experiment, strict ideological and value-oriented examination ethical claims and aesthetic concepts that yesterday causes no doubt, attempts to find a new way, from different perspectives to see ourselves, our mind and soul, – all this was clearly reflected in the philosophical thought of this period in science and art, and in everyday life. An integral part of the epoch are magazines that reflect the diversity of intellectual, moral and aesthetic life of Russian society. In the article, the subject of research attention is the journal "literature, politics and modern life" "Niva" (1870–1918) in the aspect of the features of representation the culture of the Silver age on its pages.

Key words: Russian society, culture, Silver age, «Niva» magazine, A.F. Marx, V.Ja. Ivchenko, illustrated family weekly magazine, encyclopedic guide.

Серебряный век в истории русской культуры, приходящийся на рубеж XIX–XX столетий, – уникальный период, до предела насыщенный мировоззренческими исканиями, осмыслением новых и получивших уже статус культурной традиции идей, концепций, художественных форм и социальных практик. В этот короткий период, названный Н.А Бердяевым, «русским духовным ренессансом» [1], в острейшей философско-эстетической полемике, не единожды срывавшейся в настоящее интеллектуальное сражение и вынесение «вежливо-убийственных» [2, с. 241] приговоров, формировался новый взгляд на человека, на политические, общественные, культурные, духовно-нравственные и эстетические основания его жизни.

Творческий порыв и немислимая свобода самовыражения, интеллектуальная и эмоциональная раскованность, вызов, дерзновенность или даже дерзость, эксперимент, жесткая идейно-ценностная экспертиза еще вчера не вызывавших никаких сомнений нравственных утверждений и эстетических концепций, попытки по-новому, перенастроив параметры общественного оценочного внимания, с разных перспектив увидеть себя, свой опыт разума и души, чтобы прийти к «внутреннему равновесию, найти ответы на вопросы, распутать узлы» [3, с. 433], – все это нашло яркое отражение как в философской мысли, науке и искусстве этого периода, так и в повседневной жизни человека. Каждый стремился предьявить свое аналитическое или эстетическое воодушевление, свое видение, свое прочтение, свой стиль, внести свое слово, метафору и интонацию в полифоническую партитуру эпохи. «С этого момента Россия, – как замечает У. Перси, – становится соучастницей уже захлестнувшей остальную Европу великой эйфории, нарушающей все догмы благонамеренных людей» [4, с. 121].

Как бы исследователи ни определяли сегодня содержательно-смысловые, идейно-эстетические и хронологические границы Серебряного века [5-13], он, безусловно, связан как с многообразием имен и судеб людей [14], одаренных, думающих, настроенных на перемены, способных замечать события и включать их исторические, культурные, политико-идеологические, нравственные и стилистические контексты в сферу своей мысли и социальных практик, – людей, создававших силой своей творческой энергии культурный ландшафт эпохи, так и с множеством новых концептов, обретавших в уникальном опыте жизни российского общества форму идей, понятий, теорий, проектов, манифестов, поступков и артефактов.

Настоящими символами Серебряного века, «мятежного, богоищущего, бредившего красотой» [15, с. 258] и стремлением «спасти мир, лежащий в руинах» [4, с. 22], стали полный вызова и интриги, крамолы и энергии переворота «Черный квадрат» Казимира Малевича, хореографические фантазии Михаила Фокина в знаменитых «Половецких плясках», разрушавшие границы не только между культурами Востока и Запада, но и между миром людей и миром «диких зверей», «заумный язык» неистового изыскателя слов Велимира Хлебникова, мистификации Макси-

милиана Волошина, идеи ницшеанского сверхчеловека и многое-многое другое, что отражало дерзновенность мысли, энергию души и творческую смелость.

Неотъемлемой частью Серебряного века являлись и журналы [16]; [4, с. 67–78], выполнявшие свою «роль руководителя общественного мнения» [17, с. 41]. Выразителями ренессансного сознания, рупорами новых идей и художественно-эстетических устремлений являлись, безусловно, такие журналы, как «Мир искусства» (1899–1904 гг.), инициаторами которого были А.Н. Бенуа и С.П. Дягилев и который объединял вокруг себя «любителей изящного», тех, кто в диалоге с хорошо подготовленным в интеллектуальном и эстетическом отношении читателем стремился воплотить в художественной форме свой стиль самовыражения, свой отказ от предшествующего опыта, от утратившего выразительную силу языка и вплотную, как писал А. Бенуа, «приблизиться к культурному Западу, к чисто художественным исканиям иностранных школ...» [18, с. 71].

Однако в этот период выходили и другие периодические издания, предназначенные для широких слоев читательской аудитории и отражавшие многообразие интеллектуально-нравственного и эстетического бытия российского общества. Среди них – журнал «литературы, политики и современной жизни» «Нива» (1870–1918 гг.), имевший огромное количество приложений, которые включали сочинения российских и зарубежных писателей, художественные альбомы, портреты, выкройки, календари и т.п. Особенности репрезентации на страницах журнала «Нива» культуры Серебряного века и являются предметом исследования в данной статье.

Эмпирическим материалом исследования стал корпус журналов «Нива» [19] за период 1895–1918 годов. В сферу анализируемого материала не включались традиционные для журнала приложения, ввиду того что они, благодаря своему количеству и разнообразию, требуют отдельного аналитического описания.

Актуальность заявленной проблематики обусловлена, с одной стороны, ростом исследовательского интереса к средствам массовой информации, к культурно-историческим контекстам их функционирования и к производимым ими социальным эффектам, к *истории* и культуре России, а с другой – значимостью опыта журнала «Нива» как одного из тех популярных изданий, которые определяли характер культурного пространства российского общества, его вкусы, потребности, взгляды, манеру мыслить и чувствовать.

Журнал «Нива» уже находился в поле зрения исследователей. Комментарии о нем находим в учебных пособиях и обзорных статьях, посвященных истории отечественной журналистики и СМИ [20–26]. В них журнал «Нива» рассматривается как предназначенный для семейного чтения «тонкий» общественно-политический иллюстрированный еженедельник, как «компромиссный тип журнального издания, в наибольшей степени отвечавший задачам прессы в сложный период войн и революций» и соединивший в себе «черты ежедневной газеты и толстого ежемесячника. Еженедельный выход позволял быстрее, чем журналу “обычного русского типа”, откликаться на события. В то же время гораздо больший, чем у газеты, объем и возможность дольше готовить и обдумывать материал давали еженедельнику то преимущество “обобщающего освещения”, которым гордились толстые издания» [24, с. 93].

Более развернутый анализ журнала «Нива», особенностей его функционирования, характера публикуемых в нем материалов представлен в работах Е.А. Динерштейна, Е.Х. Ким, Е.Ю. Пушкикарской и некоторых других авторов [27, с. 25–52]; [28]; [29]. Исследователи, как правило, относят «Ниву» к тем журналам, деятельность которых обуславливалась не мировоззренческим, не идейно-содержательным и не творческим факторами, а экономическим, рыночным, жестко определявшим их стратегии формирования контента и взаимодействия со своей аудиторией, и которые напрямую были связаны с процессами формирования массовой культуры конца XIX – начала XX вв. с присущими ей развлекательностью, сенсационностью, неосложненностью мысли и формы, простотой суждений и действий. Так, Д.Я. Сухотерин, резюмируя свои наблюдения и выводы, замечает: «Читательская аудитория журнала “Нива” в полной мере “отдалась в объятия” массовой культуры» [30, с. 104].

Все это, безусловно, нужно иметь в виду, когда речь идет об изданиях подобного типа, в том числе и о «Ниве». Известно письмо Н.С. Лескова (1894 г.), в котором он делится своими размышлениями о журнале: «Я еще перелистывал “Ниву” и все искал там добрых семян для засеивания молодых душ и не нашел их: все старая, затхлая ложь, давно доказавшая свою бессильность и вызывающая себе одно противодействие... Как бы интересно было прочесть сколько-нибудь умную и сносную критику изданий этого типа, которые топят семейное чтение в потоках старых помой, давно доказавших свою непригодность к лицемерию» [31]. Тем не менее «Нива» заслуживает, на наш взгляд, внимания как журнал, не только занимавший «аудиторию чтением», показывавший «пример, на который стоит равняться», предлагавший «модель определенного жизненного опыта» и оказывавший таким образом влияние на развитие личности [32], но и вносящий свой, соразмеренный с целевой аудиторией вклад в формирование эстетико-смыслового пространства культуры Серебряного века, ее интеллектуального и эмоционального опыта, ее стилистической манеры мысли и письма.

Цель нашей работы – наметить перспективы исследования журнала «Нива», опыта его функционирования в художественно-эстетическом контексте Серебряного века, эпохи сложной, неоднозначной, со многими «умственными окошками» (идеями) [33, с. 627] и потаенными ходами.

Исследовательские задачи решались на основе использования совокупности общенаучных методов и применения историко-системного подхода, который позволил сформировать целостное, вписанное в конкретный культурно-исторический контекст представление о журнале, его программе деятельности, практике формирования контента и способах взаимодействия с широкой читательской аудиторией. Метод фронтального просмотра содержания включенных в выборку номеров журнала «Нива» обеспечил возможность собрать репрезентативный эмпирический материал, адекватно представляющий его содержание, тематические разделы и круг связанных с ним авторов.

Журнал «Нива», любимое детище А.Ф. Маркса, его основателя и издателя, имеет долгую историю. Он выходил еженедельно в Санкт-Петербурге с 1870 г. В 1918 г. увидел свет последний его номер [34]. В *истории журнала* отразились сложнейшие перипетии жизни российского общества второй половины XIX – начала XX веков. Это был один из самых популярных в России журналов, тираж которого в начале XX столетия, как известно, доходил до 250000 экземпляров, чем не могли похвалиться никакие другие издания. Особенно показательным этот тираж становится на фоне, например, такого знакового для рубежной эпохи журнала, как «Мир искусства» (1898–1904), который благодаря сотрудничеству В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Ф.К. Сологуба, В.Я. Брюсова и др. вписал ярчайшую страницу в историю Серебряного века, в историю русской мысли и литературы, однако не имел широкой читательской аудитории. Тираж журнала немногим превышал одну тысячу экземпляров.

С момента своего основания журнал «Нива» был нацелен не на развертывание общественных дискуссий относительно тех или иных политических идей и концепций, а на «проведение, – говоря словами А.Ф. Маркса, – в общество чисто семейных здравых начал», все того, что позволяет «сплотить, соединить семью и оказать ей посильную помощь» [35]. Это был своего рода семейный энциклопедический путеводитель по «литературе и современной жизни», предлагавший широкой читательской аудитории один раз в неделю наиболее значимую информацию о текущих событиях, политике, культуре, быте, товарах и услугах на рынке. Благодаря «Ниве» жители не только Санкт-Петербурга и Москвы, но и самых отдаленных уголков России получали возможность узнать о том, что происходит в стране и в мире, в политике и науке, познакомиться с литературными новинками, работами современных художников, с обстоятельствами текущей жизни.

Проведенный нами анализ материалов, опубликованных в журнале «Нива» в период 1895–1918 гг., показал, что редакция журнала «Нива», как и всегда, стремилась «отвечать на запросы широких масс народа через посредство избранных, владеющих даром художественного слова и

обладающих политическими, научными и техническими знаниями» («Нива», 1914. № 52), что определяло принципы отбора «имен», тем для публикации и рекламных обращений.

Каждый номер журнала включал в себя литературно-художественные произведения как отечественных, так и зарубежных авторов. В круг авторов журнала в этот период входили писатели и поэты, различавшиеся своими взглядами, масштабом, творческой манерой, *художественно-эстетическими* принципами (среди них были, например, Г. Гейне, П.П. Гнедич, М. Горький, В.И. Немирович-Данченко, Е.К. Остен-Сакен, В.Я. Светлов, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Н. Тэффи, А.П. Чехов, К.И. Чуковский и многие другие).

Так, среди авторов журнала была Н.Б. Северова (Нордман), жена и помощник художника И.Е. Репина, известная как пропагандист вегетарианской пищи и сторонник движения за раскрепощение женщин. На страницах журнала «Нива» (1900, № 26-27) с иллюстрациями И.Е. Репина появилась ее повесть «Беглянка», в которой она описала наивные мечты своей молодости и неприспособленность к жизни. Эта повесть не отличалась особым литературным талантом, изысканностью стиля, глубиной и интригой мысли, хотя и подкупала неискушенного читателя своей искренностью, незамысловатостью и простотой рассказа.

В то же время «Нива» публиковал литературные произведения (и прозу, и поэзию), отличающиеся безусловной глубиной мысли, самобытностью, оригинальностью, изысканной отточенностью художественного слога, красотой слова, безупречностью вкуса и стиля. Авторы этих произведений, входившие в блистательное созвездие имен Серебряного века (Л.Н. Андреев, А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов, Н. Гумилёв, М. Кузмин, О. Мандельштам, Д.С. Мережковский и др.), отражали саму его суть – «опьянение творческим подъемом» [36, с. 105], преодоление «духовного оцепенения», поиск новых идей и принципов жизни. Публикации подобного рода выводили читателя из круга банальности, бесконечных тавтологий, самодовольной пошлости и, говоря словами А. ван де Вельде, «вялости восприятия» [4, с. 11], характерных для культуры человека, которого эпоха назвала «массовым», предлагая широкой аудитории читателей новый опыт переживания и подсказывая путь к собственной, поисковой мысли. Как говорится в одном из опубликованных в «Ниве» (1901, № 2, с. 251) стихотворении Константина Фофанова:

Сила мысли – великая сила,
Не исчезнет вовеки она;
Только вырыта дерзкой могила,
Смотришь, снова смелей рождена...

А.Ф. Маркс стремился к тому, чтобы в журнале публиковались в том числе молодые, начинающие писатели. Некоторые из них стали классиками русской литературы, например, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский и другие.

Значительным на страницах журнала «Нива» было количество рисунков, репродукций картин знаменитых художников, фотографий архитектурных сооружений, памятников и скульптуры, что объясняется, безусловно, в том числе ожиданиями читательской аудитории, которая зачастую предпочитала визуальный диалог вербальному. В журнале находим репродукции картин пользовавшихся широкой популярностью европейских и российских художников, таких как И.К. Айвазовский, А.Н. Бенуа, Е.М. Бём, Н.Н. Каразин, И.Н. Павлов, Л.О. Пастернак, И.Е. Репин, И.И. Шишкин и др. Особое место среди них занимал Игорь Грабарь, крупнейший мастер пейзажа, натюрморта и портрета, «с головы до пят мирискусник» [37], как о нем говорили. Художник любил напоминать слова С. Дягилева: ««мирискусники» – не «нарциссы», любящие только себя... они через себя как наиболее впечатлительных, все замечающих и чутких современников преданно любят, ценят и уважают все истинно прекрасное» [38]. Игорь Грабарь – чрезвычайно многогранный человек. Для журнала он не только делал иллюстрации и готовил обзоры выставок, писал биографии художников и юмористические рассказы, но и готовил художественную рекламу. О его таланте, эстетической чуткости и вкусе свидетельствует, в частности, созданная им афиша, ко-

торая была представлена на одной из Международной выставок и опубликована в журнале «Нива» (1897 г., № 50, с. 1157).

На страницах журнала (№ 12, 1902 г.) находим фотографию фрагмента «Памятника мертвых» скульптуры «Плачущая девушка» (1899 г.), автором которой был модный французский скульптор П.-А. Бартоломе (1848–1928). В своих работах он создает мир, наполненный элегическими интонациями. Одна из самых значительных его работ – величественный «Памятник мертвым» (кладбище Pere Lachaise, Париж), который он называл «Вратами в потусторонний мир», – изображает вереницу людей, с надеждой, болью или страхом движущихся к мрачным вратам вечности. Памятник отражает эстетику символизма 1890-х годов, с зарождением которого в России, как известно, начинается период *Серебряного века*.

В рубрике «Портреты и биографии» читатели «Нивы» знакомились с судьбами выдающихся современников и людей, отмеченных в разные эпохи на поприще государственной, общественной, научной, литературно-художественной, театральной деятельности (М.С. Волконский, А.Ф. Маркс, Г. Сенкевич, М. де Сервантес и др.). Их след в истории и культуре был ощутим, понятен и интересен самой широкой аудитории. Среди них находим и Ф. Ницше [39], философию которого Н.А. Бердяев охарактеризовал как «самое сильное западное влияние на русский ренессанс» «наряду с Вл. Соловьевым» [40, с. 246]. В журнальной статье, кроме биографических данных философа, сообщалось, что его учение приспособлено для понимания большинства «так называемых интеллигентных людей» и что в России он многими признан как «властитель дум» (1900, № 35).

В журнале «Нива» периода рубежа XIX–XX веков богато представлены зачастую с иллюстративным сопровождением очерки, статьи, разного рода сообщения (в том числе в разделе «Смесь»), в которых в популярной форме освещались научные, исторические, политические темы, затрагивалась художественно-эстетическая и повседневно-бытовая проблематика (например, «Дом, где жил Гоголь в Риме», «Борьба с алкоголизмом», «Моторная телега», «Валаамский монастырь», «Дальний Восток» и др.). Среди вестей с Дальнего Востока, информации о «невидимых» драгоценностях Японии и «столкновении кита с телеграфным кабелем» на страницах журнала находим также небольшое сообщение о первом русском женском съезде, в котором говорилось, что «Всероссийский Женский Съезд открылся при всероссийском одобрении» (1909 г., № 1), идея которого, как известно, мучительно и долго воплощалась в жизнь. Как тут не вспомнить обращенные к женщинам слова императрицы Александры Федоровны, высказанные ею еще в 1836 г.: «В каком бы Вы положении ни очутились, пусть в Вас замечают не Ваш ум, не Ваш талант, а Вашу скромность, сдержанность и женскую добродетель. Не старайтесь блистать, но исполняйте строго и добросовестно Ваши обязанности...» [41].

Обязательными в журнале «Нива» этого периода были не только текущая информация о культуре, политике и общественной жизни, но и реклама. В рекламных сообщениях, безусловно, можно было узнать о разных товарах и услугах («Крым. Гурзуф. Лечебный виноградный сок», «Коньяк Шустова», «Вино “Сен-Рафаэль”. Лучший друг желудка», «Ланолиновое мыло», «Ружья», «Корсеты», «Правильное пищеварение», «Пилюли против ожирения», «Самокрасящие грёбенки “Фор”», «Заикание», «Счастливые красавицы», «Санатории. Дрезден» и т.п.), которые заманчиво, с использованием «соблазняющих» возможностей слова и рисунка предлагал на страницах издания российский рынок. При этом не единичной была и реклама, информирующая о публикации произведений авторов, которые по-разному, но были связаны с «творческой мастерской» Серебряного века. Например, представлялось (1902 г., № 22) «новое роскошно-иллюстрированное издание» «Картин из жизни животных» Н.П. Вагнера, писателя, который рассматривается как предтеча литературы Серебряного века, а его философские сказки и притчи, написанные задолго до этого периода и вошедшие в книгу «Сказки кота-Мурлыки», по своему особому, трагическому мироощущению справедливо считаются близкими к сказкам Серебряного века. Заметим, что сказки оказались особенно востребованными юной аудиторией читателей начиная с девяностых годов XIX столетия.

Порой в рекламных сообщениях женские образы появлялись в «неожиданных» контекстах, например женщина на велосипеде («1000 велосипедов на складе. Разнообразнейший выбор. Товарничество “Ж. Блок”. Обширнейший склад в России», 1899, № 26). «Женский вопрос», как известно, один из важнейших в культуре Серебряного века. Обществу важно знать, кто она – добросовестно выполняющая свои обязанности жена и мать, Прекрасная Дама или равноправный коллега? Не повредит ли велосипед её нравственности?

Необходимо также отметить, что в оформлении самих рекламных сообщений в этот период нередко использовались выразительные возможности узоров, волнообразных переплетающихся линий и черно-белых рисунков (цветка, женского лица, сатира или петуха и т.п.), которые передавали эстетику «русского ренессанса» (например, в № 28, 1902 г. – оформление рекламы «Вечная крыша» или «Перуин идет навстречу желанию всех людей иметь роскошные волосы», в № 20 1905 г. – «Какао Ван-Гетена», «Т-во Эйнем. Москва. Шоколад. Конфеты...», в № 27, 1908 – «Первоклассное средство против перхоти. Есть разные люди...»). Можно сказать, что «Нива» была открыта и в этой сфере эстетическому опыту Серебряного века и в своем формате транслировала его в широкие аудитории.

Заметим также, что долгие годы, с 1904 по 1917 гг., редактором «Нивы» был писатель В.Я. Ивченко (литературный псевдоним В. Я. Светлов), близкий к избранному кругу С.П. Дягилева, петербургских балетоманов, поклонник творчества «божественной босоножки», как мир называл великолепную Айседору Дункан. В.Я. Ивченко всегда высказывался против застоя, однообразия и рутинности на сцене, поддерживал творческие поиски и эксперимент. Как известно, в 1915 г. на сюжет его сказки «Ангел из Фьезоле» Михаил Фокин, о котором в театральных кругах говорили как об *экспериментаторе* или даже разрушителе, поставил в Мариинском театре балет «Эрос». В.Я. Ивченко принимал самое активное участие в составе «Комитета при Сергее Дягилеве» в организации в 1909 году «Русских сезонов» в Париже.

Благодаря В.Я. Ивченко на страницах журнала «Нива» были представлены крупные литературно-художественные силы Серебряного века. Журнал становится достаточно значимым изданием, выделяясь из фона массовых журналов, ориентированных только на невзыскательный вкус.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что журнал «Нива» прочно связан с общим контекстом эпохи рубежа XIX–XX веков, с процессами, которые создавали ее своеобразие во всех сферах жизни и деятельности российского общества. Журнал, безусловно, ориентировался на широкого читателя, на его повседневные интересы и предпочтения, эстетический вкус, на его заинтересованное к себе внимание, был нацелен на поиск тех форм, которые обеспечивали бы эффективное с ним взаимодействие. Журнал отвечал на актуальный запрос той части российского общества, которая не стремилась к особому напряжению своей мысли и души, к креативным практикам жизни и выходу за пределы общепринятого канона. Тем не менее, он удивительным образом объединял, с одной стороны, упорядоченную, опробованную поколениями, повторяющуюся изо дня в день повседневность с присущими ей житейскими потребностями, безотчетным следованием заведенному порядку, моральными принципами, эстетическими стандартами и со стершейся остротой мысли и чувства, а с другой – новые идеи, поиск новой эстетики и способов самовыражения. Соединение традиционного и нового, маркетингового и эстетического, массового и преодолевающего его границы создает особый текст журнала «Нива» рубежа XIX–XX веков. Журнал «Нива» этого периода можно рассматривать как репрезентацию, пусть и непритязательную, неброскую, культуры Серебряного века в массах. Он вносит свой, соразмеренный с целевой аудиторией вклад в расширение социальной базы идей, мотивирующих российское общество к «пробуждению», поиску и новому опыту мысли и чувства.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 3-22.
2. Иванов Г. Петербургские зимы // Серебряный век. Мемуары: Сборник / Сост. Т. Дубинская-Джалилова. М.: Известия, 1990. С. 228-284.
3. Берберова Н. Курсив мой // Серебряный век. Мемуары: Сборник / Сост. Т. Дубинская-Джалилова. Москва: Известия, 1990. С. 431-574.
4. Перси У. Модерн и слово: стиль модерн в литературе России и Запада Москва: Аграф, 2007. 224 с.
5. Березовая Л. Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 4-16.
6. Бычков В. В. Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 47-57.
7. Воскресенская М.А. Серебряный век и русский ренессанс: к вопросу о содержании и соотношении понятий // Университетский научный журнал. 2015. № 14. С. 32-43.
8. Кондаков И.В. “Страшный праздник” русской культуры: памяти Серебряного века // Общественные науки и современность. 2014, № 4. С. 142-166.
9. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и культура Серебряного века. К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева / отв. ред. А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи; сост. Е. А. Тахо-Годи; РАН, Науч. совет «История мировой культуры». М.: Наука, 2005. 630 с.
10. Серебряный век в России / Под ред. В. В. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян. М.: Радикс, 1993. 340 с.
11. Эткинд Е. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 185-194.
12. Damaré V. M. Music and Literature in Silver Age Russia: Mikhail Kuzmin and Alexander Scriabin. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the University of Michigan, 2008. 183 p. // URL: http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/2027.42/60873/1/bmdamare_1.pdf (дата обращения: 10.08.2019).
13. Srebrny wiek w literaturze rosyjskiej / Red. Z. Mieczkowska. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Slawistyki, 1993. 286 s.
14. Тахо-годи Е.А. Серебряный век в судьбах и лицах // Соловьевские исследования. 2012. № 3. С. 178-165.
15. Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века» // Портреты современников. М.: Аграф, 2000. С. 257-580.
16. Каверина Е.А. Художественный журнал Серебряного века как эстетический феномен // Медиалингвистика. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. ред. А.А. Мальшев. 2017. С. 103-105.
17. Есин Б. И. История русской журналистики (1703-1917) в кратком изложении: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2000. 104 с.
18. Лифарь С. Дягилев и с Дягилевым. М.: ВАГРИУС, 2005. 592 с.
19. Архив номеров журнала «Нива» (1870-1918 гг.). URL: <https://runivers.ru/lib/book9158/> (дата обращения - 15.03.2020).
20. Виноградова Л.А. Крупнейшие русские книгоиздательские и книготорговые фирмы // История книжного дела в России (988-1917) (рус.) / под ред. А.А. Говорова. М.: Изд-во МГИ, 1991 // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook019/01/part-009.htm#i327> (дата обращения - 15.03.2020).
21. Воронкевич А.С. Иллюстративные еженедельники в России (1808 – 1904 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 52 с.
22. Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации. Учебное пособие. Ульяновск: УЛГТУ, 2000. 104 с.

23. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890 – 1904 / под ред. Б.А. Бялик. М.: Наука, 1982. 370 с.
24. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
25. Пушкарская Е.Ю. Самый популярный российский журнал XIX века «Нива» и его издатель Адольф Маркс // Perga.ru. 01.10.2011. № 16 (234) // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3021&level1=main&level2=articles>. (дата обращения - 15.03.2020).
26. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М.: МПИ, 1991. 221 с.
27. Динерштейн Е.А. "Фабрикант" читателей: А.Ф. Маркс. М.: Книга, 1986. 256 с.
28. Ким Е.Х. Еженедельный журнал «Нива» о быте, нравах, интересах русского общества на рубеже XIX - XX вв. // Символ науки. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezhenedelnyy-zhurnal-niva-o-byte-nravah-interesah-russkogo-obschestva-na-rubezhe-xix-xx-vv> (дата обращения - 18.03.2020).
29. Кочукова О.В. Поэтические образы освободительной войны России на Балканах (по материалам журналов 1870-х годов «Нива» и «Пчела») // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 141-146.
30. Сухотерин Д.Я. Журнал «Нива» и его читательская аудитория на пути формирования массовой культуры (конец XIX - начало XX в.) // Вестник ВятГУ. 2012. № 4. С. 101-105.
31. Лесков Н.С. Письмо С.Н. Шубинскому. 15 декабря 1894 г. URL: <http://leskov.lit-info.ru/leskov/pisma/pismo-388.htm> (дата обращения - 15.03.2020).
32. Пушкарская Е.Ю. «Нива» как тип массового энциклопедического семейного журнала: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.10. Тольятти, 2011. 23 с.
33. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
34. Нива // Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник. М.: Госполитиздат, 1959. С. 530-531.
35. Шильникова О.Г. Типологический алгоритм «Толстого» журнала в России XIX-XX веков // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskii-algoritm-tolstogo-zhurnala-v-rossii-xix-xx-vekov> (дата обращения - 06.07.2019)
36. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Самопознание: Сборник. М: Бертельсманн, 2014. 400 с.
37. Белый А. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. 126 с. // URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0030.shtml
38. Фокин П.Е., Князева С.П. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX-XX веков. В 3-х томах. СПб.: Издательство: Пальмира, 2007. Т.1. 564 с.
39. Кондаков И.В., Корж Ю.В. Фридрих Ницше в русской культуре Серебряного века // Общественные науки и современность 2000. № 6. С. 176-186.
40. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43-271.
41. Юкина И.И. Первый всероссийский женский съезд // Вы и Мы. Диалог женщин. М.: Эслан, 1998. № 6. С. 13-16. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/yukinar.htm> (дата обращения - 15.03.2020).

References

1. Berdyaev N. A. Russian spiritual Renaissance of the beginning of the XX century and the magazine "Put'" (To the decade of "Put'") // Put'. 1935. No. 49, pp. 3-22.

2. Ivanov G. Petersburg winters // Silver age. Memoirs: Collection / Comp. T. Dubinskaya-Dzhalilova. M.: Izvestia, 1990, pp. 228-284.
3. Berberova N. Italics is mine // Silver age. Memoirs: A Collection / Ed. T. Dubinsky-Jalilova. Moscow: Izvestia, 1990, pp. 431-574.
4. Percy W. Modern and the word: modern style in the literature of Russia and the West Moscow: Agraf, 2007. 224 p.
5. Berezovaya L. G. The Silver age in Russia: from mythology to science: to the question of the content of the concept // New historical Bulletin. 2001. no. 3 (5), pp. 4-16.
6. Bychkov V. V. Esthetics of the Silver age: Prolegomena to systematic study // Question of philosophy. 2007. № 8, pp. 47-57.
7. Voskresenskaya M. A. Silver age and Russian Renaissance: on the question of the content and correlation of concepts // University scientific journal. 2015. № 14, pp. 32-43.
8. Kondakov I. V. "Terrible holiday" of Russian culture: memory of the Silver age // Social sciences and modernity. 2014, no. 4, pp. 142-166.
9. Losev A. F. Vladimir Solovyov and the culture of the Silver age. To the 150th anniversary of V. I. Solovyov and 110th anniversary of A. F. Losev / Ed. by A. A. Tago-godi, E. A. Tago-godi; comp. E. A. Tago-godi; RAN, Scientific Council "History of world culture", Moscow: Nauka, 2005, 630 p.
10. Silver age in Russia / ed. V. V. Ivanov, V. N. Toporov, T. V. Tsivyan. M.: Radiks, 1993. 340 p.
11. Etkind E. Unity of the "Silver age" // Zvezda. 1989. no. 12, pp. 185-194.
12. Damaré B. M. Music and Literature in Silver age Russia: Mikhail Kuzmin and Alexander Scriabin. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the University of Michigan, 2008. 183 p. URL: http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/2027.42/60873/1/bmdamare_1.pdf (date of publication: 10.08.2019).
13. Srebrny wiek w literaturze rosyjskiej / Red. Z. Mieczkowska. Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Slawistyki, 1993. 286 s.
14. Tago-godi E. A. The Silver age in fates and persons // Solovjov studies. 2012. № 3, pp. 178-165.
15. Makovsky S. K. On the Parnassus of the "Silver age" // Portraits of contemporaries. Moscow: Agraf, 2000, pp. 257-580.
16. Kaverina E. A. Art magazine of the Silver age as an aesthetic phenomenon // Metalinguistic. Materials of the II International scientific and practical conference. Ed. by A. A. Malyshev. 2017, pp. 103-105.
17. Esin B. I. History of Russian journalism (1703-1917) in brief: studies. manual. Moscow: Flinta: Nauka, 2000. 104 p.
18. Lifar S. Diaghilev and with Diaghilev. M.: VAGRIUS, 2005. 592 p.
19. Archive of issues of the Niva magazine (1870-1918). URL: <https://runivers.ru/lib/book9158/>
20. Vinogradova L. A. the Largest Russian book publishing and bookselling firms // History of book business in Russia (988-1917) (Rus.) / ed. by A. A. Govorova. - Moscow: MGI Publishing house, 1991 // URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook019/01/part-009.htm#i327>
21. Voronkevich A. S. Illustrated weeklies in Russia (1808-1904). M.: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1985. 52 p.
22. Kozlova M. M. History of domestic mass media. Textbook. Ulyanovsk: UISTU, 2000, 104 p.
23. Literary process and Russian journalism of the end of the XIX-beginning of the XX century. 1890-1904 / edited by B. A. Bialik. Moscow: Nauka, 1982. 370 p.
24. Mahonina S. Ya. History of Russian journalism of the beginning of the XX century. Educational and methodological kit (Textbook, anthology). Moscow: Flinta: Nauka, 2004. 368 p.
25. Pushkarskaya E. Yu. The Most popular Russian magazine of the XIX century "Niva" and its publisher Adolf Marx // Perga.ru. 01.10.2011. № 16 (234) // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3021&level1=main&level2=articles>

26. Reitblat A. I. From Bova to Balmont: Essays on the history of reading in Russia in the second half of the XIX century. - Moscow: MPI, 1991. 221 p.
27. Dinerstein E. A. "Fabrikant" readers: A. F. Marx. M.: Kniga, 1986. 256 p.
28. Kim E. H. Weekly magazine "Niva" about life, morals, interests of the Russian society at the turn of the XIX-XX centuries // Symbol of science. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ezhenedelnyy-zhurnal-niva-o-byte-nravah-interesah-russkogo-obschestva-na-rubezhe-xix-xx-vv> (accessed: 18.03.2020).
29. Kochukova O. V. Poetical images of the liberation war of Russia in the Balkans (based on the materials of the magazines of the 1870s "Niva" and "Pchela") // Izv. Sarat. Un-ta New ser. Ser. History. International relations. 2019. no. 2, pp. 141-146.
30. Sukhoterin D. Ya. Journal "Niva" and its readership on the way of formation of mass culture (end of XIX - beginning of XX Century) // Vestnik VyatGU. 2012. № 4, pp. 101-105.
31. Leskov N. S. Letter To S. N. Shubinsky. December 15, 1894 // <http://leskov.lit-info.ru/leskov/pisma/pismo-388.htm>.
32. Pushkarskaya E. Yu. "Niva" as a type of mass encyclopedic family journal: autoref. dis ... kand. Philol. science: 10.01.10. Tolyatti, 2011. 23 p.
33. Solovyov V. S. Essays in 2 vols. M.: Mysl, 1988. Vol. 2. 822 p.
34. Niva // Russian periodical press (1702-1894): Directory. Moscow: Gospolitizdat, 1959, pp. 530-531.
35. Shilnikova O. G. Typological algorithm of the "Tolstoy" magazine in Russia of the XIX-XX centuries // Vestnik of The VolGUSeries 8: Literary Studies. Journalism. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskii-algoritm-tolstogo-zhurnala-v-rossii-xix-xx-vekov> (accessed: 06.07.2019)
36. Berdyaev N. A. Metaphysics of sex and love. Self-Knowledge: A Collection. M: Bertelsmann, 2014. 400 p.
37. Bely A. Between two revolutions. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. 126 p. // URL:http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0030.shtml
38. Fokin P. E., Knyazeva S. P. the Silver age. Portrait gallery of cultural heroes of the turn of the XIX-XX centuries. In 3 volumes. Saint Petersburg: Publishing house: Palmyra, 2007. Vol. 1. 564 p.
39. Kondakov I. V., Korzh Yu. V. Friedrich Nietzsche in the Russian culture of the Silver age // Social Sciences and modernity 2000. №. 6. pp. 176-186.
40. Berdyaev H. A. Russian idea. The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century // About Russia and Russian philosophical culture: philosophers of the Russian post-October abroad, Moscow: Nauka, 1990, pp. 43-271.
41. Yukina I. I. First all-Russian women's Congress // You and Us. Dialog of women. M.: Eslan, 1998. № 6. P. 13-16 // URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/yukinar.htm>

ЯЗЫК СМИ **LANGUAGE OF MASS MEDIA**

УДК 81'72

*Краснодарский государственный
институт культуры
преподаватель факультета русского языка
как иностранного
Илмаз-Леденева Т.О.
Россия, г. Краснодар, тел. 8-918-454-65-21
e-mail: tal-ilmaz@yandex.ru*

*Krasnodar State Institute of Culture
The department of Russian as a foreign
language The lecturer*

*Ilmaz-Ledeneva T.O.
Russia, Krasnodar, tel. 8-918-454-65-21
e-mail: tal-ilmaz@yandex.ru*

Т.О. Илмаз-Леденева

ТИПЫ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ АККАУНТОВ В ДИСКУРСЕ СМИ

Социальные медиа играют важную роль в процессах медиатизации, порождая общественные феномены и трансформируя коммуникационную структуру общества. Они насыщают информационное пространство и предоставляют новые возможности для реализации социальных потребностей. Анализ материала позволяет говорить об изменении информационной парадигмы в XXI веке: адресат более не является пассивным участником коммуникации, наоборот, он привносит свою интерпретацию рассматриваемого события, тем самым, обогащая знания о мире и обуславливая его модификацию. В данной статье рассматриваются особенности общения в социальных сетях на примере аккаунтов, необходимых для создания личного контента и возможности просмотра контента других пользователей. В статье выдвигается типология личных аккаунтов с характерными для них функциями: аккаунт блогера, имиджевый аккаунт и индивидуально-бытовой. Возникновение сети Интернет позволяет каждому пользователю стать участником социальной сети и при этом в определенной мере сохранить конфиденциальность общения, используя ник вместо имени. В типологии аккаунтов указываются существенные различия характера ведения диалога и использования определенных языковых единиц. При описании аккаунтов учитывается новая среда интернет-пространства для коммерческой деятельности, которая осуществляется при помощи соответствующего типа аккаунтов. Продвижение аккаунта как для коммерческой деятельности, так и в целях саморепрезентации осуществляется при помощи хэштегов. Рассмотрение хэштега как текста позволяет отметить его свойства маркирования слов по темам, вербальную передачу настроения в тексте, а также передачу монологической формы общения в публикации пользователя и ассоциативность.

Ключевые слова: социальная сеть, дискурс, индивидуальный аккаунт, интернет-пространство, диалог.

Т.О. Ilmaz-Ledeneva

TYPES OF PERSONAL ACCOUNTS IN SOCIAL NETWORKING

Social media plays an important role in the process of mediation, the generation of social phenomena and the transformation of the communication structure of society. They are saturated with information space and have new opportunities for fulfilling social needs. An analysis of the material allows us to say that the information paradigm is changing in the 21st century: the addressee is no longer a passive participant in communication, on the contrary, they bring their own interpretation of the event in question, thereby enriching the knowledge of the world and causing its modification. This article presents special features of communication in social networks using the example of accounts necessary to create personal content and the ability to view other users' content. The article puts forward a typology of personal accounts with specific functions. The Internet network allows each user to become a member of a social network. The typology of the account indicates significant differences in the maintenance and use of certain language tools. The account description takes into account the new environment. Promotion of an account for both commercial activities and self-representation is carried out using hashtags. Considering the hashtag as a text allows us to note its

properties of marking words by topic, verbal transmission of mood in the text as well as the transfer of a monologic form of communication in users' publications and associativity.

Key words: social network, discourse, individual account, online space, dialogue.

Социальная сеть представляет собой «общественную структуру взаимосвязанных субъектов, имеющих сходные интересы. Типы таких интересов разнородны – от обсуждения проблем со здоровьем до форумов любителей поэзии. Соответственно, уточнилось понимание социальной сети – теперь это интернет-ресурс, обеспечивающий возможности общения субъектов» [1, с. 50].

Конфигурации и типы социальных сетей разнообразны, выделяются открытые и закрытые, национальные и групповые, деловые и развлекательные, новостные и предметно-ориентированные сети. Благодаря социальным сетям мир превратился, по точному определению М. Маклюэна, в глобальную деревню, жители которой хорошо знают друг друга, хотя могут физически находиться на разных континентах [2].

При регистрации на любом сетевом ресурсе необходимо создать аккаунт, который иногда называется профилем. Аккаунт — это учетная запись пользователя, которая содержит все сведения о человеке. Для однозначной идентификации посетителя используется логин и пароль. Кроме этих данных, аккаунт может содержать дату рождения, пол и интересы пользователя. Вся эта совокупность данных и есть то, что принято называть аккаунтом [3]. Первая страница при открытии аккаунта пользователя называется профилем, по нему можно передвигаться и просматривать интересующую информацию.

В качестве примера рассмотрим социальную сеть Instagram, так как на данном этапе развития интернет-ресурса практически вся коммерческая деятельность и самореализация некоммерчески настроенных пользователей разворачивается именно на этой платформе.

Интересы пользователей отслеживаются по мере того, какие страницы просматривал любой частный пользователь за последние дни и какие публикации отмечал как понравившееся. Страница пользователя отражает его личные интересы и происходящие с ним события. Говоря о странице пользователя, мы можем привести следующее понятие – social media wall is alive or aggregated (and usually filtered) feed of social posts from sites like Twitter, Instagram and Facebook that are displayed on any digital signage display. Posts using specific hashtags or handles are funneled to the display, which rotates in new content automatically – стена в социальных сетях – это агрегированные и обычно избранные новостные заметки с таких сайтов как Twitter, Instagram и Facebook, которые отображаются на любом цифровом устройстве. Записи, включающие специальные хэштеги, отображают контент автоматически [4]. На основе личных интересов владельца аккаунта ему могут быть предложены схожие по контенту аккаунты, а соответственно, наиболее вероятны те, которые к этому моменту будут занимать высокие позиции в чарте, опираясь на количество фидбэков (от англ. feedback – advice, criticism or information about how good or useful something or somebody's work is) – иными словами, откликов [5].

«Текст в социальных сетях содержит разные семиотические визуальные (вербальные, иконические) знаки, которые принято называть поликодовыми. Тексты полимодального характера воспринимаются при помощи различных модальностей – каналов восприятия информации, в частности, зрительной и аудиальной. Таким образом, наличие кодов и модальностей становится двумя самостоятельными аспектами классификации: поликодовый текст (соединяющий в себе вербальный и визуальный код) может быть и модальным, если он воспринимается исключительно при помощи зрительного анализатора. Данные тексты, по определению Г.В. Ейгера и В.Л. Юхта, получили название креализованного текста» [цит. по: 6, с. 45.]. Креализованный текст является характерной особенностью индивидуальных аккаунтов как элемента социальных сетей, в сообщениях которых присутствуют аудио- и видеосообщения, смайлы, эмодзи.

Индивидуальные аккаунты можно разделить на два вида: профессионально-ориентированные и бытовые. Под профессионально-ориентированными аккаунтами мы понимаем коммерческую деятельность или узкоспециальный профиль. Данные аккаунты направлены на постоянную коммуникацию и взаимодействие с пользователями, заинтересованными в содержащемся контенте аккаунта. Одной из главных характеристик данного аккаунта является непрерывный рост подписчиков, что создает поле взаимодействия пользователей и продвижение данного профессионального аккаунта. Продвижение осуществляется при помощи рекламы внутри самого профиля и вовлечения третьих лиц (когда подписчики делятся публикацией с другими пользователями, не подписанными на этот профессиональный аккаунт). Второй важной характеристикой такого вида аккаунта является открытый доступ. Любой пользователь может просматривать контент, делиться записями этого контента, комментировать, делиться публикацией данного профессионального аккаунта у себя на странице. Другими словами, идет постоянное увеличение подписчиков и смена информационной насыщенности.

Бытовые аккаунты не обладают схожими характеристиками или обладают ими не в полной мере. Основной задачей такого индивидуального аккаунта личного пользователя является взаимодействие с другими пользователями, знакомыми в реальной жизни. В связи с имеющимся количеством знакомств в реальной жизни число подписчиков внутри сети Интернет не может быть больше, а если такое и имеет место, то по большей части это познавательные аккаунты, не предназначенные для вступления в диалог. Таким образом, количество подписчиков у данного типа аккаунта не будет измеряться тысячами, как мы можем заметить у профессионально-индивидуального аккаунта.

Контент в бытовом аккаунте сменяется нерегулярно, реклама аккаунта отсутствует. Коммерческой деятельности внутри аккаунта индивидуального пользователя или не имеется, или она носит второстепенный характер. Например, это может быть преподаватель, который ведет индивидуальный аккаунт личного пользования и делится какими-то событиями из своей жизни и иногда выставляет пост с рекламой своих профессиональных услуг, однако это выполняется непрофессионально, без цели расширения круга аудитории. Часто подобные аккаунты закрыты, и доступ к контенту может получить только пользователь, отправивший заявку на подписку. Заявка может быть как одобрена, так и отклонена.

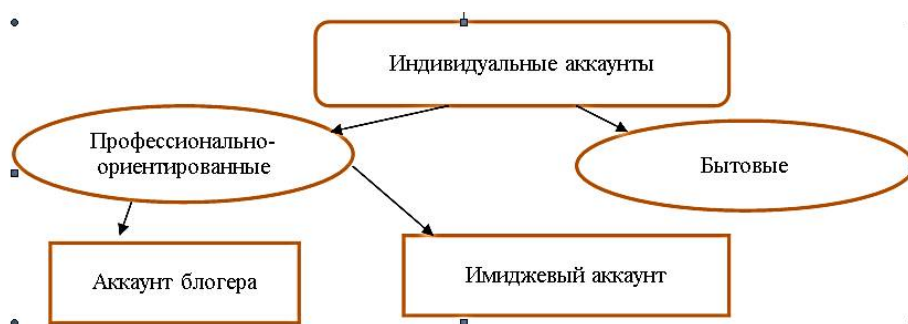

Рис. 1. Типология индивидуального аккаунта

Это свидетельствует о том, что индивидуальный пользователь аккаунта не старается реализовать свою коммерческую деятельность для незнакомых ему лиц и не нацелен на пропаганду своих интересов, выраженных через публикации для широкого круга пользователей. Заметим, что именно аккаунты индивидуального пользователя и являются той аудиторией, на которую направлена деятельность всех индивидуально-профессиональных аккаунтов.

Разделяя индивидуальные аккаунты на две группы – профессионально-ориентированные и бытовые, мы можем классифицировать первую группу на два типа: аккаунт блогера и имиджевый аккаунт.

Блогеры представляют интернет-сообщество, внутри которого они действуют в различных направлениях и имеют своей отличительной чертой постоянное онлайн-присутствие в блоге. Они нацелены на общение со своими подписчиками и в своем блоге всегда обращаются к публике. Редко встречаются монологи без обращений или рассуждения. Но так или иначе, все публикующееся на странице блогеров должно быть замечено подписчиками, иначе, не получая достаточного количества просмотров, лайков, репостов, дискуссий в комментариях, частных сообщений в личный кабинет на тему текста/ графических публикаций, выставленных блогером, его страница теряет актуальность и понижается в списке платформы Instagram и других социальных сетей, и эту страницу тяжело найти другим пользователям, еще не подписанным на данного блогера. Блогеры ведут свои аккаунты ежедневно и ежечасно, стараясь вносить что-то новое и компрометирующее, часто выходят в режим эфира и ведут беседу со своими подписчиками.

Часто поведение блогеров характеризуется эксцентричностью, стремлением привлечь внимание, поэтому они стараются постоянно удивлять своих подписчиков и оставаться на волне популярности. В своих диалогах с подписчиками каждый демонстрирует свою индивидуальность; иной раз ответы могут содержать лексику с отрицательной коннотацией, бранные слова в адрес тех, кто не согласен с их мнением или критикует публикацию блогера.

Примером может послужить аккаунт *mary_dav* – это известный визажист, позиционирующий себя как мейкапер-бунтарь. Количество подписчиков составляет почти 50 000 человек, однако его профиль неverified.

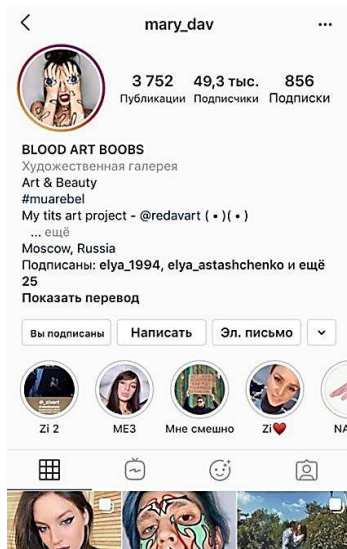

Рис. 2. Профиль пользователя *mary_dav*, аккаунт блогера

Данный блогер публикует в профиле свои работы, видео со съёмок, а также фотографии с креативным макияжем. Под каждой фотографией помещается текст большого объёма, описывающий работы. Иногда под фотографией с новой работой присутствуют рассуждения, касающиеся разных тем. За период с июля по декабрь 2019 года пользователь опубликовал 133 публикации, которые включают как фотографии, так и видео.

Под фотографией написаны рассуждения пользователя *mary_dav* о толерантности: *«Уже тошнит от этой всепоглощающей и диктующей толерасии... на каждом углу орут: «Любите кого хотите; не брейтесь, если не хотите»... от этой навязчивости чувствую на себе давление и дискриминацию...»*. Под данным сообщением 132 сообщения-комментирования, 1961 отметка «нравится» за период 8 месяцев. Многие подписчики вступали в разговор, придерживаясь разных точек зрения, при этом показывая раздражение при

помощи лексем с отрицательной коннотацией (унижать – задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство, поставить в унижительное положение [7], изнасилование – половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей [8], убийство – преступное лишение жизни кого-нибудь [9]):

- padenkee_: «... *поздравляю, вы, НАВЕРНОЕ, хотя бы на несколько процентов ощущаете то, что ощущают те...десятками лет унижаемые, за то, что любят людей своего полу...*».

- mary_dav: «*Так себе повод для поздравления* 😊» .

- nebonaminedovolno: «...пока вокруг нас... изнасилования лесбиянок, пока есть убийства геев из-за ориентации, пока есть травля девочек...».

Общепризнанным является тот факт, что диалог – это «ситуация общения двух или нескольких коммуникантов, чаще всего в устной форме. Она предполагает поочерёдные реплики меняющихся ролями (адресант – адресат) участников. Однако современное информационно-коммуникативное пространство расширяет представление об общении в целом и о диалоге в частности. Дистантное современное общение включает различные возможности, среди которых выделяют активно используемое виртуальное общение. Наибольшее распространение получил этот вид коммуникации в социальных сетях, на сайтах по интересам, форумах и т. д.» [10, с. 139].

Рассмотрим пример того же блогера, рекламирующего косметику Loreal Colorista. Размещена фотография окрашенных волос с изображением самого продукта. Под публикацией блогер детально описывает процесс окраски, удобства использования данного конкретного производителя и обращается с вопросами относительно совершенно другой темы к аудитории.

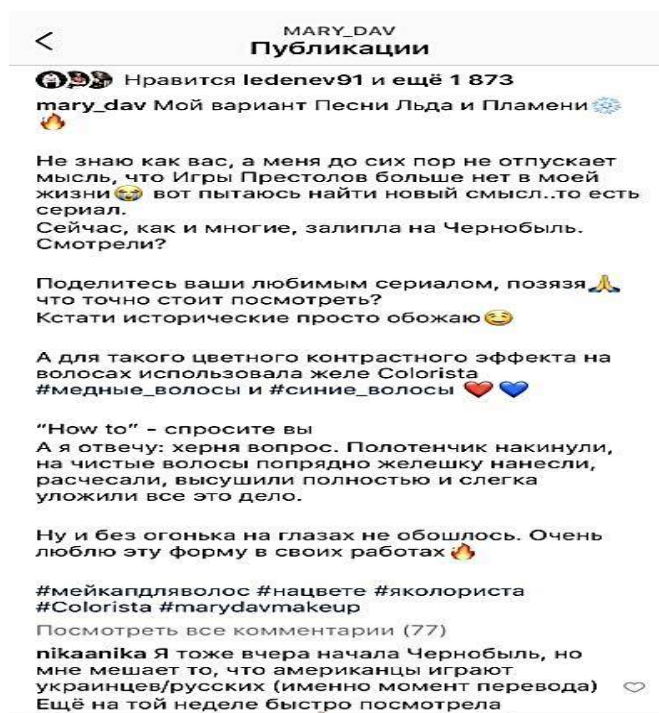

Рис. 3. Диалог владельца аккаунта с подписчиками

Таким образом, мы видим ненавязчивость рекламы и отличие в преподнесении товара блогером от стандартной рекламы. Лексика носит бытовой характер, содержит большое количество смайлов, эмодзи и обращений. Под публикацией зафиксировано 1873 лайка и 77 комментариев. Владелец аккаунта входит в диалог со своими подписчиками, однако они между собой диалогов не ведут. Большее число комментариев остаются без ответа.

Также блогеры создают рубрики с хэштегами, чтобы получать постоянное общение с публикой. Если рассматривать хэштег как свернутый текст, мы можем выделить следующие его свойства: маркирование слова для легкого поиска на платформе Интернет, распределение слов по темам, вербальная передача настроения в тексте, передача монологической формы общения в публикации пользователя, ассоциативность.

Хэштеги в социальных сетях выполняют следующие функции: семантическая и синтаксическая – функция материального маркера организации текстовых сообщений; оценочная функция – реализация массового отношения к особенностям существующей публикации. Хэштег служит маркером тематически схожих публикация и объединяет их в группы [11]. У рассматриваемого блогера ежедневно таких рубрик несколько:

#машмокияш – с периодичностью под этим хэштегом проводится конкурс между подписчиками на выполнение макияжа заданной тематики, за участников могут голосовать другие участники и по окончании выставленного срока объявляется победитель, которому отправляется приз от блогера.

Другая рубрика звучит #давайарт – здесь блогером рассматриваются темы, связанные с искусством. Он публикует различные картины знаменитых художников, рассказывает их простыми словами для широкой аудитории.

Рис. 4. Хэштег, опубликованный владельцем аккаунта блогера

Ещё одним примером профессионально-ориентированного индивидуального аккаунта является имиджевый. Имидж – это впечатление, которое производится человеком на публику. Имиджевый аккаунт создают для подчеркивания своего статуса и значимости. Обычно это делают знаменитости, которые таким образом поддерживают связь со своими поклонниками и не допускают возможности снижения рейтинга своей популярности. Интернет стал проводником в мир известности: практически любая медийная личность имеет свой аккаунт.

Подобные аккаунты могут быть верифицированными, то есть проверенными и одобренными руководством социальной сети как принадлежащие общественно известной личности. Верифицированные аккаунты отмечены галочкой на странице пользователя, по которой он может сразу понять, что страница действительно принадлежит медийной личности, а не создана фанклубом, пользователем, который назвал свой профиль именем кумира, и не явля-

ется фейковой. Пользователь может сам подать заявку в дирекцию Instagram для получения данного статуса.

Примером может служить аккаунт певицы Полины Гагариной с характерным никнеймом *gagara1987*. На ее странице размещаются фотографии с массовых мероприятий, видео с концертов и личные фото. За период с июля по декабрь 2019 г. насчитано 264 публикации, которые содержат фото и видео. У певицы 6,1 млн. подписчиков, ее страница верифицирована. Верификацией служит голубая галочка напротив никнейма.

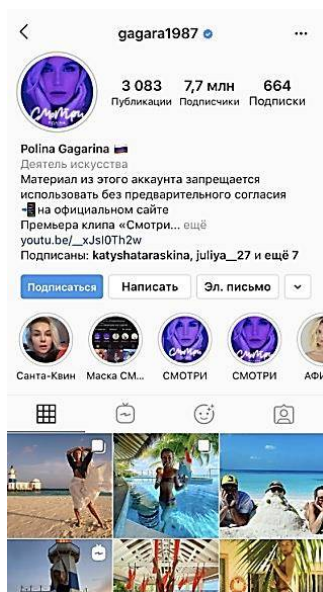

Рис. 5. Профиль пользователя *gagara1987* - имиджевый аккаунт

Владельцы имиджевых аккаунтов демонстрируют свой успех. Они размещают фотографии с концертов, съёмок, наградений и любых мероприятий, где они побывали. По большей части владелец подобного аккаунта не вступает в общение со своими подписчиками. Очень редко владельцы имиджевых аккаунтов отвечают на вопросы под публикациями или реагируют на сообщения в директ. Это связано с большим охватом аудитории и физической невозможностью общаться с каждым, однако на то есть и другие причины – различие в статусе; то, как преподносят себя пользователи имиджевых аккаунтов.

Рис. 6. Профиль пользователя *alxchernyshev* - бытового аккаунт

Бытовой аккаунт – это самый распространенный тип индивидуальных аккаунтов. Для того, чтобы завести данный тип аккаунта, не нужно обладать какими-то знаниями или выдерживать стиль и направленность публикаций. Аккаунт ведется в желаемом для пользователя ритме, публикации могут появляться с любой периодичностью и любого объема. Пользователю не нужно отвечать на комментарии под записями в обязательном порядке, как это свойственно профессионально ориентированным аккаунтам, для удержания подписчиков и постоянной беседы с ними. В случае небольшого внимания на отклики подписчиков владелец бытового аккаунта не столкнется с низким рейтингом своего аккаунта: ведь он не заинтересован в его продвижении; аккаунт может быть вообще закрыт и не нацелен на доступность всем пользователям «всемирной паутины». Данный аккаунт может создавать пользователь, целью которого является лишь коммуникация.

Например, пользователь *alxchernyshev*, имеющий небольшое количество пользователей в сети Инстаграм – в течение полугода (июль-январь) создал 10 публикаций, из которых 9 фотографий личного характера в путешествиях с другими людьми на фоне различных географических объектов и 1 видео с чемпионата по футболу, отражающее его спортивные предпочтения.

Несмотря на небольшую активность относительно публикации материалов, это не мешает пользователю просматривать страницы знакомых в данной социальной сети, а также общаться при помощи частных сообщений. Опрос данного пользователя показал, что в течение недели пользователь пользуется частными сообщениями 3-4 раза.

Владельцы индивидуальных аккаунтов, как профессионально ориентированных, так и бытовых, преследуют цель информационного обогащения и читают интересующие их профили других пользователей для накопления знаний, коммуникации, а также для самовыражения. Нельзя забывать о нарастающей популярности знакомств в социальных сетях, что также может быть одной из характеристик аккаунта индивидуального пользователя. Мы можем заключить, что индивидуальный пользователь не стремится к использованию своего аккаунта для коммерческих целей или коммуникации с большой аудиторией.

Таким образом, интернет-ресурс представляет собой новую площадку для демонстрации человеком своей идентичности. Создавая тот или иной аккаунт, пользователь сталкивается с целью своей деятельности: направлена ли она на достижение коммерческих идей или же на саморепрезентацию и активное времяпровождение в виртуальном пространстве. «Семиотическая полимодальность позволяет диалогам в социальных сетях совмещать знаки из семиотических систем, опирающихся на разные модусы порождения, восприятия и «упаковки» информации – зрительные, вербальные, цветовые и иные» [12, с. 11].

Аккаунт блогера и имиджевый аккаунт имеют общие черты, направленные на достижение успеха в заданных параметрах. Широкий охват аудитории приводит к сотрудничеству с другими брендами, аккаунты привлекаются к рекламе, все это нацелено на коммерческую деятельность и постоянный рост числа подписчиков, что приводит к расширению потенциальных покупателей и обогащению тематики профиля.

Что касается бытового аккаунта, то ведение данного типа профиля позволяет человеку, являющемуся пользователем социальной сети, демонстрировать свой набор ценностей и установок, а также сравнивать свою идентичность с другими пользователями. Даже сознательное ведение аккаунта как отражение жизненных установок или, наоборот, уход от действительности может создать картину о пользователе как о личности. Ведение диалогов и стиль написания публикаций, использование определенной лексики создает портрет языковой личности пользователя.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 50. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55> (дата обращения - 16.02.2020).
2. Маклюен М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский, Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
3. Что такое аккаунт? Как зарегистрировать аккаунт и зачем он нужен? [Электронный ресурс] URL: <https://myblaze.ru/chto-takoe-akkaunt-kak-zaregistrirovat-akkaunt-i-zachem-on-nuzhen/> (дата обращения – 15.02.2020)
4. Unplug blog [Электронный ресурс] URL: <https://blog.enplug.com/what-is-a-social-media-wall/> (дата обращения – 20.02.2020)
5. Online Oxford Dictionary [Электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/> (дата обращения - 16.02.2020).
6. Некрасова Е.Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45-48.
7. Малый академический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/search?term=%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%82%D1%8C/> (дата обращения – 20.02.2020).
8. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения - 20.02.2020).
9. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/search?term=%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/> (дата обращения – 17.02.2020).
10. Косых Е.А. Виртуальность диалога в тексте инскрипта // Диалогическая лингвистика. Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 139-153.
11. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 139–162.
12. Волоскович А.М. Иконотекст как разновидность полимодальной гибридизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Выпуск №5. № 611. С. 25-35.

References

1. Karasik V.I. // Genres of the Internet discourse // Genres of speech. 2019. Vol. 1 (21). P. 50. URL: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55> (date of application - 16.02.2020).
2. McLuhan M. Understanding of media: outside expansions of the man. Moscow, 2003. 464 p.
3. What is an account? How to register your account and why you need it. URL: <https://myblaze.ru/chto-takoe-akkaunt-kak-zaregistrirovat-akkaunt-i-zachem-on-nuzhen/> (date of application – 15.02.2020).
4. Unplug blog. URL: <https://blog.enplug.com/what-is-a-social-media-wall/> (date of application – 20.02.2020).
5. Online Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/> (date of application - 16.02.2020).
6. Nekrasova E.D. To the question of perception of polymodal texts // The Bulletin of Tomsk State University. 2014. Vol. 378. С. 45-48.

7. The small academic dictionary. [Electronic resource] URL: <https://gufo.me/search?term=%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%82%D1%8C/> (date of application – 20.02.2020).

8. The great encyclopedic dictionary [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%B%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (date of application – 20.02.2020).

9. Explanatory dictionary of D.N. Ushakov [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/search?term=%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/> (date of application – 17.02.2020).

10. Kosyh E.A. Virtual dialogue in the text of inscript // Dialogue linguistics. Barnaul, 2019. P. 139-153.

11. Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Political content of social movements in the online-space of modern states: methods of analysis and research practice // Sothern-Russian journal of social sciences. 2018. Vol. 19. Iss. 3. P. 139–162.

12. Voloskovich A.M. Icon text as a type of polymodal hybridization // The Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2011. Vol. №5. Iss. 611. P. 25-35

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 811.161.1

*Поволжский православный институт
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
Лысова О.Ю.*

*Россия, г. Тольятти, тел. +79025814933
e-mail: olgha_lysova@mail.ru*

*Volga State Orthodox Institute in Togliatti
Associate Professor of the Department of
Russian Language and Literature, Candidate
of Philology sciences*

*Lysova O. Yu.
Russia, Togliatti, tel. +79025814933
e-mail: olgha_lysova@mail.ru*

*Филиал Военного учебно-научного центра
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная
академия им. профессора Н.Е.Жуковского
и Ю.А.Гагарина»*

*преподаватель русского языка
Самарский государственный социально-
педагогический университет
аспирант*

*Немич Н.Н.
Россия, г. Сызрань, тел. +79025172315
e-mail: nemich.natalya@mail.ru*

*Branch of the Military Educational-Research
Centre of Air Force «Air Force Academy
named after professor N.E.Zhukovsky and
Y.A.Gagarin» in Syzran*

*teacher of the Russian Language
postgraduate student of the Samara State So-
cial and Pedagogical University
Nemich N.N.*

*Russia, Syzran, tel. +79025172315
e-mail: nemich.natalya@mail.ru*

О.Ю. Лысова, Н.Н. Немич

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ, ФРАЗЕОЛОГИИ И ГРАММАТИКЕ-2020 (ИТОГИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Е.П. ИВАНЯН)

О.Yu. Lysova, N.N. Nemich

DYNAMIC PROCESSES IN LEXIC, PHRASEOLOGY AND GRAMMAR-2020 (RESULTS OF THE METHODOLOGICAL SEMINAR OF PROFESSOR, DOCTOR OF PHILOLOGICAL SCIENCES E.P. IVANYAN'S SCIENTIFIC SCHOOL)

10 июля 2020 г. в режиме online (с использованием платформы Zoom) на базе Самарского государственного социально-педагогического университета состоялся очередной методологический семинар научной школы доктора филологических наук, профессора Е.П. Иванян на тему «Лингвистическая русистика-2020: динамические процессы в лексике, фразеологии и грамматике». Научные семинары подобного вида проводятся в рамках концепции научной коммуникации как способа организации и репрезентации региональной науки в виртуальном пространстве.

Участниками семинара стали филологи различных городов Самарского региона (г. Самара, Тольятти, Сызрань), а именно: преподаватели Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Поволжского православного института, Сызранского филиала Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», аспиранты и магистранты профессоров Е.П. Иванян и М.Ю. Михайловой.

В методологической части научного семинара «Лингвистическая русистика-2020» профессор Е.П. Иванян затронула важный для исследователей вопрос: «Написание лингвистических статей в 2020 году: алетическая или деонтическая модальность? Аналитический обзор по теме». Доклад учёного был посвящен содержательным и структурным аспектам научных статей, в частности статей по базам данных РИНЦ, Scopus и Web of Science; а также особенностям современных статей, рекомендованных перечнем ВАК. Автор предложила алгоритм подготовки к написанию научной статьи, подробно рассмотрела требования к структуре каждого типа статей, отметив принципиальные отличия статей в масштабе исследования. Профессор Е.П. Иванян отметила, что, ставя перед собой различные исследовательские задачи, необходимо учитывать и формальные критерии определения новизны материала статьи. Например, материалы статьи, не содержащей новой информации, носят тривиальные результаты, в этом случае только переизлагается уже известная идея (что не допустимо). В докладе была также рассмотрена проблема множественных публикаций, даны рекомендации того, как избежать начинающему ученому написания подобных публикаций, как случайно не процитировать в своей работе множественные публикации других исследователей. В заключение руководитель научной школы обратилась к участникам семинара с пожеланиями продуктивной работы и новых достижений в научной деятельности.

В теоретической части методологического семинара профессор Е.П. Иванян познакомила участников семинара с проектом «Анекдоты армянского радио: прошлое и настоящее», рассказав о специфике этой серии советских анекдотов, которая проявляется в ряде признаков (прототексте; экстралингвистических факторах; собственно структуре и значительном количестве тематических групп, в которые содержательно входит серия анекдотов данного вида).

В докладе региональной направленности кандидата педагогических наук, доцента кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М.Г. Соколовой «Тропеические и символические приращения в семантике дендронимов в поэзии А.В. Ширяевца» были проанализированы народнопоэтические, общепозэтические, индивидуально-авторские семантические трансформации дендронимов в поэтических текстах обозначенного литератора. В результате проведенного исследования выявлены семантические признаки девяти дендронимов, репрезентируемые с помощью антропоморфных образов сравнения и народнопоэтического образного параллелизма, а также символические значения соответствующих номинаций: *зелёное дерево – скоротечность и бренность человеческой жизни; берёза – символ родины и детства; дерево – память о безмятежном прошлом*. Учёным было установлено преобладание средств традиционной поэтической образности при изображении деревьев над индивидуально-авторскими образами сравнения и символическими признаками, что и является фольклорно-песенной основой творчества А.В. Ширяевца.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Поволжского православного института О.Ю. Лысова в докладе «Языковые средства создания образности русских фразеологизмов с прозрачной внутренней формой» отметила, что имеется необходимость более детального изучения фразеологического фонда русского языка с прозрачной внутренней формой, природа которой на сегодняшний день остаётся не описанной полностью, хотя указанные фразеологизмы составляют довольно многочисленную, часто употребительную и типичную для русского языка серию фразеологизмов. Докладчик под-

черкнула, что, несмотря на пристальное внимание учёных к вопросам фразеологии, продолжает оставаться неизученной фразеология выражений с прозрачной и затемнённой, утраченной внутренней формой, что представляет несомненный интерес как для теоретических предметов, так и для практического изучения. О.Ю. Лысова представила системный подход к описанию механизма формирования образности у фразеологических единиц с прозрачной (наглядной) внутренней формой.

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ О.Д. Паршина посвятила свое актуальное выступление средствам выражения семантики гипотетичности наименований «русской глубинки». Учёный проанализировала природу гипотетического описания, которая предполагает описание неизвестного через соотнесение с уже познанным, имеющимся. В этом случае набор критериев, приписываемых имеющемуся, экстраполируется на неизвестное, что может приводить и к некоторому его упрощению – действительность становится малозначимой. О.Д. Паршина отметила, что в случае с глубиной территория мыслится как пространство именно гипотетическое. Она неизвестна не только жителям столицы, но и обитателям глубинки в отношении других территорий. В этом случае средствами выражения семантики гипотетичности будут неопределённые местоимения и наречия.

В докладе кандидата филологических наук, доцента И.В. Гуровой были представлены результаты исследования динамических процессов в сфере виртуальной коммуникации на материале языка социальных сетей «Facebook» и «Twitter». Выявлены закономерности употребления *гейт*-лексем (слов с компонентом *-гейт* в значении 'скандал') в качестве хэштегов. Охарактеризованы функции *гейт*-хэштегов: 1) маркер темы сообщения; 2) функция отсылки к прототипическому тексту; 3) оценочное слово; 3) игровая функция; 4) функция самопрезентации пользователей социальных сетей.

Доклад доктора филологических наук, профессора М.Ю. Михайловой «Репрезентация невыразимого в лингвокреативной деятельности» был посвящён анализу репрезентации семантики невыразимого в лингвокреативной деятельности. Участникам семинара для ознакомления и анализа были предложены примеры из новой формы интернет-фольклора – котоматрицы. Данный доклад продолжает исследование М.Ю. Михайловой, посвященное рассмотрению средств передачи категории невыразимого в лингвокреативном аспекте.

В докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Н.В. Гонновой «Дериваты с оценочными компонентами в ономастическом пространстве» рассмотрены онимы (названия фирм, учреждений, предприятий, объектов прагматической деятельности, праздников, письменных произведений, средств массовой информации и т.д.), находящиеся на периферии ономастического пространства. Докладчик акцентировал внимание на единицах типа *Чудо-Красотка*, *Чудо-Чудо*, *Чудо-остров*, *Чудо-повар*, *Чудо-пропись*, *Чудо-Люда* и др., первая часть которых – неизменяемый оценочный компонент *чудо-*. Н.В. Гоннова также подчеркнула, что проанализированные онимы выполняют функции рекламных имён.

Аспирант Е.Н. Полякова представила доклад на тему «Тенденции номинирования интимной сферы в периодике 1920-х гг.». Докладчик выявила тенденции, обусловленные двумя типами факторов: а) спецификой темы; б) спецификой исторического периода, акцентировав внимание на первых. Языковым материалом исследования стали номинации интимной сферы, функционировавшие в журналах «Смена» (1924-1930 гг.) и «Молодая гвардия» (1922-1930 гг.). Специфика темы, по мнению Е.Н. Поляковой, заключается в том, что сексуальная сфера, по оценке отечественных и зарубежных исследователей, является одной из традиционных областей языкового табу. В результате анализа языкового материала автором были выявлены следующие тенденции номинирования полового вопроса в молодежных журналах 1920-х годов: эвфемизация, дисфемизация, детабуизация в пропорции 67:15:18 соответственно. Подробно проанализировав данные тенденции с опорой на эмпирический материал,

Е.Н. Полякова заключила, что табуизмы, отличающиеся системным использованием в журналах 1920-х гг., являются иноязычными и в русский язык вошли в период с XVIII по XIX вв., в языке-первоисточнике данные номинации не являются собственно прямыми, как следствие, на момент заимствования обладали уже некоторым эвфемистическим эффектом.

В докладе аспиранта Н.Д. Осиповой «Структурная характеристика отантропонимных прагматонимов (на материале наименований конфет)», с точки зрения синтаксической структуры, были проанализированы наименования конфет, включающие топонимы и оттопонимные субстантиваты. Натальей Дмитриевной были выделены однокомпонентные топонимные прагматонимы, а также прагматонимы, представляющие собой словосочетания и предложения. Н.Д. Осипова отметила, что оттопонимный способ номинации в большей степени характерен для некоторых кондитерских фабрик Санкт-Петербурга, Красноярска, Челябинска, а также Самарской области. Подобные наименования отражают социокультурные особенности того или иного региона.

Аспирант М.П. Черникова посвятила свой научный доклад анализу ономастических полей в рассказах Т.Н. Толстой «Чистый лист» и А. Старобинец «Икарова железа». Марина Павловна выявила и проанализировала основные группы собственных имён и определила их функции.

В докладе аспиранта Н.Н. Немич «Экспрессивные средства текстов газетного дискурса» были рассмотрены некоторые особенности использования экспрессивных лексических средств на материале местной газеты г. Сызрани «Читай и думай» за 2016-2018 годы. Н.Н. Немич отметила, что газетный дискурс имеет огромный потенциал для исследования структуры текста, его содержания, лингвостилистических особенностей, в частности, экспрессивности. По мнению докладчика, экспрессия газетного текста придает ему эмоциональность, что делает его незаменимым в лингвистическом аспекте. Экспрессивность, выразительность публицистики не сводятся к образности и не ограничиваются ею. Это лишь один из возможных компонентов выразительности газетно-публицистической речи.

Аспирант А.А. Хохлова представила доклад на тему «Особенности филологического анализа поэтического языка». А.А. Хохлова сосредоточила внимание участников семинара на том, что в настоящее время наблюдается тенденция перехода от узкой трактовки поэтического текста как последовательности языковых единиц разного порядка в сторону широкого понимания. В заключение выступления аспирант отметила, что признаёт оправданным комплексный подход в изучении и филологическом анализе художественных текстов для более глубокого исследования и представления текста как многопланового и многоуровневого явления.

Магистрант второго курса П.С. Иванова в докладе «Методический инструментарий корпоральной семантики как учебной дисциплины» дала характеристику состояния корпоральной семантики в современной лингвистике и представила свой вариант разработки вузовского курса «Корпоральная семантика» как учебной дисциплины.

В заключение подчеркнём, что участники семинара «Лингвистическая русистика-2020» единодушно отметили положительный эффект проведения мероприятия в формате online, который можно считать удобным, позволяющим на высоком техническом уровне транслировать доклады участников, задавать вопросы и активно обсуждать результаты исследований. Значимость подобных мероприятий даёт колоссальный опыт научного общения и открывает новые направления для исследования.

Библиографический список

1. Гоннова Н.В. Дериваты с компонентами чудо-, горе-, царь- как средство выражения эмоциональной оценки // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: Сборник

трудов Международной научной конференции (г. Москва, 23-24 ноября 2018 г.) / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) и др. Москва: ИИУ МГОУ, 2018. С. 92–96.

2. Гоннова Н.В., Осипова Н.Д. «Методологический семинар «Методология лингвистических исследований в русистике: многообразии микропарадигм» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 2 (37). С. 162–166.

3. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 29–31.

4. Иванян Е.П., Белкина Ю.А. Научная коммуникация как способ организации и репрезентации региональной науки в виртуальном пространстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2–4. С. 857–860.

5. Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка. курс лекций. М., 2013. Том Часть 2. 2-е изд., стереотипное. 463 с.

6. Лысова О.Ю. Образность внутренней формы фразеологизмов русского языка // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Часть III. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2010. С. 181–186.

7. Лысова О.Ю. Синхроническое и историко-этимологическое понимание внутренней формы фразеологизма // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». В 5 томах. Том 5. Гуманитарные и социальные науки, образование. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2016. С. 272–275.

8. Михайлова М.Ю. Репрезентация невыразимого в лингвокреативной деятельности // Уральский филологический вестник [Текст] / Урал. гос. Пед. ун-т. – Вып. 2: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» 27–28 апреля 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 339–345.

9. Немич Н.Н. Изучение категории экспрессивности в рамках лингвистического анализа текстов газетного дискурса // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Текст: материалы VI Международной научно-методической конференции (22 мая 2020 г.). Омск, ОАБИИ, 2020. С. 68–72.

10. Паршина О.Д. Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 126–129.

11. Полякова Е.Н. Лингвоцинизация микрополя «последствия внебрачных половых отношений» в дискурсе 1920-х годов как отражение аксиологических ориентиров общества начала XX века // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для молодых ученых. Уфа, 2018. С. 239–248.

12. Соколова М.Г. Развитие семантических признаков дендронима тополь в поэтическом языке XIX–XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 148–152.

13. Соколова М. Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19–29.

References

1. Gonnova N.V. Derivatives with the components of miracle, misfortune, tsar- as a means of expressing emotional assessment // Rational and Emotional in Russian - 2018: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 23-24, 2018) / ed. call .: N.B. Samsonov (editor-in-chief) and others. Moscow: IIU MGOU, 2018. p. 92–96.

2. Gonnova N.V., Osipova N.D. "Methodological seminar" Methodology of linguistic research in Russian studies: a variety of microparadigms // Actual problems of modern philology and journalism. 2020. No. 2 (37). p. 162–166.

3. Gurova I.V. Gate derivatives: borrowed vs. educated on Russian soil // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7. No. 3 (24). p. 29–31.

4. Ivanyan E.P., Belkina Yu.A. Scientific communication as a way of organizing and representing regional science in virtual space // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013. T. 15. No. 2-4. p. 857–860.

5. Ivanyan E.P. General linguistics. Language theory. lecture course. M., 2013. Volume Part 2. 2nd ed., Stereotyped. 463 p.

6. Lysova O.Yu. The imagery of the internal form of phraseological units of the Russian language // Materials of the VII International Scientific and Practical Conference "Tatishchev Readings: Actual Problems of Science and Practice". Part III. Togliatti: Volga University named after V.N. Tatishcheva, 2010. p. 181–186.

7. Lysova O.Yu. Synchronous and historical-etymological understanding of the internal form of phraseological units // Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference "Tatishchev Readings: Actual Problems of Science and Practice." In 5 volumes. Volume 5. Humanities and social sciences, education. Togliatti: Volga University named after V.N. Tatishcheva, 2016. p. 272–275.

8. Mikhailova M.Yu. Representation of the inexpressible in linguocreative activity // Ural philological bulletin [Text] / Ural. state Ped. un-t. - Issue. 2: Proceedings of the International Scientific Conference "Linguistics of Creativity: Trends and Prospects for the Development of a New Scientific Direction" April 27-28, 2018 Yekaterinburg, 2018. p. 339–345.

9. Nemich N.N. Study of the category of expressiveness within the framework of linguistic analysis of newspaper discourse texts // Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects. Text: materials of the VI International Scientific and Methodological Conference (May 22, 2020). Omsk, OABII, 2020. p. 68–72.

10. Parshina O.D. Studying the phenomenon of the province in the humanities: an analytical review // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2020. Volume 13. Issue 2. p. 126–129.

11. Polyakova E.N. Linguocinization of the microfield "the consequences of extramarital sex" in the discourse of the 1920s as a reflection of the axiological guidelines of society at the beginning of the 20th century // Priorities of modern philological science in understanding the multicultural space: Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation for young scientists. Ufa, 2018. p. 239–248.

12. Sokolova M.G. The development of semantic features of the dendronym poplar in the poetic language of the 19th-20th centuries // Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. No. 1 (26). p. 148–152.

13. Sokolova MG Types of semantic transformations of dendronyms in poetic texts of A. V. Shiryayevs // Philology and man. 2020. No. 2. p. 19–29.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег*, *первый снежок*, *первый снегопад*, *первые сугробы*, *первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми оборотами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
3. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
3. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3(38) 2020

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 30.09.2020. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 13,7. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84